

№ 8
2013

КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

НИВА

Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Учредители: ОО «Союз писателей Казахстана» и Центр «Каламгер-медиа»

Председатель совета редакторов: **Н. М. ОРАЗАЛИН**

Редакционный совет:

О. К. ЖАНАЙДАРОВ (главный редактор),

Ю. В. БОГДАНОВА (ответственный секретарь),

Б. М. КАНАПЬЯНОВ (г. Алматы), **Г. К. КУДАЙБЕРГЕНОВ** (г. Астана),

А. Ю. КУРЛЕНЯ (г. Петропавловск), **Р. Ю. МАХАТАДЗЕ** (г. Караганда),

Ю. Д. ПОМИНОВ (г. Павлодар), **В. И. РЫЖКОВ** (г. Караганда),

Т. И. СЫЗДЫКОВ (г. Кокшетау), **А. Ю. ТАРАКОВ** (г. Астана),

И. Б. ТЕТЕРИНА (г. Астана), **В. В. ШУПЕЙКИН** (г. Алматы),

Л. Ю. ЮРКОВА (г. Усть-Каменогорск).

В номере:

Память

М. Гольдберг. В сердцах миллионов людей	4
О. Жанайдаров. Продолжить дело Гундарева	6
А. Тараков. Слово о друге; Три планеты Владимира Гундарева ..	10
А. Бусс. Встретимся в Целинограде	20
Д. Глухих. Человек с распахнутым сердцем	24
А. Лысенко. Годы счастливого творчества	50
Д. Нургалиев. Одухотворённый мир Гундарева	65
Н. Чернова. Жить весело, хоть и трудно	68
Г. Вишнякова. Мы все осиротели без него	80
И. Брейдо. О Человеке и Поэте	83
Л. Шашкова. Одиночество в «машине времени»; На ниве русской речи	95
В. Шупейкин. Его душа стремилась к небесам	101
М. Кохнович. Энергия благого дела	110
С. Назарова. Ненужное зачеркнуть	112
И. Юзупанова. Год — это много или мало?	114

Беседа

- Ю. Поминов.** «Всё, что могу, я на себя беру!» 28
М. Гольдберг. Деревенька моя... 76
-

Критика и литературоведение

- Н. Шафер.** Камертон искренности 54
В. Владимиров. Нет счастья и побед без сердца и любви 57
В. Сон. Соль и мёд планеты Любви 60
П. Поминов. Закон Гундарева 71
Р. Артемьева. Без веры — словно днём без солнца 85
Л. Смирнова. Трепетные строфы 91
Л. Мананникова. «Но пусть душа душой останется...» 103
Н. Мельникова. «Моя вечерняя заря, не угасай ещё немного...» ... 115
-

Поэзия

- Стихи памяти Владимира Гундарева** 117
А. Кунанбаев. Новые переводы 123
Д. Снегин. Венок абаевских сонетов 138
-

Проза

- С. Байхонов.** Алтай – Рубикон. *Роман (продолжение)* 144
В. Коноплёв. В семье богов. *Повесть (окончание)* 175
-

Народ в потоке истории

- Т. Журтбаев.** Великое Скифское царство 198
-

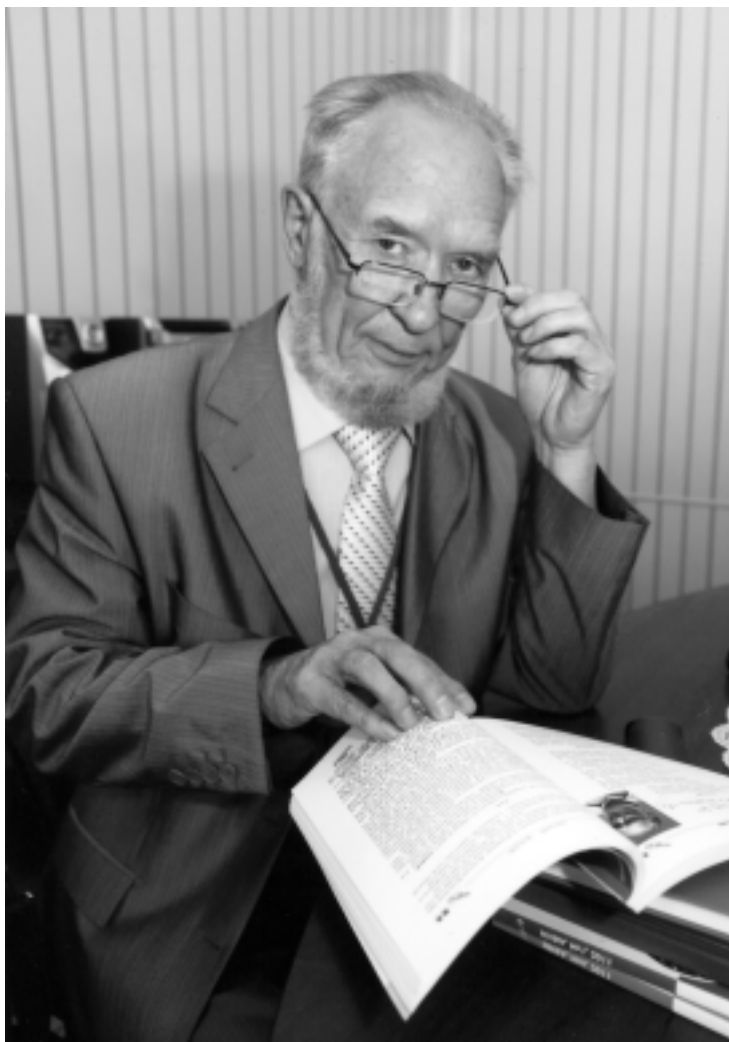
**Номер посвящён памяти поэта,
основателя журнала «Нива»
Владимира Романовича Гундарева**

Уважаемые читатели!

Вы держите в руках необычный номер «Нивы», большая часть которого посвящена памяти Владимира Романовича Гундарева – известнейшего поэта Целинного Приишимья, одного из видных мастеров литературного цеха Казахстана и России.

Год назад Владимир Романович ушёл из жизни, но он оставил неизгладимый след в сердцах многих людей. Весь год «Нива» публиковала воспоминания о Гундареве, но их оказалось так много, что редакция решила использовать запасной вариант – посвятить памяти Владимира Романовича восьмой номер журнала, включив в него воспоминания, стихи, беседы с писателем. В письмах все авторы отмечают, что им больно и горько писать о Владимире Романовиче в прошедшем времени, поэтому многие прислали то, что писали о нём раньше.

Думается, что всей своей жизнью и литературной деятельностью Владимир Романович Гундарев заслужил право на особое внимание коллег и читателей.

В сердцах миллионов людей

19 июля 2013 года родные и друзья почтили память известного казахстанского поэта.

Поэту, публицисту, основателю и главному редактору республиканского журнала «Нива» Владимиру Романовичу Гундареву 19 июля исполнилось бы 69 лет. Очень горько и печально, что нынче его лик предстаёт перед нами лишь на базальте надгробия, возведённого его самыми близкими друзьями на столичном кладбище.

Вчера они собрались под морозящим дождичком плачущего неба и вновь вспомнили о человеке, в чьей удивительно светлой жизни было столько тепла, ласки и, к сожалению, тревожных предчувствий.

Он явился в наше родное Приишимье, как тогда было принято говорить, по велению сердца. Целина приняла в свои объятия паренька из сибирской глубинки. Степные казахстанские зори, дали ковыльных просторов, покрывшихся позже золотом колосьев, наполняли юного поэта нежными чувствами, высоким поэтическим вдохновением. Эта просветлённость, чистота помыслов, притяжение матушки-земли позволяли ему видеть жизнь во всей её красоте, суровости и многогранности:

*Не от плохого много бед,
В чём мы повинны вместе,
И нужно всем держать ответ –
По правде и по чести.*

Он вошёл в нашу жизнь многими сборниками стихотворений, блистательным редакторским стилем созданного им журнала «Нива».

При нём вышел 201 номер этого популярного издания. Журнал превратился в энциклопедию жизни, на его страницах опубликовано много захватывающих историй.

Пожалуй, один из важнейших моментов деятельности Владимира Гундарева – речение о чистоте русского языка. Поэтому он с гордостью принял почётную награду России – медаль Александра Сергеевича Пушкина, которая вручается деятелям культуры за особые заслуги. Её казахстанскому поэту вручил посол России в Казахстане Михаил Бочарников.

Старшее поколение целинников помнит блистательные новостные репортажи, которые шли по целиноградскому радио. Владимир Гундарев редактировал часовую молодёжную передачу «Товарищ». Однажды мы прослушали с Володей целую бобину. Это были записи о знаменитом бригадире-целиннике Владимире Аврамовиче Дитюке.

– Молодец, Володя. Ты создал шедевр о своём тёзке, – сказал я. – Немедленно перегони в Москву на радиостанцию «Юность». Только придумай небольшую подводку (так мы называли короткий вступительный дикторский текст).

– А зачем придумывать? – развеселился мой любимец. – Под водку лучше всего селёдка или малосольный огурчик...

... Надгробный комплекс включает в себя памятник и небольшую площадку с поэтической рощицей, где будут посажены сибирские ели и берёзки. Появится цветочная поляна – с ромашками и другими степными цветами.

Автор мемориала – известный отечественный архитектор Сагындык Джамбулатов, финансовую поддержку в возведении памятного комплекса оказали друзья Владимира Гундарева – Галим Кудайбергенов, Иван Сауэр, Бари Амоев, Василий Коноплёв, Ибрагим Жангуразов, Владимир Жуков, Резо Махатадзе, Аскен Набиев.

На главной стеле рядом с портретом Владимира Гундарева помещена медаль А.С. Пушкина, а на обратной стороне стелы изображён деревенский домик над речушкой и высечены поэтические строки, вошедшие в сердца миллионов людей:

*Деревня моя, деревянная, добрая,
Смотрю через дали, прикрывшись рукой:
Ты в лёгком платочке июльского облака
В веснушках черёмух
Стоишь над рекой...*

Моисей ГОЛЬДБЕРГ

г. Астана.

Продолжить дело Гундарева

Поэт Александр Иванович Матвеев написал с горечью в своих воспоминаниях: «Я просто с ним дружил...». И это не к вопросу о мужской дружбе, которая, естественно, всегда была лейтмотивом в отношениях между литераторами Северного Казахстана, это дружба коллег-поэтов, простая, бескорыстная, обыкновенная. Вот уже более двадцати лет наши искренние, настоящие человеческие чувства разъедаются, как язвой, капиталистическим бытом, рыночными отношениями, жлобством, всякой другой подлостью, мы сейчас стесняемся говорить друг другу хорошие слова, боимся, если выскажем их, что будем выглядеть глупцами в глазах других. Так вот, по истечении года после неожиданной смерти Володи Гундарева, могу сейчас сказать следующее: нас всегда было четверо: Владимир Гундарев, Владислав Владимиров, Орынбай Жанайдаров и Александр Матвеев. Мы – экипаж подводной лодки... У каждого из нас есть тельняшка, которую мы обязаны надевать при встречах...

Володя всегда любил хорошую шутку, и хохма была в том, что после опубликования в печати моей повести «Подводная лодка в степях Казахстана» (Алма-Ата, из-во «Жазушы», 1989 год) и образовался её экипаж в составе четверых писателей. Один из нас, Александр Матвеев, был, в самом деле, матросом-подводником, прослужил на Северном флоте три года. Иногда мы чаёвничали на кухне у Греты Георгиевны Соловьёвой, жены Владислава Владимировича Владимирова, и звали друг друга «гретины».

Познакомился с Владимиром Гундаревым я в семидесятые годы в Кокчетаве, в 1971 или в 1972 году. По делам службы, а тогда он работал литературным консультантом Акмолинского отделения Союза Писателей Казахстана, я помню, он приезжал в Кокчетав чествовать известного татарского писателя Ибрагима Салахова, у которого был очередной юбилей. Ибрагим-ака жил в одном селе со мной, в Красном Яре, в шести километрах от Кокчетав, и я – совсем ещё юный человек, пишущий стихи, не случайно оказался на этом юбилейном вечере в областной библиотеке. Мы все, односельчане Ибрагима Салахова, знали, что он писатель, но прочесть его не могли, он писал на татарском языке, печатался в Казани. Тем не менее, Союз Писателей Казахстана, в то время составная часть Союза Писателей СССР, не оставил почтенного литератора без внимания, и по этому случаю и был направлен в Кокчетав в командировку литературный консультант поэт Владимир Гундарев. Ещё скажу про Ибрагима Салахова, что он в молодые довоенные годы жил в Казани, дружил с знаменитым татарским поэтом Мусой Джалилем, автором «Моабитской тетради», написанной им в фашистском концлагере. Муса Джалиль воевал на фронте, попал в плен к немцам, записывал свои стихи на обрывках бумаги, тетрадь с его стихами чудом сохранилась. После войны, кажется, в шестидесятые годы Мусе Джалилю посмертно за «Моабитскую тетрадь» была присуждена Ленинская премия. А Ибрагим Салахов в послевоенные годы, после репрессий и ссылки оказался в Казахстане, в моём родном селе. Он был не только соседом по улице, но и другом моего отца. В общем, я не мог не оказаться на юбилейном вечере И. Салахова в областной библиотеке, где впервые и встретился с В.Р. Гундаревым.

Всюду нас преследуют страшные, необыкновенные судьбы советских писателей.

В 1972 году, летом, вместо стройотряда, я поехал в Алма-Ату, в Союз Писателей добился приема у Олжаса Сулейменова, который тогда был третьим секретарём Правления, показал ему свои стихи в ученической тетрадке. Олжас Омарович прочитал несколько страниц и сказал: «Молодец! Только пришли мне рукопись в напечатанном на машинке виде». Приехав домой, я отправил машинописную рукопись О.О. Сулейменову, но ответа не получил.

В те самые семидесятые годы опубликоваться в печати было невозможно. В 1976 году, после окончания пединститута, я поехал в Алма-Ату, О.О. Сулейменова не встретил, лишь познакомился с аксакалом Ильясом Есенберлиным, который, увидев, что переваливаясь, по коридору идёт Морис Давидович, сказал ему: «Поговори с ним...». То есть, со мной. Симашко посмотрел мою рукопись и произнёс: «У вас тут кое-что есть, я не могу взять на себя эту ответственность». Тут он увидел поднимающуюся по лестнице Светлану Аксенову-Штейнград, заведующую отделом «Ленинской смены», подозвал её и сказал: «Света, это очень способный молодой человек. Дайте в вашей газете подборку его стихотворений». Всё это происходило в коридоре, на втором этаже Союза писателей.

Через неделю в «Ленинской смене» был опубликован длинный столбец моих стихотворений. С них, я считаю, и началась моя литературная биография.

В 1977 году в центральных газетах было опубликовано Постановление ЦК КПСС «О работе с творческой молодёжью», молодых литераторов стали вызывать на всевозможные республиканские и всесоюзные семинары-совещания. Думаю, что не без участия В.Р. Гундарева я из Кокчетова постоянно вызывался на эти совещания в Алма-Ату. Позднее была публикация в сборнике «Целинный меридиан», который Володя составлял.

Наконец, тяжёлые для меня семидесятые годы завершились выходом в свет моих первых книжек, и в 1982 году я с семьёй переехал в Алма-Ату, начал работать в переводной редакции издательства «Жазушы».

В 1987 году в Акмоле (будущая Астана) проходил республиканский семинар-совещание молодых литераторов, на котором В.Р. Гундарев с тогдашним Акмолинским региональным секретарём Союза писателей Нургожой Оразовым были хозяевами, встречающей стороной, а я был руководителем семинара поэтов. Это была очередная моя с ним встреча, до этого мы виделись несколько раз в Алма-Ате. Это были встречи и разговоры писателей-профессионалов, наши точки зрения по многим вопросам совпадали. Кто близко знал Владимира Гундарева, тот скажет, что этот поэт никогда не высказывал резких оценок в чей-либо адрес, всегда был лоялен, добр, щадил авторов, больше хвалил, чем ругал, а точнее, вовсе не ругал, а только хвалил.

А вот чувство юмора с ним было всегда, и это он назвал меня, после выхода в свет моей научной-фантастической повести «Подводная лодка в степях Казахстана», «контр-адмиралом подводного флота Казахстана». И тогда, в конце восьмидесятых годов, когда он начал издавать журнал «Нива», юмора хватало, мы не замечали, что разваливается страна, которая, оказывается, держалась на красной цензуре... Ведь после пресловутой гласности, то есть, после отмены цензуры, и начался развал.

В 1987 году я вышел на «творческую работу», то есть, ушёл со службы, член Союза писателей СССР тогда имел такую возможность, годы творческой работы засчитывались в трудовой стаж. Тогда я и написал свои научно-фантастические повести «Вечная зима», «Радиоактивный баран», «Подводная лодка в степях Казахстана», «Постижение НЛО, или Рукопись, найденная в Сары-Озек», «Радиоактивный баран», которые В. Гундарев одну за другой опубликовал в «Ниве». Напечатать он не успел новый вариант повести «Вскрытие

инопланетянина», рукопись, отредактированную им, я обнаружил в папках редакции. Рядом с ней лежала и другая повесть, историческая, «Лавина», посвящённая последним дням хана Кенесары Касымова. И сейчас мне, руководящему редакцией «Нивы» после Володи, приходится отодвигать эти рукописи в неизвестность. Нельзя редактору выпячивать свою персону на передний план, в этом смысле сам Володя становился в очередь с другими авторами «Нивы», вперёд не лез.

В конце девяностых годов при «Казахстанской правде» образовался журнальчик научной фантастики «Чудеса и диковинки», которым занимался Сергей Лукьяненко, только-только окончивший Алматинский медицинский институт. Туда наезжал из Бишкека известный российский фантаст Алан Кубатиев, наставник Сергея Лукьяненко. Если в Алматы была группа молодых фантастов «Альфа Пегаса», то в Бишкеке выходила в свет фантастическая серия типа «Месть пилотов НЛО». И вот как-то Алан Кубатиев спросил у меня: «Скажите, Орынбай Куленович, какой именно фольклор имеется у казахов, чтобы его можно было использовать вашим фантастам в своей научной фантастике?». Вопрос о влиянии фольклора на научную фантастику является специальным профессиональным вопросом. В частности, скандинавский фольклор, скандинавская мифология уже широко использованы американским Голливудом в цикле научно-фантастических фильмов о скандинавских богах типа «Тор», «Мстители» и т.д.

Я задумался над этой проблемой и думал более десяти лет, и сейчас продолжаю думать и работать над этой темой, результатом чего явились книги «Религия и мифология древних тюрков» (2004), «Мифы древнего Казахстана» (2006) и другие. Так вот, когда в 2006 году вышла в свет книга «Мифы древнего Казахстана», то оказалось, что издатели с целью экономии бумаги изъяли из книги несколько страниц библиографии, то есть, перечень использованной научной литературы. По такой сложной тематике мною было изучено и использовано более пятисот источников, один перечень которых занимает около десяти страниц. Вот издательство и решило сэкономить бумагу на библиографии. Академик, фольклорист Сейит Аскаревич Каскабасов, которому я подарил книгу «Мифы древнего Казахстана», обнаружил отсутствие библиографии, и сделал замечание: «А вдруг кто-нибудь из учёных станет с тобой судиться... Надо исправить ошибку».

Единственный, к кому я мог обратиться, это был Володя Гундарев, который тут же, исправляя ошибку издателей, стал печатать в «Ниве» «Мифы Великой Степи», и в четвёртом номере была опубликована вся библиография... Это и есть, я думаю, настоящая мужская дружба. Её проявление.

В. Гундарев, Д. Баимбетов, О. Жанайдаров, Г. Терез, 1998 г.

В августе прошлого года я лежал в больнице, и в палате на стене висел телевизор. Я не жалею этот любимый многими аппарат, но тут после принятия очередной системы, я по какому-то наитию нажал кнопку, и первое, что я увидел на канале «Астана» – это репортаж о похоронах поэта Владимира Гундарева...

Как же так?!

Выйдя из больницы, я пошёл в Союз писателей и сказал председателю правления Н.М. Оразалину: «Я слышал от Володи, что он завещал журнал «Нива» Союзу писателей...». – «Съезди, проверь», – сказал мне председатель.

Я приехал в Астану, и сотрудники журнала передали мне завещание, по которому основатель журнала «Нива» В.Р. Гундарев, более двадцати лет издававший журнал, ещё в 2009 году завещал его в ведение Союза Писателей Казахстана.

Я мог бы спокойно сидеть в Алматы, работая до пенсии заместителем главного редактора журнала «Простор», не брать на себя такую ответственность, как руководство журналом, у которого множество проблем, который плохо финансируется, но мой долг перед Володей и другими моими друзьями (нас теперь осталось трое) толкнул меня продолжить дело Гундарева. Иначе я не смог бы спокойно жить, есть и спать, зная, что в Астане погибает литературный журнал, основанный моим другом и товарищем.

Моя задача – за три-четыре-пять или сколько там понадобится лет подготовить теперь уже себе преемника, профессионального литератора, который сможет быть редактором «Нивы».

Литература сейчас не в самом лучшем положении, она плохо обеспечивается, забота о ней государства практически не ощущается. Для литературы настали трудные времена, но когда эти самые времена были хорошими?

Нам остаётся память о замечательном человеке, поэте Владимире Гундареве, и его журнал, в который поэты и прозаики со всего мира присылают свои стихи и прозу.

Орынбай ЖАНАЙДАРОВ

Слово о друге

Таких трудоголиков я больше не встречал. Поэт-лирик, казалось, должен был любить негу и получать от жизни массу удовольствий. Но он аскетично (или педантично?) вовсе лишил себя праздников и выходных, неприметно утром появляясь в рабочем кабинете. Увы, 25 августа 2012 года человека, олицетворявшего культурную сферу Целинограда – Акмолинска – Астаны не стало. Но здесь не только об уходе знаковой фигуры и моего душевного друга, а также – о его делах, творческих предпочтениях и гражданской позиции. Нашему интервью «за жизнь» 8 лет, оно состоялось накануне 60-летия замечательного современника, когда он был полон творческих замыслов...

Разум протестует, отказывается верить, что этот добрый светлый человек, истовый труженик литературной нивы, поэт даром Божиим покинул наш мир. Владимир Гундарев в последнее время переживал необыкновенный творческий подъём, его «болдинская осень» исчислялась, пожалуй, не месяцами, а годами. При этом поэзия обрела тютчевскую философичность. У него точно открылось второе дыхание. Подобно молодому репортёру колесил по стране, отчего его знаменитый портфель заметно потолстел и потяжелел: к обязательным трубкам и рукописям добавились журнальные гранки. Был бодр, подтянут, заряжен на работу, полон замыслов.

Увы, как водится у больших, пронзительных поэтов, ещё и напророчил свой исход. В стихотворении «На рыбалке», опубликованном в июльском номере «Нивы» за этот год и изданном в сборнике «Без пяти двенадцать», есть такие строки:

*И невдомёк мне даже, что, невидимый нами,
Есть «рыболов», который ловит и нас на крючок.*

Романыч (его почти все уважительно звали по отчеству) страстно рвался на природу: поэтическая душа жаждала общения с истинной, неподдельной красотой. И надо же, судьба занесла на то самое озеро, которое впечатлило на элегическую лирику. После зорьки заядлый рыболов умиротворённо попивал чаёк. И вдруг... Оторвался тромб, бич сердечников.

Вспоминаю нашу первую встречу. Это было в 1999 году, в самый Наурыз. Мне предложили познакомиться с автором «Деревеньки», о котором, конечно же, был наслышан. Усомнился: «Неудобно беспокоить человека, всё-таки праздник». В ответ услышал: «Для Романыча ни выходных, ни праздников не существует, он на работе ежедневно, даже 1 января».

Пришли в редакцию «Нивы». Гундарев, основатель и бессменный руководитель издания, действительно, был на месте. Меня тут же «идентифицировал», навскидку выдав, в каком номере вышла моя стихотворная подборка. Сам-то я вряд ли бы назвал и месяц, и год. Нежданных гостей хозяин принимал радушно. Угощал не только горячим, но и горячительным напитком. Третью рюмку предложил выпить за членов редколлегии журнала «Нива», указав на картину Перова «Охотники на привале». Этот, как оказалось, традиционный тост, был одной из его милых шалостей.

Владимира Романовича страна знала не только как прекрасного поэта и успешного редактора, но и как уважаемого и весьма востребованного общественного деятеля, включённого в различные комиссии. Но здесь не об этом. Мне посчастливилось войти в число его друзей и ближе познакомиться с человеческими качествами этой незаурядной личности. Настолько нестандартной, что даже комплексы и «пунктики» «от Романыча» казались симпатичными и выразительными. Взять, к примеру, его «дачный педантизм». Покуда существовала «латифундия», поэт весь вегетативный период ночевал на даче. Изю дня в день. Случись стихийное бедствие, не послужило бы помехой. Как-то я спросил: «Неужели и от дачи вовсе выходных не бывает?». Романыч призадумался и вдруг прыснул: «Как же не бывает? Целых восемь дней кряду пропустил. Между прочим, когда вместе с тобой ездил, как теперь говорят, «в Украину». Но я настаиваю: на Украину!».

Ещё одна ценная черта: Гундарев был решительным поборником чистоты русского языка. Внимательнейшим образом, буквально от корки до корки прочитывая многополосную «Казахстанскую правду», он порой искренне досадовал по поводу излишнего использования в заголовках иностранных слов. Лингвистическую «интервенцию», особенно «рыночно-айтишного» толка, обличал в стихах и прозе. Так же, как и рыночную философию и мораль. «Инновационные» нравственные установки на богатство и власть поэт принять не мог. Позиция его была твёрдой, неизменной, чем могут похвалиться далеко не все служители муз. Откройте последние книги Владимира Романовича, полистайте «Ниву» – убедитесь.

Он жил честно, ходил по планете Земля (дополнительно, «по расширению» лирик «прописал» себя на планетах Любви и Целине) с высоко поднятой головой. И, что очень важно для Поэта, слава опередила известность. Сначала пришла республиканская, затем и всесоюзная популярность, награды последовали позднее. Самой ценной из них он считал вручённую недавно медаль Пушкина. Это государственная награда России. Вручённая литератору-казахстанцу по праву, поскольку поэт и гражданин Владимир Гундарев принадлежит двум народам, двум культурам. Вот что он сам об этом говорил накануне 60-летия: «Два связующих берега... Для меня одинаково дороги Россия и Казахстан, речка Тара и Ишим, та большая держава и нынешняя суверенная страна. И если в новосибирской Кыштовке протекли мои детские и школьные годы, то вся остальная жизнь связана с Казахстаном. Так получилось, что здесь, на целинной ниве, вся судьба моя состоялась. Казахстанская земля стала для меня вторым Отечеством». Посему закономерна ёмкая поэтическая формула, выраженная в следующих строчках:

*Русский сын казахского народа –
Неспроста меня так нарекли.*

... В России, в родном селе, его именем недавно назвали улицу и на ноябрь намечались торжества. Естественно, с участием Романыча... Но, думается, их не отменяют, ведь истинные поэты, даже умирая, не уходят от нас, оставаясь в благодарных душах и любящих сердцах.

Три планеты Владимира Гундарева

Его творческая «кухня» встречает лёгким ароматическим дымком. Для меня, курильщика в отставке, надо сказать, весьма притягательным. Признаюсь даже, что люблю застать Романовича в момент пыханья трубкой, поскольку это не просто обонятельный процесс, а целое действо, обставленное любезными манерами мэтра.

И вообще, автора «Деревеньки...» без подруги раздумий – трубки представить почти невозможно. Как трудно представить стремительно меняющуюся Астану без вечно реставрируемого памятника старины – дома купца Кубрина. Впрочем, и самого Владимира Гундарева следует отнести к исконным, коренным раритетам молодой столицы, из близкого далёка целиноградского периода, когда он звенел поэтической славой и принадлежал к столпам культуры и духовности.

Принадлежал и принадлежит, продолжая с присущими ему искренностью и страстью служить «великому и могучему», любимой литературе, преданному оной Читателю и, конечно же, своему многострадальному, но в последние годы изрядно потолстевшему «детищу» – литературно-художественному и общественно-политическому журналу «Нива».

«Нива» – главное поле приложения его таланта и подвижническая стезя на протяжении последних «надцати» лет. И символично, что к 60-летию отца-создателя с журнальной нивы снято более ста «урожаев». Прямо-таки цифра к дате!

Показателен и, – назовём его промежуточным, – следующий творческий итог: два десятка книг стихов и прозы. Особенное место среди них занимает сборник избранного «Исповедь сердца» в пятнадцать авторских листов, выпущенный по поводу и к сроку по программе Министерства информации. Сюда включены лучшие стихотворения из нескольких изданий. Подобный «фолиант» в подарок земляку готовит также группа энтузиастов-новосибирцев – В. Гундарев, если кто не знает, родом из живописной «стороны», что «притулилась у Тары», таёжной реки, впадающей в Иртыш.

Так что грядущее событие было «под контролем» и готовилось загодя. Причём обрело, можно сказать, международный охват: своё почтение поэту, редактору, общественному деятелю засвидетельствовали послы нескольких государств. В приятных, волнительных хлопотах юбиляр был нарасхват. И встретиться с ним удалось, по существу, в одно из «окон».

– И вот вы уже в том возрасте, который можно назвать почтенным... Жизнь бежала или шла? В марше прозы или в ритме стиха?

– Вначале жизнь медленно катилась, ведь казалось: она вся впереди. Пожалуй, в марше прозы. Хотя и ускорения случались, так что ритм стиха тоже присутствовал. Но последние десятилетия жизнь идёт под уклон и как бы в нарастающем темпе.

– А может быть, не так? Может быть, ритмы самой жизни, времени стали другими? Пришли иные объёмы работ, возросло напряжение?

– О, время я с возрастом ощущаю всё острее! Физически, каждой своей клеточкой. С 26 июня дни пошли на убыль, и я чутко осезаю «таяние» света и увеличение ночи. А короче дни – быстрее их бег. Я наемдни вдруг вздрогнул: господи, казалось, всё в туманной дали, а между тем мне уже через месяц ехать на родину, в Кыштовку.

Право, когда ты находишься во власти времени, то словно захвачен его вихрями и как-то теряешься. Надо уметь от всего, в том числе и от времени, абстрагироваться. Мне в этом помогает дача. Каждый вечер еду поковыряться в земле. После трудов праведных там самый подходящий су-меречный ритм жизни.

– **Каждый вечер из кабинета – на огород?..**

– Да, каждый.

– **Вовсе без «выходных» от дачи?**

– Был один недельный перерыв, связанный с командировкой, а так, начиная с 8 мая, ежевечерне лью поты на сотках.

– **О вашей сверхпунктуальности и скрупулёзном следовании собственным установлениям ходят легенды. Знаю, например, что Гундарева в любой день, будь то воскресенье или праздник, можно застать на рабочем месте. Как это вяжется с импульсивной поэтической натурой? Или ваш пунктик по части пунктуальности – качество врождённое?**

– Не врождённое – приобретённое, выработанное самой жизнью. Я человек разбросанный, надо же хоть как-то себя самодисциплинировать. Видать, в этом деле преуспел: всё чаще слышу комплименты. Вот и сосед по даче недавно, когда я в своё обычное время прибыл на «латифундию», отметил: «Ты пунктуален, как немец!». А я ему в тон говорю, что у каждого народа беру какую-то положительную чёрточку, потому как недостатков у меня своих хватает.

– **Наверное, к систематическим привычкам можно отнести и ежедневное приобщение к поэзии?**

– Что ещё можно отнести, так это пешую ходьбу на «средние» дистанции, но только не поэзию, здесь заданность и плановость часто во вред. А вдохновение по графику не посещает.

– **Насколько я понял, после Астаны будет Кыштовка – вторая, российская часть юбилейных торжеств. Об этой взаимосвязи можно сказать так: поэт родился в России, а сформировался в Казахстане. Или, образно выражаясь, «Возрастал я на целинной ниве», «Но частица матери России / Незабудкой навсегда во мне».**

– Два связующихся берега... Для меня одинаково близки и дороги Россия и Казахстан. Приехал я в Целиноград совсем мальчишкой, мне и семнадцати лет не было. К тому же полусиротой (отец рано ушёл из жизни), предоставленным самому себе. Да ещё по-юношески бесшабашным... Представьте, отправил письмо в комсомольскую инстанцию – о желании работать на целине, славить её героев и сразу, не дождавшись ответа, рванул сюда.

... А ответ, оказывается, был отписан вежливо-отказной. В том духе, что спешить не стоит, надо подрасти, возмужать, а энтузиастов и романтиков на целине хватает. Не знаю, как при ином раскладе сложилась бы моя жизнь, но здесь была та благодатная почва, та демократичная среда, та душевная атмосфера, которые способствовали проявлению лучших человеческих качеств.

Думаете, раз меня не ждали, то дали от ворот поворот? Ничего подобного! Взяли под опеку, позаботились о крыше над головой, посоветовали, куда обратиться насчёт работы.

Мне необычайно повезло с наставниками! Опытные радиожурналисты Геняйт Касенов и Моисей Михайлович Гольдберг приветили, отнеслись по-отечески, давали интересные задания. И вскоре, как сейчас помню этот день – 1 сентября 1961 года, я был зачислен в штат Целинного краевого радио. Радости не было предела, душа пела.

А Моисей Михайлович, который и ныне здравствует, являя собой пример творческого долголетия, ставил передо мной всё новые и новые задачи. Причём не только к журналистике приобщал, но и поощрял поэтические устремления. Бывало, предлагал: съезди туда-то, сделай репортаж в стихах. И на радио звучали мои бодрые рифмованные репортажи. Такого вот настроения:

*«Сев идёт, и мне, корреспонденту,
Хочется стихами говорить!».*

Здесь же, на радио, я познакомился с Дукешем Баимбетовым, на тот момент – уже популярным диктором, снискавшим авторитет человеком. И нашей дружбе с ним – подумать только! – сравнялось сорок три года.

Целиноградцы, все люди повзрослей, постарше, крепко мне помогли на первых порах, да и потом вниманием не обделяли. В общем, отцовской руки и пригляда словно не был лишён. И казахстанская земля закономерно стала для меня вторым Отечеством.

– Теперь давайте поговорим о целине как о направлении творчества. «Эту землю поднимали нервы / Там, где не выдерживала сталь». «Я понял здесь: земля-то золотая / От хлеба, что созрел на целине». Целина – одна из ведущих ваших тем, которой не только поэтические строки посвящены...

– Это эпоха, прикоснувшаяся к моей судьбе. Надо ли говорить, что я, как и многие сверстники, был охвачен небывалым созидательным порывом. Мне хотелось быть причастным к тем людям, с которыми сводили маршруты радиокорреспондента. Я видел, как мужественно, с какой верой и убеждённостью преодолевали они многочисленные трудности. Я чувствовал сильные характеры и уже тогда понял: самые закалённые и твёрдые духом люди собрались именно здесь. Ведь народ съезжался отовсюду, и целина провела своего рода естественный отбор.

Что касается лично меня, то и поэта, и журналиста чрезвычайно обогатили встречи с такими замечательными тружениками, как Михаил Егорович Довжик, Нургабыл Малгаждаров, Владимир Авраамович Дитюк, Айтпай Кусайнов, Сагиля Есенжолова, Наталья Геллерт... О них не только оды слагал, но и писал очерки. А выдающийся жизненный путь Леонида

Картаузова, нашего целинного Маресьева, подвинул на документальную повесть. Сначала она была опубликована в журнале «Простор», а позднее вышла отдельной книжкой под названием «Какого цвета поле».

Я перечислил только нескольких Героев, а героев на целине были тысячи. В том числе среди руководящего состава сколько выделялось личностей! Талантливых, колоритных. И спецов – агрономов, инженеров и так далее – на вес золота!

Случалось, и творческие «каникулы» выпадали. С благоговением вспоминаю ту неделю, что провёл у чабана Даулена Толеубаева, Героя, делегата партсъезда, на отгоне близ озера Тенгиз. Не только природой любовался, но и слушал откровения умудрённого человека. На многое он тогда открыл глаза, и стихи излились просто, органично.

Писал же я больше не по заданиям, а по выбору сердца – о ком и о чём хотел. Я был влюблён в этих людей, писал о них искренне, где-то даже восторженно, так как был убеждён, что они делают великое дело. Трудно теперь передать словами то состояние дружбы и доброжелательности, в котором мы пребывали и которое делало целину какой-то особой, светлой планетой. Кстати, планета-целина – это удачный и точный поэтический образ.

– Но это, полагаю, не единственная планета в «системе» Владимира Гундарева. Есть ещё, например, планета Любви, наличие которой доказывает сборник «Я живу на планете Любви». Приведу и строчки подходящие: «А в глубине моей Светлынь-реки / Любви не иссякают родники». Что на это скажете?

– Приму на веру гиперболу Леонида Мартынова, заявившего, что у каждого поэта должна быть собственная поэтическая Вселенная. А если серьёзно, то лукавить не стану: я прежде всего – лирик. Хотя и патетические, и героические стихи писал. Есть у меня поэма «Капля в море», есть циклы о войне и фронтовиках. Но полней, мне думается, раскрываюсь именно в интимной лирике. Природа, любовь – два родственных начала, гармонично сливающихся в чувственном восприятии. А я по жизни человек влюбчивый, пылкий. Правда, все мои любви, как понял не столь давно, в сущности, были увлечениями. По-настоящему же любил только одну.

Разумеется, далеко не все стихи в моих сборниках автобиографичны, но многие отталкиваются от лично пережитого, прочувствованного. Страдания в жизни поэта, между прочим, просто необходимы, и я, слава Богу, сполна испил чашу сию. Скажу больше: где нет накала, высоких температур, там нет истинных чувств.

– Вы, как мне кажется, вступаете в плодотворную пору – возраст творческой зрелости, когда и своё философское видение сформировалось, и чувства пронзительны, и мастерство отшлифовано. Оттого стихи рождаются проникновенные, жизненные, «забирающие».

– В чём «прелесть» моего возраста, так это, наверное, в том, что ты переполнен житейским опытом, но душа ещё достаточно молода. Тело дряхлеет, а дух, наверное, может быть вечным. Для меня в этом плане очень показателен Тютчев. И Петрарка – тоже. Да, великий итальянец весьма облагородил мою дату: 19 июля, когда мне «стукнет» 60, исполнится 630

лет со дня его смерти, а 20 июля – 700 лет со дня рождения. Каких-то часов не хватило ему до 70-летия, но пока билось сердце поэта, он сочинял прекрасные стихи. При жизни своей единственной возлюбленной – в честь донны Лауры, после её смерти – на смерть Лауры. Вот с кого надо брать пример и рыцарской верности, и служения Поэзии!

– Что ж, ваше эстетическое кредо схоже с петрарковским. А вот кто ещё из великих «угадал», так это Маяковский – родился как раз 19 июля.

– Лестно находиться в таком «окружении», что и говорить.

– Между тем, Владимир Романович, на память пришел ещё один классик – Роберт Бёрнс с его знаменитой балладой «Джон Ячменное Зерно». И у вас есть блестящее стихотворение, в котором увековечно растение, «вырастающее» от строки к строке в мощную аллерию. Зная предысторию и подоплёку его создания, хочу вас попросить: на примере «Дикого проса» вспомните, пожалуйста, историю работы над одним из любимейших произведений.

– Иногда темы для стихотворений мне подсказывают друзья, встречи, неординарные обстоятельства. Как-то поведал о своих жизненных коллизиях доброму старому другу, журналисту и писателю Юрию Поминову. Тот послушал и говорит: «Знаешь, есть такое сорное растение, очень жизнестойкое, практически неистребимое. Как ни борись с ним, оно своё возьмёт. Подумай, тебе это ничего не напоминает?». Я вдумался, и постепенно образ дикого проса воплотился в стихах.

– Коли уже речь зашла о сорняках, давайте проведём аналогию с русским языком, страдающим от засорения безмерно. Каков, на ваш взгляд, масштаб этой беды и как с нею бороться?

– Это похлеще дикого проса – те сорняки, которые на протяжении последних полутора десятков лет проникают в русскую речь. Явление это охарактеризовал бы как бедствие.

Братья казахи очень переживают за свой язык, всемерно содействуют его полнокровному возрождению, ратуют за его чистоту. От всей души поддерживаю эти усилия. И скажу: русский язык тоже в беде, в нём тоже далеко не всё благополучно.

Полистаешь газеты, послушаешь телеведущих, и стыдно становится за этот примитивный новояз, сплошь оперирующий «токами» и «шоу». Или взять доморощенный морфологический нонсенс – слово «мажилисмен». К восточному «мажилис» ничтоже сумняшеся припаяли английского «мена», и все довольны, употребляют. А кто, скажите, запустил уродца? Наши коллеги – журналисты. Которые, что не на шутку тревожит, в большинстве своём не склонны постигать азы и тонкости основного «инструмента» своей профессии и предпочитают обходиться интернет-приблатнённой «версией».

Ещё возмущает культивирование многими СМИ уголовного жаргона и разгул бытового мата, которым ныне в «совершенстве» владеет любой подросток. Оптимисты утверждают, будто русский язык сам себя очистит. Отнюдь, он так же, как и любой другой язык, нуждается в защите.

Читаю два издания – «Литературную газету» и «Литературную Россию», которые бьют в набат, а больше ведь «самочувствие» языка мало кого заботит.

– Почему же тогда молчат «властители дум» – писатели и поэты? Нет их на экранах, и в прессе их гневные отповеди не появляются...

– Вы, конечно же, и сами знаете ответ на этот вопрос. Их туда попросту не пускают, там (я прежде всего имею в виду российское ТВ) властвуют сугубо рыночные отношения, там в фаворе поющие с чужого голоса певички и актриски, зачастую содержание подменяющие формами. Там в цене «клубничка» и копанье в грязном белье.

– Погодите, один поэт всё-таки остался. Или появился? Во всяком случае, мелькает на экранах. Но, дабы не утомлять публику, вирши сочиняет размером ровно в одну строку.

– А, Вишневы. Владимир, по-моему. Эдакая мнимая многозначительность, выразительные паузы, аплодисменты... Представитель – как бы это выразиться? – новой «популяции» пиитов: эстрадного типа. Большинство из них на самом деле – «пена», которая мнит себя создателями новой литературы и поэзии.

Я любопытства ради пробовал в прошлом заниматься андеграундом. Ничего в этом сложного нет, замечу вам, если обладаешь определенным мастерством. Обычное классическое стихотворение я пишу, бывает, месяц и дольше, а такие вирши можно штамповать со скорострельностью пулемёта. Пусть они на слух эффектны, эпатажны, но не имеют никакого отношения к русской поэзии.

– Извините, можно, совершенно никаким мастерством не обладая, издаваться массовыми тиражами, какие большинству поэтов при жизни и не снились, и навязывать за деньги свою вульгарщину целой стране.

– К сожалению, отмеченная тенденция набрала размах. Во многом из-за того, что наше общество отказалось от политической цензуры. Но, как видно, некие духовные, нравственные критерии включать необходимо, иначе от «оккупации» эрзац-культуры и такой прогрессирующей патологии, как графомания, не уберечься. Существуют ведь в некоторых странах специальные советы, которые защищают общество от духовного вандализма. Почему бы нам не взять за основу их опыт?

Не решите с моих слов, что ситуация беспросветна. Определённые подвижки есть.

Министерство информации по системе госзаказа стало выпускать книги казахстанских писателей для библиотек страны, идёт реализация программы «Культурное наследие». Это для нас великое благо. Но принимаемых мер пока недостаточно.

– Будем надеяться на лучшее. И переключимся уже на третью «планету», которую вы сами же и сотворили, сделав главным делом жизни.

– Это «Нива», что ли?

– Угадали с первой попытки! Итак, с чего всё начиналось? Как родился этот замысел?

– Потребность в таком издании была. Работая с Нургожей Уразом в межобластном отделении Союза писателей Казахстана, мы видели, что выход авторов из нашего региона в алматинских журналах затруднён. Летом 90-го года масла в огонь подлил Алексей Борисович Дебольский: «Володя, вышел закон о печати, открывающий широкие возможности. Почему бы вам с Нургожей не взяться наконец за журналы?». Признаться, я был ошарашен, но, поразмыслив, смекнул, что действительно появился шанс. Посоветовался с Нургожей – тот загорелся. И мы начали действовать.

... Первый номер вышел 17 апреля 1991 года. Худенький, на плохонькой бумаге. Что делать, полагаться приходилось на помощь спонсоров и меценатов. И такое состояние продлилось девять лет. Затем «Нива» три года выходила под крылом «Казахстанской правды». Это был самый благотворный период. Журнал окреп, кардинально изменился, стал ежемесячным и «толстым». Мы расширили тематику и связи с литературным миром, десятки авторов получили возможность публиковаться в «Ниве».

С февраля прошлого года мы снова в «свободном плавании», но ощущаем «страховку» государства. Участвуя в тендерах на освещение общественно значимых тем, второй год подряд победили в своей номинации и получили соответствующие финансовые средства. Так «Нива» стала, соглашусь с вами, главным делом моей жизни. Поэзия – это выражение моей личности, а журнал – собрание литературных сил. Мне когда-то люди бескорыстно помогали, я же теперь, получается, возвращаю долги. Стараясь не дать погаснуть лучикам и лучам талантов.

– «Нива» сегодня издание известное, уважаемое, опубликоваться у вас – за честь.

– Скажу не хвалясь: и известные российские писатели не пренебрегают такой возможностью. Вспоминаю навскидку: Валентин Распутин, Николай Коняев, Владимир Личутин, Николай Переяслов... В гостях у нас побывали журналы «Москва», «Наш современник», «Всерусский собор», «Сибирские огни», альманах «Иртыш». В свою очередь, и подборки из «Нивы» выходили в «Сибирских огнях» и «Всерусском соборе».

В свой актив запишем и произведения, которые можно отнести к явлениям современной литературы. Например, роман-эпопею Николая Скромного «Перелом». Уроженец Гуляй-Поля, что в Шортандинском районе Акмолинской области, он на местном материале раскрывает трагические события первой половины прошлого века. Публикацию этого масштабного произведения закончим в 12-м номере журнала. Но плодовитый мурманчанин, в прошлом военный моряк, скоро обещает привезти новое «полотно» – о Северном флоте. Другое серьёзное, большой глубины произведение – роман Герольда Бельгера «Туюк су» – печатаем сейчас параллельно с «Переломом». Но портфель не опустеет – и на последующие месяцы, на целый год вперёд у нас есть достойные вещи. Уверю вас, «планку» не снизим.

– На почве «журнализма», то бишь редактирования журналов, не возникло ли у вас конкуренции с собратом по творческому цеху – поэтом и редактором «Простора» Валерием Михайловым?

– Мы с ним сразу оговорили, что делаем одно общее дело на благо русской литературы Казахстана, и делить нам нечего. Авторы по региональному признаку не «распределяли», никакой «межи» не проводили. Каждый волен по своему усмотрению обращаться хоть в «Ниву», хоть в «Простор». Бывает и такое, что одновременно выдаём одного и того же автора, но разные вещи. Так недавно было с Николаем Верёвочкиным. В этом не вижу ничего зазорного: талантливые произведения не должны залёживаться.

– Напоследок позвольте задать традиционный в таких случаях вопрос – о творческих планах юбиляра.

– А мне позвольте ответить на него нетрадиционно. Никаких планов не вынашиваю. Я подошёл к серьёзному рубежу и хочу пока подвести итог прожитому и сделанному. Отпустит всевышний сил, будут новые озарения – пойду дальше по своей стезе. Но загадывать наперёд не буду, больно стал суеверным.

– Постучим по вашему просторному столу. И пожелаем, чтобы литературная нива Владимира Гундарева ещё много лет приносила золотые урожаи, а на всех трёх планетах был полный порядок.

Александр ТАРАКОВ

г. Астана.

Встретимся в Целинограде!

Как это было – мои встречи с В.Р. Гундаревым

Ну, как это обычно бывает? По «правилу рукопожатия» среди знакомых или знакомых знакомых начинающего поэта обязательно найдутся профессиональные литераторы, на суд которых и несут молодые авторы свои вирши – всё-таки не так боязно, как идти куда-нибудь в редакцию или в местное отделение Союза писателей – если и обругают, то по-свойски, по-домашнему.

Для меня вопрос поиска такого «знакомого писателя» не стоял – наша семья давно состояла в хороших дружеских отношениях с семейством Алексея Борисовича Дебольского – одного из самых видных целиноградских литературных деятелей, прозаика, журналиста, яркого представителя советской немецкой литературы.

Алексей Борисович, стойкий сторонник германского принципа «Ordnung muss sein», через пару дней стихи мои добросовестно просмотрел. Однако вместо ожидаемой мной оценки (или разноса!) высказался в духе поговорки И.А. Крылова, что де пироги должен печь пирожник, сапоги точать – сапожник, а прозаику негоже поэзию оценивать, так что иди-ка ты, вьюнош пылкий, к поэту – а именно – к Владимиру Романовичу Гундареву. Оказалось, кстати, что стихи мои он уже Гундареву передал.

Тут надо сделать небольшое лирическое отступление. Точнее – историческое. На дворе был рубеж 80-90-х годов, я оканчивал школу, а «демократы» как раз приканчивали Советский Союз, в народе происходил разброд, в умах – шатание, в искусстве, в том числе и литературе, азарт перестроечного «возвращения имён» и публикаций по принципу «всё можно» постепенно сменялся разочарованием и усталостью. Литераторы старших поколений замерли на перекрёстке и не хотели идти дальше, путаясь в сомнениях, литераторы молодые идти хотели, хотели даже бежать сломя голову, но не могли – ножки были ещё слабоваты.

Вот в этот-то переходный и переломный момент (кто кого перешёл и кого переломал – это оставим на суд истории) и основал Владимир Гундарев свой журнал «Нива». И основал, как мне видится, не столько из желания реализовать собственные редакторские амбиции (хотя амбиции для писателя – это нормально, если уж откровенно), а как раз для того, чтобы старших литераторов подтолкнуть к действиям, поскольку свой, местный журнал – это удобный рупор, а молодых и начинающих авторов, надежды которых на публикации в союзных изданиях быстро таяли вместе с Союзом – поддержать.

Чего греха таить – я порядком робел, когда шёл в первый раз к Гундареву в редакцию «Нивы»! Ещё и располагалась она тогда в таком месте, которое к робости подталкивало – в целиноградском Доме Советов. Это уже позже, в середине 90-х режим в этом здании стал довольно демократичным, а тогда, на излёте СССР всё ещё было строго – красные ковровые дорожки, милиционер на вахте, тишина...

Поднимаясь в редакцию, я как-то совсем сник и уже окончательно настроился на нелицеприятные оценки своих опусов – мне казалось, что всё, что я написал, слишком уж слабо для *официального* журнала, который ещё и делают в таких интересах! Незадолго до этих событий у меня вышла самиздатовская книжка, которой я, по правде сказать, весьма гордился, но тут, как мне показалось, её даже показывать-то было неудобно...

И вот я в редакции. Насколько я понимаю, это был такой «газетный» этаж Дома советов, здесь всё было попроще и позатрапезней, чем на номенклатурных

этажах. В небольшой комнатке, войти в которую можно было только через соседнюю – проходную (где работал, если мне не изменяет память, Александр Шафоростов), сидел бородатый мужчина средних лет. Видно мужчине было плохо – в зубах у него торчала трубка, и дым из неё расплывался по кабинету пластами, как облака вокруг Эльбруса в пасмурную погоду...

Тут я должен опять оговориться – я, в общем, знал, как выглядит Гундарев – человек он в городе был известный, мелькал на ТВ, выступал перед разными аудиториями. На одном из таких выступлений (в Доме политпросвещения) я однажды побывал, и книжка его «Продолжения жизни» у меня имелась. Однако общаться с ним мне не доводилось, к тому же трубки на выступлениях он, естественно, не курил – а трубка была важнейшим его атрибутом в работе, это вам скажет любой человек, общавшийся с Владимиром Романовичем.

В общем, передо мной предстал эдакий классический Редактор – хоть кино снимай! Редактор этот, поздоровавшись, не сразу начал разговор, а некоторое время шурился (как мне казалось – не то хитро, не то иронично) и попыхивал трубочкой. А потом вдруг, вместо того, чтобы начать «разбор полётов» с текстами стихов в руках, выдал: «Что ж, стихи Ваши я прочёл, кое-что отобрал. Будем печатать. У нас как раз готовится рубрика «Нетрадиционная поэзия».

Я обалдел! Печатать?! Меня?! С ума сойти! Уж и не помню, что там я лопотал, какие слова благодарности, но сказать, что я был удивлён – это ничего не сказать!

А Гундарев продолжал не то посмеиваться, не то шуриться от табачного дыма. Замечания по стихам он мне всё-таки кое-какие выдал – грамматические (как сейчас помню – по употреблению форм глаголов) и пунктуационные – как я позже убедился, он был всегда чрезвычайно внимателен к языку. А вот собственно по качеству стихосложения никак не высказался. Конечно, тогдашние мои вирши были куда как далеки от совершенства, и понятно это было даже мне. Но Владимир Романович со свойственным ему тактом просто решил, что, увидев подборку, составленную им из моих вещей для «Нивы», я сам пойму, как писать надо, а как – не стоит. Думаю, я понял.

И уж окончательно он меня «добил», попросив оставить бухгалтеру домашний адрес – как выяснилось – для выплаты гонорара! Этого я уж совсем не ожидал – что, за стихи ещё и платить могут? Сразу вспомнились упоминавшиеся Маяковским расценки за строчку и вес мой в собственных глазах неизмеримо вырос! Кстати, сейчас, когда я сам выступаю перед молодыми поэтами и рассказываю про свою первую журнальную публикацию, они, выросшие на совершенно бесцензурных, но и абсолютно безгонорарных интернет-публикациях, бывают весьма впечатлены этой почти уже совсем ушедшей в прошлое в журнальной практике традиции – платить авторам, по крайней мере – молодым и неизвестным.

А потом у нас были долгие годы знакомства, другие мои публикации в «Ниве», в том числе и прозаические. Эх, как намучился с моим рассказом вышеупомянутый Александр Шафоростов, который по настоянию Гундарева долго учил меня основам грамотной прозы! А как мы были горды с другом и соавтором Дмитрием Глугих, когда «Нива» выпустила в свет нашу фантастическую повесть «Дом»!

Редакция «Нивы» и кабинет Владимира Романовича стал для меня почти родным – частенько я ехал туда сразу после занятий в институте, чтобы показать Пых-Пыхычу (такое прозвище Гундарева ходило в среде студентов филфака) новые стихи или просто обсудить что-то. Конечно, в этот период он уже стихи мои со мной обсуждал, временами – хвалил, но чаще – ругал за оторванность от жизни и «надмирность». Пусть и романтический –

но реалист, В.Р. Гундарев крепко стоял на том, что литература личного опыта превалирует над литературой «потока сознания»... Так продолжалось вплоть до моего отъезда из Казахстана. Но и уехав, пусть не регулярно, продолжал я поддерживать связи с Владимиром Романовичем и «Нивой», там выходили мои стихи, последняя подборка, юбилейная для меня – через двадцать лет после той, первой, по злой иронии судьбы оказалась в последнем номере, подготовленном при участии В.Р. Гундарева и вышедшем уже после его смерти.

Дважды после перемены места жительства я бывал в Астане. В 2006-м году мне удалось посетить редакцию «Нивы» на новом месте – на пр. Победы. Первый этаж старого целиноградского дома, уютный вход со двора, совсем-совсем ещё целиноградский пейзаж вокруг – хрущёвские дома, пенсионеры на скамейках... И самый целиноградский из поэтов – наш дорогой Пых-Пыхыч – всё такой же, включая трубку...

Мы долго и душевно общались – я рассказывал о своих делах, публикациях, выступлениях, о нашем журнале «Волга» и о реке Волга, конечно – Владимир Романович всем очень живо интересовался и интерес его был неподдельным – интерес писателя и просто образованного человека к городу Чернышевского, Федина, Алексеева, Кассиля, к городу, где волею судеб оказался и его литературный ученик. Сам он был полон планов, проектов, с гордостью показывал награды, полученные журналом, говорил о предстоящих публикациях. Чувствовалось, что журнал остаётся важным оплотом русского языка и литературы не только в столице, но и во всём Казахстане.

А. Бусс, В. Гундарев, Д. Глухих в редакции «Нивы».

А в 2011-м я тоже побывал в Астане, но на это раз – очень недолго. Многие встречи с близкими мне людьми пришлось отложить до лучших времён – всего было явно не успеть, а отделяться дежурными «здравствуй-и-прощай» не хотелось. Именно поэтому встречи с Владимиром Романовичем я в тот раз не планировал, хотя и весьма сожалел об этом. И вот какое событие, пожалуй, почти мистического свойства произошло со мной не просто в последний день – в последние часы перед отъездом из Астаны. Я вышел из дома друзей буквально на полчаса на пр. Целинников (да простят меня жители

столицы – мы, целиноградцы, привыкли оперировать старыми названиями улиц!) – надо было купить кое-что в дорогу, и вдруг на пешеходном переходе на перекрестке проспекта с ул. Ленина лицом к лицу столкнулся с Гундаревым! Совершенно так буднично столкнулся, как будто на дворе не 2011 год, а какой-нибудь 1990-й, и живу я не за тридевять земель, а всё в том же родном Целинограде! Оба мы слегка опешили от этой встречи и даже не сразу нашли, что сказать! Но потом разговор сам лёг в нужное русло – когда ты ограничен во времени, невольно говоришь о самом важном... И опять Владимир Романович был полон планов, идей, оптимизма – прямо-таки заражал этим всем! Тепло, по-отечески он интересовался моими делами, продемонстрировал недюжинное знание современной российской литературы, спросил о литературной ситуации на саратовщине...

Расставаясь, я сразу же ощутил, что чувствую какое-то неприятное дежавю в связи с этой встречей, очень для меня радостной. И тут же сообразил: да, конечно, ведь именно так в последний раз судьба свела меня с другим моим литературным наставником – упомянутым вначале этого повествования Алексеем Борисовичем Дебольским! В зиму, когда я навсегда покидал Казахстан, он был в отъезде – в Москве или Германии, сейчас уже точно не помню. Я переживал, что не смогу попрощаться с ним. И вот ровно также в последний день перед отъездом я встретил Алексея Борисовича на улице Ленина – он только что приехал! Мы попрощались, и через короткое время Дебольского не стало...

Естественно, как я не гнал от себя эту мысль, всё равно она возвращалась с настойчивостью бумеранга – предчувствие того, что я видел Владимира Романовича в последний раз становилось всё сильнее – не зря же кто-то или что-то свело меня с ним в тех же обстоятельствах, что и с Дебольским, да ещё и почти в той же точке города... Увы – предчувствия оказались верны!

В последнее время я всё больше в своих стихах погружаюсь в ностальгию – Пых-Пыхыч был бы доволен – я давно уже не тот «надмирный» поэт, что был в юности, я чувствую, что хочу и могу писать только о том, что действительно пережил, о том, чем жил, о том, на чём вырос. И чем дальше я уйду во времени от Целинограда и целиноградцев, тем яснее встают в моей памяти образ этого удивительного города на берегу степей и характеры его жителей – добродушных, широких, решительных. Одним из таких жителей, которым город должен гордиться, мало того – человеком, который принял самое деятельное участие в создании культурного лица Целинограда, души его, таким человеком был Владимир Романович Гундарев.

А каждой весной, когда в моём саду начинают цвести деревья, когда воздух наполняется запахом тёплой земли и первых гроз, всегда-всегда сами собой всплывают у меня в памяти строчки:

*В Целинограде яблони цвели –
И праздничными улицы казались,
Как будто, воспарив,
едва касались
Сырой, набухшей влагою, земли.
И думалось о добром и хорошем...
А пышное цветение весны
Напоминало первую порошу –
такой же нестерпимой белизны.*

Прощайте, Владимир Романович, встретимся в Целинограде!

25.04.13 г.

Алексей БУСС

г. Саратов

Человек с распахнутым сердцем

Мне до сих пор не верится, что Владимира Романовича Гундарева нет с нами. Это так случилось неожиданно, как гром среди ясного неба. казалось бы, жить и жить человеку, да и энергии хоть отбавляй, но так распорядилась судьба... С этим приходится мириться. А в памяти он жив, в памяти даже струится дым от знаменитой гундаревской трубки. В памяти навсегда останется и то последнее дружеское рукопожатие в июльский день нашей последней встречи, когда мы вместе вышли из стен Посольства России в Казахстане, где Владимиру Романовичу была вручена медаль Пушкина. Это высшая степень признания для поэта. Но через месяц поэта Гундарева не стало.

Мне посчастливилось считать Гундарева своим Учителем. И посчастливилось вдвойне – сказать ему об этом при жизни.

Бесспорно, Владимир Гундарев был знаковой личностью в Целинограде. И не только потому, что был поэтом признанным, влиятельным журналистом, настоящим интеллигентом и при этом очень простым человеком, но и потому, что он был центром притяжения творческих людей.

Он не был памятником при жизни. К автору ставшей народной песни «Деревенька моя» мог прийти каждый, поднявшись на верхний этаж Дома советов. В махонькой приёмной всех с улыбкой встречала немногословная Раиса Александровна – шеф всегда на месте, и к нему всегда можно войти.

Меня привёл к Владимиру Романовичу мой друг Алексей Бусс, который носил ему свои стихи на рецензию. Ну вдвоём идти двум ещё по сути пацанам не так страшно. Мне, филфаковцу-первокурснику, было любопытно посмотреть на этого человека. Владимир Романович очень тепло принял. Хотя, казалось бы, ну какое ему дело до пробы юношеского пера. Но он никогда не гасил взоры горящие, а наоборот призывал к совершенствованию собственного творчества. Запомнились слова, что творчество – это не только эмоции и всплеск души автора, это труд, большой и упорный. Только тогда написанное может именоваться творчеством. А это уже стоит публиковать. Тем более что задуман литературный журнал «Нива». О нём Владимир Романович говорил с азартом. Тогда я ещё и не мог подумать, что эта идея воплотится, более того – что я стану сотрудником журнала «Нива». Стихи моего друга Гундарев отметил, чем даже меня обрадовал, уже не говоря о Лёше (ныне Алексей Бусс член Союза писателей России, автор нескольких поэтических сборников). Отметил и мою пробу пера в местных газетах. Ушли мы окрылённые.

Потом я уже не боялся ходить в тот кабинет, который можно было найти в огромном здании с закрытыми глазами по шлейфу дыма. Принёс свой рассказ, который не погряз в залежах бумаг, коими был очень богат гундаревский стол. Отзыв последовал быстро, разгромный, но не обидный. Критика была такой, что хотелось не бросить всё, а просто сделать иначе. Потом я уже понял, если Гундарев видел в человеке задатки, то он начинал чаще критиковать, хвалить реже.

И вот вышел первый номер «Нивы». Тоненький, из бело-жёлтой и не очень качественной бумаги. Но это было событие! В Целинограде свой собственный литературный журнал! Я непременно пошёл поздравить Владимира Романовича. По дороге встретил Андрея Фёдоровича Дубицкого – этому человеку наш город, наша столица обязана очень многим – своей историей, которую он бережно собирал по крупицам до последнего дня своей долгой жизни. Мне, большому патриоту своего города, было за честь прийти к Гундареву с таким человеком.

Так у меня оказался первый номер «Нивы» с автографом редактора. Позже мы с Алексеем Буссом не раз печатались в «Ниве».

Владимир Романович всегда был человеком увлекающимся и любознательным. Он всех нас увлёк идеей создать газету и назвать её «Столичный проспект». Столица перебиралась к нам, значит надо этот процесс освещать, показывать этапы её становления, воспитывать столичную культуру.

Многие творческие люди способны лишь подать идею, но далеки от реализации. Но Гундарев не из таких. Вскоре вышел в свет первый номер «Столичного проспекта». Меня Владимир Романович пригласил перейти из молодёжной газеты «Есиль» в объединённую редакцию «Нивы» – «Столичного проспекта». И я с огромным удовольствием окунулся в работу этого улья. Он гудел постоянно. Сотрудников было немного, а выпускать приходилось два издания. Помимо самого Гундарева и его авторитетных сподвижников – Вячеслава Ковалёва и Александра Шафоростова – собралась молодая команда. Мог Владимир Романович заразить нас молодых таким задором, что очень хотелось работать, идти на неё с удовольствием. А середина девяностых было временем непростым – перебои со светом, бумагу не достать, без зарплаты мы сидели по три месяца, но никто даже не возмущался! В нынешних условиях я не представляю, чтобы молодёжь могла так работать, так уважать своего руководителя, Капитана корабля, как мы, шутя, называли нашего Романыча.

Коллектив собрался очень хороший. К строгости Владимира Романовича добавился искромётный юмор Вячеслава Ковалёва, дотошность Александра Шафоростова, спокойствие Светланы Кулаковой и Людмилы Помыткиной. Ну а наш «молодёжный кабинет» всегда кипел страстями, хохотом – это Лариса Войтович, Андрей Степаненко, Наталья Шпрунг, Лиля Калиева, автор этих строк и «всегда молодой» фотокор Геннадий Морозов – удивительный человек, который легко променял место заведующего кафедры фундаментальной математики на скромную должность фотокорреспондента. Он нам в отцы годился, но своим задором молодецким мог дать фору.

Владимир Романович смог создать потрясающую положительную атмосферу в редакции. Теперь я понимаю, что это тоже талант. Никаких склок, а общая увлечённость идеями. Он учил нас работать коллективом – только так издание будет стоящим. Он учил работать с текстом, как не учили даже на филологическом факультете. Владимир Романович говорил, что надо не только уметь читать свой текст (многие бегут по своей мысли, не уделяя должного внимания тому, как это изложено), надо ещё уметь его

видеть! Научившись «видеть», начинаешь замечать, что в двух предложениях повторяется один и тот же глагол, а два абзаца начинаются с одного слова и т.п. А сколько существует стилистических особенностей и принятых штампов – никто другой научить этому не мог, кроме Гундарева, который имел природное чутьё языка. Он ругал нещадно за любое корявое предложение, исправлял, заставлял переписывать. Но никогда не кричал, никогда ни к кому на «ты» не обратился! Он учил и уважению друг к другу, поскольку терпеть не мог, когда журналисты, словно волки, готовы разорвать добычу и друг друга заодно. А как Гундарев отчитывал за пунктуацию и орфографию, заставлял, чтобы у каждого на столе была куча словарей. Владимир Романович посылал нас поочерёдно дежурить в типографию, чтобы мы могли сигнальный отпечаток номера вычитать уже после корректоров «на свежий глаз». Мы находили опечатки обязательно! А следом приходил Гундарев, и не дай боже найти ему пропущенную букву или лишнюю запятую уже после нас. Иногда мы обижались на него, бурчали ему в след, что кому нужна такая дотошность. Поняли потом – он нас сделал грамотными людьми. Он показывал и читателям – какой должен быть язык в газете или журнале. Поэтому сейчас диву даёшься, как солидные издания допускают не только опечатки, но и явные ляпы, орфографические ошибки, неточности и стилистические несоответствия. А просто таких Гундаревых больше нет. Поэтому эта потеря невозможная.

Владимир Романович говорил мне: «Я делаю вам замечания, чтобы вы учились избегать ошибок в дальнейшем. Вот тогда лет через двадцать я вам спокойно уступлю своё редакторское кресло!». Мы оба потом смеялись. Кстати, юмор занимал особое место в редакции. Самым заядлым анекдотчиком был Геннадий Морозов. Михалыча перешутить было сложно. Море обаяния было и у Вячеслава Ковалёва, который мастерски, с улыбкой в усы, разбрасывал комплименты дамам, чем сразу поднимал настроение у прекрасной половины. А уж когда появлялся в редакции друг Гундарева Геннадий Терец, то животы начинали болеть. В день рождения Владимира Романовича он обычно приходил первым и, расплывшись в улыбке, картавил: «Доступ к Телу открыт?». Мы с восхищением наблюдали, как к Гундареву приходили такие мэтры нашей журналистики, как его давний друг Дукеш Баимбетов, Моисей Гольдберг, которого Гундарев называл своим учителем. Как из областей приезжали журналисты и обязательно шли к Гундареву. Ну как можно было представить, чтобы, например, приехавший из Павлодара главный редактор «Звезды Прииртышья» Юрий Поминов не заглянул бы на огонёк в «Ниву». Гундарев учил дружить, поскольку умел это делать первоклассно.

Именно Гундарев учил меня редактированию чужих текстов, заставлял погружаться в стилистику автора. Владимир Романович просил выразить мнение по тому или иному авторскому тексту, а их присылалось в «Ниву» много. Мнение с интересом выслушивал, что мне, молодому журналисту, было очень приятно. Всегда говорил, что интересный текст можно и нужно выправить, помочь автору, особенно, если он молод. Он потом увидит поправки и поймёт свои ошибки. Например, Владимир Романович подержал публикацию в журнале рассказов школьника Влада Шпакова, хотя

не совсем воспринимал жанр автора. Он просто увидел талант в 16-летнем парне. Это был точный выстрел. Сейчас Влад Шпаков ведущий журналист одного из влиятельных республиканских изданий. И таких людей, которым Владимир Романович дал путёвку в жизнь, немало. Но поддерживал далеко не всех. Гундарев был категорически против поддержки и правки графоманских текстов: их и маслом не исправишь, жалость и симпатии к автору здесь неуместны, будет страдать литература. Категорично, но справедливо. Тем не менее, такому автору отказывал предельно тактично. С плеча не рубил.

А уж если на нас с критикой обрушивались такие «авторы», то Гундарев всегда вставал на защиту своей редакции. Он яростно и аргументировано отбивал нападки на журналистов за острые материалы. И мы чувствовали себя, как за каменной стеной.

Владимир Романович показывал своё мастерское владение словом даже во время поздравлений. тостов под свою знаменитую маленькую корейскую рюмку. Даже после стольких лет, как я покинул редакцию «Нивы», в мой день рождения одним из первых звонков с поздравлениями всегда был звонок Гундарева. Для него все коллеги были дорогими друзьями...

Таких эпизодов можно приводить ещё и ещё. Мозаичные искры воспоминаний рисуют многогранность образа Владимира Гундарева. Он не был идеалом, а просто был Человеком со всеми плюсами и минусами. Человеком с распахнутым сердцем...

Дмитрий ГЛУХИХ

г. Астана.

«Всё, что могу, я на себя беру!»

За те десять с небольшим лет, что мы знакомы с Владимиром Гундаревым, в общей сложности не наберётся, наверное, и полутора месяцев, проведённых нами вместе. Что несколько не мешает нам дружить и (пусть это и покажется кому-то высокопарным) чувствовать друг друга на расстоянии.

Все эти годы главным делом жизни Владимира Романовича был и остаётся журнал «Нива», когда-то им самим придуманный, выпестованный, переживший разные времена, чуть не умерший и теперь снова вошедший в пору своего расцвета. Все эти годы, сам оставаясь в тени, В.Р. Гундарев был, пожалуй, главным собирателем литературных сил республики. «Нива», рассчитанная в своё время лишь на творческие силы Северного и Центрального Казахстана и читательскую аудиторию этих регионов, давно завоевала всеказахстанскую известность. А теперь журнал хорошо знают и в России.

Мне давно хотелось написать о Гундареве. Но так уж выходило, что наши не слишком частые встречи либо не оставляли времени для спокойных и обстоятельных бесед, либо сам он деликатно, но решительно уклонялся от разговора о себе.

И тогда я пустился на небольшую хитрость: составил перечень вопросов и отправил ему, попросив ответить на них письменно. Так родилась эта беседа, которую, впрочем, правильней было бы назвать воспоминаниями Владимира Гундарева о детстве, его размышлениями о собственных жизни и творчестве.

Мы договорились с ним, что будем общаться, как и в жизни, на ты. И ещё я попросил Владимира Романовича по возможности проиллюстрировать ответы на вопросы и выдержками из его стихов.

– Все мы родом из детства. Каким было твоё? Расскажи о родителях, ярких впечатлениях детства.

– Я – человек деревенский. И не стыжусь этого. Родился я 19 июля 1944 года, как говорила моя мама, на восходе солнца. И мне кажется, что этот нежный утренний свет, несмотря на все жизненные передряги, сохранился в моей душе до сих пор, он и помогает мне всё преодолевать. Родом я из глухих сибирских краёв, из Кыштовского района Новосибирской области, который на северо-западе граничит с Томской областью, а на юго-западе – с Омской. От райцентра до железной дороги – 160 километров.

*Здесь берёзовый свет,
журавлей на болотах рыданье,
Рыжий колос у ржи,
бирюзовые очи у льна.
Вдоль угрюмых урманов,
возле топких озёр Васюганья
Протянулась полоской
родная моя сторона.
Простоватой крестьянкой
притулилась у Тары неловко,
Не прельщая красотой
и лукаво к себе не маня.
Но всему вопреки
неказистая вроде б – Кыштовка
Год от года дороже,
прекрасней столицу для меня.*

*Тяготенья земное –
в нём, Кыштовка, твоё притяженье, –
Эту властную силу
я всегда ощущаю вдали.
И, старея, к тебе
я свое убыстряю движенье, –
Тут и мама моя
стала горстью родимой земли...*

Это уже из стихов последних лет, когда я попытался выразить своё трепетное отношение, свою любовь к этому краю.

Вообще-то родился я в селе Большеречье, но затем отец Роман Тимофеевич вернулся в свою родную деревню Ядрышниково, где жили его родители, младший брат и две старших сестры. Отец был старше мамы на десять лет. Ей было девятнадцать, когда она родила первенца – меня. Отец по тем временам был грамотным человеком – окончил 7 классов, у мамы же за плечами всего два класса. Отец уже повидал мир, жил и работал на Дальнем Востоке, в Амурской области, где жили тогда его родственники, их и сейчас там много. Отец был болезненным, перенёс много операций, поэтому и на фронт его не взяли. В Большеречье он был начальником сельской почты, а когда переехал в Ядрышниково, стал вместе с мамой работать в колхозе – пчеловодом на пасеке, а мама ему помогала. Можно сказать, что на пасеке я и рос. До сих пор тепло вспоминаю это время.

Послевоенное детство – как и у всех из моего поколения – было тяжёлым. Досыта никогда не ели. С весны до поздней осени мы, ребята, переходили на «подножный корм» – дикий лук и чеснок, ягоды (земляника, клубника, малина, смородина, костяника, черёмуха, боярка, шиповник, рябина, клюква, брусника), грибы, рвали в лесу медуницы, так называемые «пучки», «шкерды» (очищали их стебли и ели), на берегах озёр лакомились молодым камышом. В общем, знали множество съедобных трав. По весне зорили в колках сорочьи гнёзда и пекли на костре или выпивали сырыми яйца. Этим и набивали животы. Но есть всё равно хотелось. Главное – мало было хлеба. Да и картошки не вдоволь. Весной, когда на огороде сходил снег, мы собирали оставшиеся и созревшие клубеньки, мама их очищала от кожуры, смешивала эту серую массу и жарила нам на железной печурке драники. Вкусноты необыкновенной!

Немного подрост, лет с 6-7 пристрастился к рыбалке. Самодельными удочками (лески из волос конского хвоста) рыбачил на речке Таре, где ловил пескарей, ершей, чебаков, ельцов, окунишек, и на многочисленных озёрах, где водились караси и гольяны. Увлечение карасями у меня сохранилось до сей поры. В рыбалке я был удачлив. К тому же это была весомая прибавка в столу. Мама всегда радовалась, когда я возвращался с добычей. Этому умению меня научил мой крёстный дядя Саня, он был сторожем на пасеке, мы с ним там ночевали, а раненько уходили рыбачить на озеро Конопляное – в километре от пасеки. По ведру карасей иногда притаскивали! Из всех снастей я признавал только удочки. Кстати, о дяде Сане у меня есть стихи «Всё может быть...» Приведу такие строки:

*... И только сторож пасеки колхозной
(Был одноногим дядя Саня наш)
Считался человеком несерьёзным,
Внося в беседы эти ералаш.
Был весел он, философ деревенский,
Мастак затеять безобидный спор,*

*То острое словцо вдруг вставит веско
Он в простодушный сельский разговор,
В глазах скрывая синие сполохи,
Невозмутимый сохраняя вид,
Такое сказанёт, что дружный хохот
Раскатами в деревне загремит.
То новостью внезапной ошарашив,
С три короба, придумщик, наплетёт,
Потом, поправив ногу-деревяшку,
Опять сигарку новую свернёт.
Любил он повторять одно и то же,
Ладонью припечатывая в такт:
«Всё может быть,
лишь быть того не может,
Чего уже не может быть никак»...*

Ну и так далее.

Колхоз – он и для детворы колхоз. Сызмальства мы стали помогать старшим. Садили и копали картошку, во время сенокоса (а всё тогда делалось вручную и на конской тяге) на лошадях возили копны. Женщины косами-литовками косили траву, а мы, мальцы, когда трава в рядках подсохнет, граблями переворачивали сено. В общем, дел и нам хватало. В уборку, когда подросли, были копнильщиками на уборочных агрегатах, помогали обмолачивать рожь, горох, рвали лён-долгунец. Зарабатывали первые трудовни, на которые по итогам колхозного года мало что причиталось. Впрочем, речь сейчас не об этом. Просто мы не были тогда белоручками и в меру сил помогали родителям...

Да, забыл сказать, что деликатесами для нас, детей, были брюква (особенно пареная), репа и кормовой турнепс. Хлеб же мама пекла в печи ржаной, да и то смешивала муку с тёртой картошкой. Вот такие ковриги и насыщали наши голодные рты. Белого – пшеничного хлеба мы (через три года после меня родился брат Михаил) не видели. Такой хлеб ела только семья моего родного дяди Трофима (он работал в МТС бригадиром тракторной бригады), жившая в домпятистенке моего деда Тимофея Кондратьевича рядом с нашей неказистой избой. Иной раз, когда голод давал о себе знать, я стоял у высоких тесовых ворот этого крепкого двора и кланчил: «Тётя Лена, откложите лавота (так я произносил слово «ворота»), дайте мне хлеба». Жена дяди Трофима выходила, открывала с щеколды калитку и выносила мне душистый пшеничный ломоть. Много из той поры стёрлось в памяти, а вот это попрошайничество осталось. (Вообще-то хлеб досьита мы стали есть где-то с 54-55 года, когда началось освоение целины).

Дед Тимофей (бывший мельник, а потом плотник, и очень умелый), мягко говоря, был скуповат и прижимист, под стать ему была бабушка Евпроксия (умерла в 1957 году). Кстати говоря, дед был рыжебород, курил трубку, больше молчал, чем говорил, на нас, внуков, внимания не обращал. Породы он был крепкой, прожил до 86 лет, правда, трубку уже не курил, но стопочку-другую (когда я приезжал в деревню в гости, уже став журналистом) вместе со мной выпивал. Под конец жизни он подобрел ко мне и охотно со мной общался, хотя говорил попржнему мало. Наверное, что-то от деда Тимофея (его звали в деревне «дед Тима») передалось и мне. Во всяком случае, курение трубки. А вот дожить до его лет – об этом и мечтать нечего.

Отрадой той поры для меня была пасека. Я любил там бывать, с любопытством наблюдал за таинственной для меня жизнью пчел, укусов их не боялся (хотя, бывало, что пчёлы и жалили меня), любил густой и тяжёлый аромат раскинувшегося рядом с пасекой белого поля цветущей гречихи, с которой пчёлы

собирали тягучий нектар. А когда отец качал мёд, я помогал крутить ручку медогонки, а потом с удовольствием ел «ошурки» – срезанные с рамки верхние части запечатанных пчелами восковых сот. Однако не был падох на мёд, особого пристрастия к нему не испытывал – в отличие от брата Мишки, который мог съесть этого лакомства довольно много. Пожалуй, именно на пасеке, в прекрасном уединении, я научился общаться с природой, полюбил её.

О том времени у меня есть написанные ещё в молодости стихи «Слово об отце». Приведу несколько строф:

*В душе пора не запорошена,
Её я снова повторю:
Вот смеха катятся горошины,
С отцом опять я говорю.
В лохматых каплях клевер розовый,
Мы на траве лежим с отцом.
И день – белёсый и берёзовый,
К нам прикасается лицом.
Синичка рядом тонко тенькает,
Спешат куда-то муравьи.
Моё сердчишко бьётся птенчиком
От неосознанной любви...*

Когда я писал эти и последующие строки, то видел перед собой пасеку и её окрестности.

– Где и как ты учился? Твои воспоминания, связанные со школой.

– В родной деревне Ядрышниково я закончил школу-четырёхлетку, а потом стал учиться в семилетке – в соседней деревне Заливино, где жил брат моей матери дядя Алексей, бывший фронтовик. Было одно неудобство – наши деревни находились друг от друга всего в трёх километрах, но их разделяла река Тара. Переправиться на другой берег можно было только на лодке. С этим же постоянно возникали проблемы. Весной и осенью по этой причине не каждый день прибежишь из школы домой, приходилось обитать у дяди Алексея. Да и зимой – в морозы и снегопады – тоже дома появляешься один-два раза в неделю. Вот и жил я у дяди Алексея, принося для питания в тощем мешочке – «сидоре» не то что снесь, а так, что было – ковригу хлеба да шмат сала. Тётя Маруся – жена дяди Алексея – относилась ко мне по-доброму, всем, что было на столе для своих, кормила и меня.

С одежкой и обувкой в то время тоже худо было. Много лет спустя, когда меня на родине узнали как поэта, учитель литературы и русского языка в семилетке Леонид Павлович Полукеев (он, к счастью, жив-здоров и сегодня) рассказывал моей однокласснице Светлане Масловой, с которой мы потом учились в средней школе в Къштовке (мать Светланы – родная сестра Полукеева): «Никогда не забуду 1 сентября 1955 года. К нам тогда в пятый класс из деревни Ядрышниково пришли несколько учеников. И вот – торжественная линейка. Каждый обут, одет – насколько позволяли возможности родителей. Смотрю – и глазам своим не верю: один вихрастый мальчишка стоит в этом строю... босиком! Это был Володька Гундарев».

Я любил школу, любил учиться. Ровно успевал по всем предметам. Но особенно любил литературу и русский язык. Читал запоем. (Я и сейчас постоянно учусь, правда, больше забываю, чем оставляю в памяти). И Леонид Павлович всячески поощрял мою тягу к знаниям, мой интерес к литературе. Уже тогда я сочинял стихи. Леониду Павловичу я признателен за поддержку. Многим я обязан и своему первому учителю, бывшему фронтовику Михаилу Фёдоровичу Чебыкину (он тоже, слава Богу, еще во здравии). Михаил Фёдорович учил меня с первого по четвёртый класс и был расположен ко мне.

Через год, где-то с шестого класса, из нашей деревни только один я учился в семилетке, остальные мои сверстники и сверстницы по разным причинам бросили учёбу.

В 1958 году я сдавал экзамены за седьмой класс. Только сдал первый экзамен (по математике, получил пятёрку), как 2 июня, на Троицу, умер (в 42 года) мой отец. После его похорон я пришёл, зарёванный, на письменный экзамен по русскому языку и литературе. Директор школы предложил: «Мы тебя освобождаем от дальнейших экзаменов, поставим тебе тройки, согласен?». Но я отказался. Сказал, что буду сдавать. Пишу сочинение, а слёзы капают на тетрадные листы... Всё же написал. Получил пятёрку. На «отлично» сдал и последний экзамен.

После смерти отца (нас у мамы осталось четверо – кроме меня и Мишки, две сестренки: шестилетняя Вера и годовалая Наташка) надо было помогать матери. И я лето работал в колхозе прицепщиком на тракторе у дяди Трофима (к тому времени он стал уже рядовым механизатором). Были не только дневные смены, но и ночные, особенно трудные для меня. Ничего, привык, втянулся. Даже трактором ДТ-54 научился управлять.

Это время тоже запечатлелось в стихотворных строчках:

*А пчёлы брали мёд в гречишнике,
Гудели в жёлтой мгле акаций.
И мне в четырнадцать мальчишеских
Пришлось отчаянно мужаться.
Мгновенно кончились все праздники,
Мне тяжелее час от часа –
В июньский день на тихой пасеке
Отец скончался...
И плакал я от горя страшного,
Как плачут дети, враз взрослея.
Стал неожиданно за старшего
В своей потерянной семье я...*

Вполне возможно, что впоследствии я бы стал механизатором, а то, глядишь, и бригадиром... Но мне хотелось учиться. Уговорил маму отпустить меня 1 сентября в восьмой класс. Средняя школа находилась в райцентре, в 25 километрах от нашей деревни. Значит, в Кыштовке надо было определяться к кому-нибудь на квартиру. Слава Богу, жил не у чужих людей, – у дальних родственников со стороны отца, но всё равно не дома... У меня всегда глаза на мокром месте, когда я смотрю фильм по рассказу Валентина Распутина «Уроки французского». Это и обо мне тоже. Во всяком случае, в отдельных эпизодах узнаю себя, да и окружающая обстановка, дух времени – соответствует тому, что пережил и переживал я.

В средней школе мне очень повезло с преподавателем литературы. Раиса Павловна Рассказова сыграла большую роль в моей судьбе, всячески поощряла моё увлечение стихотворчеством, относилась ко мне... ну... как к близкому человеку, переживала за меня и поддерживала, воодушевляла. И я сам всегда впоследствии испытывал к ней тёплые, прямо-таки родственные чувства. Она тогда даже мои сердечные тайны знала. Да и потом, спустя годы, догадывалась, что я всегда любил одну свою одноклассницу. К сожалению, тогда без взаимности. Мы до сих пор с Раисой Павловной в дружеских отношениях. Нынче ей исполняется 75 лет... А пять лет назад она отмечала свой 70-летний юбилей. Как раз в те дни моя младшая дочь Ассоль защищала в мединституте кандидатскую диссертацию. И всё же я рванул на юбилей учительницы. Из всех её бывших учеников я был единственным, кто приехал издалека, даже из другого государства.

Вообще о детстве, о взрослении, о трудной и прекрасной поре жизни можно рассказывать долго и много. Ведь именно там истоки всего. И хорошего, и плохого.

Что касается ярких впечатлений детства, то о некоторых из них я уже рассказывал. К этому добавлю, что когда я пришёл «первый раз в первый класс», то сразу же любимой книгой стал букварь (до школы я читать не умел), я полюбил моих учителей, которых назвал выше, я был ошеломлён, когда стал понимать и чувствовать неброскую красоту природы. Об одном из ярких впечатлений детства можно узнать из стихотворения «Потрясающие события». Вот его начало:

*Не помню в каком году –
возможно, в пятьдесят первом,
Однажды по нашей деревне
полупорка пронеслась.
Шарахались куры и гуси,
в испуге теряя перья,
Но лихо летела машина,
разбрызгивая грязь.
А мы, пацаны босые,
на это чудо глазели,
Затем, подвернув штанины,
за ней припустили вмиг.
И пузырились наши
рубахи из бумазени,
Мы ликовали: отныне
в колхозе есть грузовик!..*

– Первые ростки творчества: как, откуда, почему? Когда ты понял, что – поэт?

– Я был таким же, как все деревенские мальчишки, и всё-таки внутри что-то необъяснимое меня будоражило и томило. В школе я сразу же полюбил стихи, чувствуя в них какое-то волшебство. И мне самому захотелось сочинять, придумывать. Кажется, во втором классе у меня получилось примерно такое: «Вытаращив глаза, бежит по дороге коза». Смешно? С этого всё и началось. Мне понравилось рифмовать. Уже в семилетке моё пристрастие к стихам ни для кого не было секретом. А когда учился в средней школе, писал много, меня все называли поэтом, я уже тогда мечтал стать журналистом и писателем. С восьмого класса я стал своим человеком в редакции районной газеты «Колхозный путь». Сначала писал короткие заметки, а уже весной 1959 года было опубликовано моё первое стихотворение. Невозможно передать, что я испытывал, когда увидел напечатанными в газете свои стихи. С тех пор и пошло... Редакция районки стала для меня родным домом, по существу моей первой и главной в жизни газетой. Она дала мне путь в литературу. Поэт ли я – трудно сказать, но стремление им стать не давало мне покоя. Никогда не забуду такой случай. Ещё был жив отец (кажется, это было незадолго до его кончины). Мы сидели за столом, обедали, и я вдруг брякнул: «Папа, а я хочу быть поэтом». Он так посмотрел на меня пронзительно, такую боль я увидел в его голубых глазах, что осёкся. Отец ничего не сказал. Но уже потом, когда его не стало, я понял, что таил его взгляд. Отец наверняка чувствовал: жить ему осталось мало (год назад в Новосибирске ему сделали сложную операцию, вырезали одно лёгкое и от второго часть отрезали), а мне придётся бросить школу и идти работать в колхоз... «В лучшем случае ты станешь трактористом, надо помогать матери растить младших. Вот тебе и вся поэзия...». Этот отцовский взгляд я чувствую и поныне... Я очень любил отца. И до сих пор

для меня он очень дорог, я постоянно ощущаю его взгляд – но уже строгий и требовательный. Много лет спустя я написал стихи, в которых есть такие строки:

*И каждый раз, когда моя дорога
К порогу дома отчего вернётся, –
Отец с портрета сразу глянет строго,
А мама в грудь мою лицом уткнётся.
За худенькие плечи обнимая,
Оцепенею от гнетущей боли:
«Какая же ты маленькая, мама!
Как высохла от горькой вдовьей доли...
Становишься всё меньше...
Что тут скажешь? –
Так облако под ярким солнцем тает.
В какой-то миг – представить страшно даже –
Неужто и совсем тебя не станет?..
И всё, что с нею связано – то свято,
И дорожку я этим беспредельно.
А мама улыбнётся виновато:
«И как тебя я нынче проглядела?
Ведь глаз с дороги не сводила прямо,
И всё из рук валилось, право слово,
Как чуяла, что ты без телеграммы
Заявишься домой внезапно снова».
И захлопочет оживлённо рядом,
И снedyю стол устави́т предо мною.
А я, отцовским пригвождённый взглядом,
Стою, не смея сесть к нему спиной.
И спазмы перехватывают горло:
«Ну что, отец, ты душу мне тревожишь?
И смотришь на меня с немым укором,
Ведь ты теперь меня уже моложе,
А я всё старше буду год от года.
Такое предназначено судьбою.
Я без тебя одолевал невзгоды,
Ну в чём же я повинен пред тобою?
Ведь я над жизнью матери не властен,
От хвори уберечь её не в силах...
Пусть не всегда
был путь мой прям и ясен
И ветром по земле меня носило
Из края в край,
но на дорогах трудных
Я не подвёл, ничем не опозорив
Тебя и мать.
Так было и так будет,
Покуда надо мною светят зори...*

Извини за длинное самоцитирование, не удержался... Заканчиваются эти очень важные для меня стихи такими строчками:

*... И чтобы о давно ушедших память
Забвения травой не зарастала,
Нас честными отцовскими глазами
Оценивает время непрестанно.*

По складу души я лирик, всё, что меня тогда окружало, требовало выхода. Чувства, обуревавшие меня, хотелось выразить «складно», своими словами. Так было в начале творческого пути, так и осталось...

Мама – Мария Егоровна – после смерти отца тридцать с лишним лет работала на ферме телятницей, имела немало поощрений и наград, в их числе орден Трудовой Славы третьей степени... Умерла в 1995 году, через два месяца после своего семидесятилетия... Брат и сестрёнки в своё время (каждый в разные годы и по отдельности) жили у меня в Целинограде, но потом всё-таки по разным причинам вернулись в деревню, в сельской местности живут и сейчас. А вот у меня судьба сложилась иначе. Вопреки и наперекор обстоятельствам я шёл к своей цели. Знаешь ли, отцовский взгляд меня подталкивал. Отец, как мне представляется, был и остаётся моим ангелом-хранителем. За последние годы он меня трижды спасал от смерти. Теперь всё – «лимит» исчерпан... А ещё, наверное, и данный мне какой-то божий дар не давал смириться, подталкивал вперёд.

– Как вообще пишутся стихи? Что первично: мысль, образ, тема, ритм, настроение?

– Ну, на это я затрудняюсь тебе ответить толково и вразумительно, ибо «тайна сия велика есть». Стихи пишутся и рождаются по-разному, чаще всего стихийно, когда поступит толчок извне, может быть, свыше. Это называют вдохновением. Хотя можно себя и заставить писать стихи. Такое у меня тоже часто бывало. Работашь-работашь, пересиливаешь себя, ломаешь преграды, а потом увлечёшься – и вдохновение накатило.

А что первично: мысль, образ, тема, настроение? Правил тут нет. Опять же случается по-разному. То вдруг зацепит тебя внезапно возникшая мысль, показавшаяся тебе интересной, не тривиальной, то появится зримый образ или сразу же в мозгу вспыхнет строчка, от неё и начинаешь «танцевать», мгновенно отключаясь от окружающего тебя мира. Много значит и настроение... Всё это сугубо индивидуально. Нередко озарение приходит в совершенно неподходящей ситуации. Это может быть и на шумной улице, в грохочущем поезде или в переполненном автобусе. А то и ночью строчка приснится... Первично всё-таки Слово... Спроси у своей жены, поэтессы Ольги Григорьевой. Думаю, она ответит то же самое.

Сказывается и настроение. Многие стихи окрашены настроением автора. Оно может быть всяким. В зависимости от него и тональность стихов.

Вот сравни:

*Ах, какое настроенье у меня! –
Словно радостью внезапно наградили.
Я иду по бело-синей кромке дня.
И белы деревья, как на негативе.
И дома белы на улице, взгляни:
Облачённые в сугробы изваянья,
Низко крыши нахлобучили они,
Погружённые в свои воспоминанья...*

Это относительно ранний Гундарев.

Всё так же, как весной,
 Бывает в октябре,
 Когда в тиши лесной
 Стоят деревья голы.
 Берёзы на заре
 Блестят, как в серебре,
 Но морок пеленой
 Окутывает доли.
 И дождик проливной
 Из низких облаков,
 И в речке предо мной
 Опять набухло русло.
 И стайки воробьев
 Сухой находят кров.
 Всё так же, как весной.
 ... Лишь только грустно.
 Это написано уже в годы зрелости.

А вот строфа из «поздней» лирики:

Даже долгая жизнь всё равно коротка,
 А ведь я ещё даже и не жил.
 И тебя, – мимолётно коснувшись виска, –
 Слишком мало ласкал я и нежил...

Или вот:

... Теперь же мне под шестьдесят.
 Но ясен мой беспечный взгляд,
 В душе я молод – ты со мною!
 И что оставшийся мне путь,
 Коль силы распирают грудь
 И осень кажется весною!

Эти строчки взяты из стихов, выплеснувшихся уже нынче, в 2002 году. Пожалуй, вне зависимости от возраста многое в стихах определяет именно настроение. Но к этому нужны ещё умственные и прочие способности.

– Кто поэт, а кто нет? Как это определить?

– Всё это субъективно. Ведь существует тонкая и невидимая грань, по одну сторону которой поэзия, а по другую – её подобие. Если по большому счёту, то я боюсь причислить себя к поэтам (хотя хочется верить, что это так). Если же я действительно поэт, то, пожалуй, довольно средний. Ну уж какой есть. Выше головы не прыгнешь. Вообще-то по неуловимым признакам можно отличить поэта от графомана, настоящую поэзию от умелого версификаторства – труднее. Критерии, конечно, есть, но пользоваться ими сложно. Внешние признаки поэзии ещё не все, чтобы окончательно определиться и дать оценку автору. Нужно ещё и чувствовать нутром.

– Как родилась «Деревенька»? Как стала песней? Вспомни истории, связанные в «Деревенькой».

– Как родилась «Деревенька»? Понимаешь, меня всегда тянуло домой, то есть на родину. Но в молодые годы далеко не каждый год удавалось провести свой отпуск в деревне. Это уже позже, став постарше и пока жива была мама, я старался навещать её ежегодно. Так вот, зимой 1971 года я так затосковал по родине, что спасу нет. Чтобы облегчить душу, в один присест, примерно за час, написал стихи «Деревня моя деревянная». А потом и ещё большой цикл стихов об этом, в том числе и с такими «программными» строчками:

*... Не франтоваты, не парадны,
Походки ваши не легки, –
Вы угловаты и нескладны,
Мои родные земляки.
Иваны, Марьи и Семены
Ждут свой черёд, светло тихи.
Входи, деревня, поимённо
В мои сыновние стихи...*

Впоследствии этот цикл составил основу моего первого сборника стихов «Деревня моя деревянная», вышедшего в 1973 году.

Как раз в ту пору началась повальная кампания по уничтожению так называемых «неперспективных» деревень. И мои стихи были как раз стихийным, неосознанным протестом против этого варварства. Кстати, под этот нож чуть не попала и моя любимая деревня Ядрышниково. Её спасло чудо – появление песни «Деревенька моя». История её возникновения любопытная. Сначала стихи «Деревня моя деревянная» были опубликованы в областной газете «Целиноградская правда», потом я их отправил в одну из новосибирских газет. Там-то, видимо, они и попали на глаза композитору Николаю Кудрину, он искал слова, чтобы написать песню о деревне. Мои стихи пришлись ему по душе, он и создал песню «Деревенька моя», взяв из стихов только три, наиболее подходящих, «поющих» строфы. Естественно, об этом я не знал и не ведал. Как потом выяснилось, первым исполнителем «Деревеньки» был самодеятельный ансамбль «Ваталинка», которым руководил Н. Кудрин. Ансамбль пел её в Кремлёвском Дворце съездов на заключительном концерте Всероссийского фестиваля народной песни. Потом её стал исполнять Сибирский народный хор, а солисткой была заслуженная артистка России Галина Меркулова (с ней я был раньше знаком и даже немного влюблён в неё). Кстати, несколько лет спустя Сибирский народный хор приезжал к нам в Целиноград, и эта песня звучала в моем присутствии на концерте во Дворце Целинников. Не скрою, мне было приятно, когда объявили, что автор стихов находится в зале. Пришлось встать... Но это было потом...

В 1973 году «Деревенька моя» зазвучала по Всесоюзному радио в исполнении заслуженной артистки России Нины Пантелеевой и вокального квартета «Улыбка». Тогда-то я впервые услышал эту песню. Правда, автором слов значился И. Гундарев. Осенью того же года я был на лечении в Алуште, увидел афиши, что выступает Нина Пантелеева, пошёл на концерт. Совсем не думал, что для изысканной курортной публики она будет петь «Деревеньку». А она спела... В антракте я набрался смелости и пошёл за кулисы, чтобы познакомиться с певицей. Встрече Нина Пантелеева обрадовалась (мы потом долго с ней переписывались), порывисто меня обняла: «А мы с Николаем Кудриным найти вас не можем... Вы знаете, Володенька, какой это замечательный шлягер!». Она дала мне адрес композитора, пообещала, вернувшись в Москву, прийти на радио и исправить ошибку в моих инициалах (слово она сдержала). Я написал в Новосибирск Николаю Михайловичу, так мы с Кудриным заочно познакомились. Даже написали еще одну песню – о Сибири, но она такого звучания, как «Деревенька», не получила. К сожалению, с Николаем Михайловичем встретиться нам так и не удалось, а несколько лет назад композитор Кудрин, ставший народным артистом России, умер...

«Деревенька моя» стала звучать и на Центральном телевидении – в исполнении народной артистки России Ольги Воронец, да и вообще – к моей неожиданности – стала в народе очень популярной, в том числе и в застольях, чуть ли не наравне с «Шумел камыш».

Удивительно, но эта песня живёт и сейчас, вот уже 30 лет.

Между прочим, Ольга Воронеж, однажды зимой, уже в восьмидесятые годы, была с концертами в моём родном Кыштовском районе. Там её на руках носили. Мне об этом написала бывшая учительница Раиса Павловна Рассказова. А тут сразу же у меня выпала командировка в Москву. Уже в последний день перед отъездом в Целиноград я пересилил свою застенчивость и позвонил Ольге Воронеж (номер телефона у меня был), представился, услышал её восторженный, но простуженный голос: «Вы знаете, как меня приняли на вашей родине! Хотя морозы были под сорок градусов, но мне было так тепло! На одном из концертов была ваша младшая сестра, мне её показали. Познакомилась я и с вашей учительницей. Правда, маму вашу не видела, до её деревни мы не смогли доехать. Но когда я увидела эту природу, то поняла, что стихи о деревеньке могли родиться только здесь... И всё же я в Сибири простыла, только вернулась оттуда, сейчас сильно гриппую. Через день-два я буду готова пригласить вас, Володя, в гости». Я поблагодарил Ольгу Борисовну и сказал, что, к сожалению, ночью улетаю. Встретимся в следующий раз... Но так и не получилось.

«Деревеньку» я слышал многократно в прекрасном исполнении и замечательных солистов, и разных коллективов. Но особенно был растроган, когда приехал в родительский дом, вечером мама собрала гостей-односельчан, а потом они после рюмки-другой вдруг переглянулись и запели «Деревеньку». И столько в их непоставленных голосах было искренности, задушевности, что на моих глазах выступили слёзы. Испытать такое – счастье. Это высшая награда для автора от земляков. Это моими словами они выражали свою любовь к родной стороне.

– Правда ли, что ты живёшь на доходы от своей «Деревеньки»?

– Да, ещё в семидесятые годы мои московские друзья пустили шутку: «Гундарев – последний русский помещик. Он до сих пор живёт на доходы от своей «Деревеньки». Действительно, если бы в те годы собрать все отчисления, которых я получал за исполнение песни через Всесоюзное агентство охраны авторских прав, в том числе и за рубежом, то на эту «ренту» вполне можно было купить «Жигули». Я же эти гонорары, разумеется, растранижил – не скопидом, не в деда-мельника пошёл. Правда, потом, по причине раздела Советского Союза гонорары за «Деревеньку» иссякли, но недавно в сфере оплаты за «труды праведные» произошли изменения, и я получил из России за исполнение «Деревеньки» ещё тысячу рублей. Однако «последним русским помещиком» меня уже не назовёшь – появились новые помещики. Я им в подмётки не гожусь.

– Есть ли у читателя Гундарева любимые строки поэта Гундарева?

– Ну и вопросы у тебя, Юрий Дмитриевич... Стихи и книги – это те же дети. Не мною это сказано, но я совершенно с этим согласен. И все они одинаково дороги, даже неудачные. Ведь каждая строчка выстрадана, прошла через сердце. Конечно, со временем к каким-то стихам охладеваешь, но ни от чего из написанного я не отказываюсь. В них вся моя жизнь. Совершенства в стихах, пожалуй добиться не удалось, к тому же оценивать собственные стихи невозможно трудно, восторгаться ими я не могу, но и в обиду их не дам. Назвать любимые стихи – не знаю, не получится, но главные, важные – есть. Хотя бы вот эти:

*Когда легко мне что-то удаётся
И чувствую, что двигаюсь вперёд,
То в спину мне язвительно несётся:
«Он слишком много на себя берёт!»
Когда же, пересилив злые беды,
Я становлюсь сильней, наоборот, –
Злословят с толку сбитые соседи:
«Он слишком много на себя берёт».*

*Когда я ошибаюсь, не безгрешен,
Советчиков не ставя ни во грош, –
«Друзья» такое выскажут при встрече:
«Ты слишком много на себя берёшь.
Чтоб шею не свернуть,
ты помни меру,
Не зарывайся, мы к тебе с добром.
Живи спокойно,
Вот как мы, к примеру,
Мы лишнего на плечи не берём».
Да, я живу, делами перегружен.
Пусть у меня не та, как прежде, стать,
Но если я ещё кому-то нужен,
Я на себя не стану меньше брать.
Вновь перед собою ставлю «сверхзадачу».
Пусть говорят:
«Не приведёт к добру»,
Но если я ещё хоть что-то значу, –
Все, что могу,
я на себя беру!*

Возможно, стихи не очень удачны, но в них моё кредо.

– Кто твои поэтические учителя и любимые поэты?

– На этот вопрос можно отвечать бесконечно. Если же ответ сформировать кратко, то моим коллективным поэтическим учителем стала русская классика. Что касается любимых поэтов, то их тоже немало. Стоит открыть любую книгу в моей домашней библиотеке, и в сборнике даже не очень знаменитого поэта, а то и вовсе малоизвестного, можно найти прекрасные классические строки, которыми можно восторгаться. Ведь в историю поэзии можно войти и одним стихотворением, даже одной строчкой. В детстве и юности я очень любил Есенина и Маяковского (и сейчас люблю), Пушкина, естественно, тоже почитал, но всю глубину его гения постиг значительно позже, с возрастом. Надо самому иметь отношение к творчеству, чтобы понять и оценить всё величие Пушкина, «поэта на все времена». Я часто обращаюсь к его творениям. Недавно снова перечитал его десяти томник. Пушкин велик в каждой строчке, в том числе в исторических исследованиях, публицистике, письмах... Не представляю русскую поэзию без Лермонтова, Тютчева, Баратынского, Некрасова, Блока... Любимы мною А. Твардовский, П. Васильев, Н. Рубцов, Ю. Кузнецов, В. Соколов, Н. Тряпкин, В. Фёдоров... Можно ограничиться этим? А то ещё придется назвать не менее трёх-четырёх десятков фамилий.

– Как ты оказался в Казахстане, чем здесь занимался?

– Как я оказался в Казахстане... Судьба... В сентябре 1960 года, в шестнадцать лет, я уехал из Кыштовки в Кемерово, к дяде Александру, брату отца. Так сложились жизненные обстоятельства, что немного запутался. А тут ещё и несчастная любовь... Добрые люди помогли получить паспорт, я вырвался из колхозного «крепостного» права. В общем, уехал. В Кемерово пришел на студию телевидения, сначала сотрудничал внештатно, видно, показал себя, меня взяли в штат младшим редактором «последних известий». Писал тексты к телесюжетам, даже очерки делал. Параллельно учился в вечерней школе. Был активным комсомольцем. Тогда много говорилось о целине. В марте 1961 года Акмолинск был переименован в Целиноград, тема целины зазвучала с новой силой, и я решил поехать в Казахстан. Написал письмо в Целинный крайком комсомола, но, не дожидаясь ответа, махнул в Целиноград, наивно считая, что там без меня не

обойдутся. Короче говоря, в конце мая я уже был в Целинограде (мне не было ещё семнадцати). Много всякого пережил-перенёс. Но опять мне повезло на добрых людей. С газетой «Молодой целинник» не получилось. И я появился на Целинном краевом радио. Несколько месяцев был внештатным корреспондентом, жил только на гонораре, а 1 сентября меня зачислили в штат.

Моим наставником и учителем стал Моисей Михайлович Гольдберг, он что-то увидел во мне, поддержал. Я многим ему обязан. Мы дружим все эти годы, до нынешней поры. В марте 1963 года я стал членом Союза журналистов СССР – одним из самых молодых в стране, ибо у меня уже был необходимый профессиональный стаж. Получилось так, что это я без Целинограда не смог обойтись.

Осенью того же года меня призвали в ряды Советской Армии. Служил три года в Бакинском округе ПВО. Часто публиковался в окружной газете «На страже», в других газетах и даже в журналах. Два армейских года был инструктором политотдела по комсомольской работе. После службы мне предложили три варианта: поступать во Львовское высшее военно-политическое училище; идти работать в штате окружной газеты; остаться на сверхсрочную службу в вышестоящем политотделе. Но я вернулся в Целиноград, где меня ждали, и стал работать на областном радио редактором молодёжной радиостанции «Товарищ». Здесь поэтическим творчеством я стал заниматься уже целеустремлённо. И в ноябре 1970 года меня пригласили на работу литературным консультантом Целиноградского межобластного отделения Союза писателей Казахстана. Целых двадцать лет я учился сам и учил других. Это были плодотворные годы. Я написал и выпустил полтора десятка поэтических сборников и художественно-документальных книг. А заметил меня и перетащил к себе тогдашний ответсекретарь отделения Союза писателей, поэт и прозаик Нургожа Уразов, за что я признателен ему. В 1978 году меня приняли в ряды Союза писателей СССР – в 34 года, что по тем временам тоже было редкостью.

Правда, о периоде литконсультантства у меня есть грустные стихи:

*Ты рукописи должен разбирать:
Оценивать стихи,
вникать в рассказы
И радоваться каждой
яркой фразе, –
Но вспоминай
и про свою тетрадь.
А там листы пугающе чисты, –
Как осенью пусты
Поля и чащи, –
Тебе сюда б заглядывать почаще,
Но беззаботен почему-то ты...*

А заканчивается стихотворение так:

*А спохватился:
цель-то далека.
Намереньями
долго жил благими.
И ускользает от тебя строка,
Твои стихи –
Написаны другими.*

Хотя, если честно, эти упреки справедливее отнести не к тому времени, а к периоду работы в «Ниве».

– Можно ли считать «Ниву» главным делом твоей жизни?

– Как бы там ни было, – несмотря на это откровенное признание, – я действительно считаю «Ниву» главным делом своей жизни. Ты знаешь, я не мистик, но склонен считать, что был голос свыше. А репродуктором, передатчиком этого повеления стал писатель Алексей Борисович Дебольский, который в августе 1990 года предложил мне взяться за издание регионального литературно-художественного журнала – на северные и центральные области Казахстана. Уверял, что у меня получится. Я и взялся... 17 апреля 2002 года исполнилось 11 лет со дня выхода первого номера «Нивы». Вот уже второй год журнал выходит ежемесячно. Он стал не только всеказахстанским, «Ниву» хорошо знают и за пределами республики, прежде всего, в России... Да, журнал – главное дело моей жизни. Мне кажется так. Я этим живу. Журнал и любовь – для меня всё.

– Главные достижения журнала за все годы его существования?

– О главных достижениях журнала за эти годы мне трудно судить. Я пристрастен, мне дорого в «Ниве» всё. Думаю, что ты, как многолетний автор и член редсовета журнала, можешь сделать это лучше меня и объективнее.

– Какая «Нива» тебе больше по душе – старая или новая?

– Конечно, прежнюю «Ниву» не сравнить с нынешней. Я тогда отдавал ей всего себя без остатка, отдаю и сейчас. Прежде она доставляла мне очень много хлопот и огорчений, на каждый номер приходилось выколачивать деньги, идти на поклон. Ты это не хуже меня знаешь, сам помогал мне в поиске средств. Правда, тогда я был бедным, незащищенным, но полномочным хозяином журнала. Сейчас ситуация несколько иная. Мне надо считаться с мнением учредителя и издателя «Нивы» – ОАО «Республиканская газета «Казахстанская правда», зато нет финансовых проблем. Главное – «Казправда» спасла журнал, когда он фактически находился на грани закрытия. Благодаря этому «Нива» не только сохранилась, но и возродилась, обрела новое лицо. Так что спасибо Анатолию Гурскому и Валерию Михайлову, они взяли «Ниву», может быть, ради меня, а ещё и учитывая нужность этого журнала.

Что же касается моих амбиций и честолюбия – то это мне, полагаю, не присуще. Собственную линию в журнале я выдерживаю. В целом мне доверяют. Остальное можно пережить.

– Можно ли считать годы руководства «Нивой» вычеркнутыми из жизни поэта Гундарева? Не писалось или руки не доходили?

– Я просто не представляю, чем бы я занимался, если бы у меня не было «Нивы». Ведь поэзия, литературное творчество в целом всегда были своеобразным приложением к моей обычной жизни и деятельности, хотя и занимали в судьбе видное место. Я же не был поэтом в чистом виде, жил не только литературным трудом. И кто меня сегодня знает как поэта?

В общем, я не могу считать годы руководства «Нивой» вычеркнутыми из жизни поэта Гундарева. Да, в эти годы я стихов писал меньше, чем прежде. Но ведь и возраст подошёл, когда «лета к суровой прозе клонят». Не то что не писалось, просто времени не было. И потом: есть изречение, что хороший поэт в год должен писать не больше 10-12 стихов. Это меня утешало. Раньше я писал значительно больше. Потом стал писать меньше 10-12 в год, всего несколько. Следовательно, я – хороший поэт (шучу). К тому же всплески вдохновения у меня бывали и в минувшие годы. Приходит озарение и сейчас. К тому же я занимался документальной прозой, кроме того, переводил с казахского прозу – повести и рассказы. И потом – разве плохо, если поэт руководит журналом, именно литературным журналом, отдавая ему свои знания, опыт, умение, мастерство? О чём ещё мечтать в наше время? Слава Богу, что у меня получилось именно так. В молодости мне помогали, теперь я должен помогать другим.

– Какую пору (периоды) своей жизни считаешь лучшими и почему?

– Прошедшую жизнь я не делю на периоды. Они все взаимосвязаны, один перетекает в последующий. И всё прожитое является для меня единым, цельным лучшим периодом, надо ценить то, что было, поскольку впереди у меня практически ничего не осталось, а будущее для меня – это, извини, могила, смерть. А произойти это может в любой момент. «Любовь и смерть приходят навсегда» – есть у меня такая строчка...

– Самые грустные события твоей жизни...

– Самые грустные события моей жизни... Это, конечно, смерть отца и матери, близких, друзей. Я уже очень многих дорогих мне людей потерял. Невольно вспоминается чья-то строчка: «Наша жизнь – это музей, где висят портреты друзей»... Но довольно о печальном.

– Самые радостные...

– Радостных событий тоже было много в моей жизни. Это любовь. Рождение детей и внуков. Что касается творчества, то это первые опубликованные стихи, первая книга... Первый номер журнала «Нива». Достаточно?

– В чём, по-твоему, смысл жизни?

– В поисках ответа на вопрос «В чём смысл жизни» человечество бьётся не одно тысячелетие. Лучшие умы теряются в догадках. Если ответить примитивно, то смысл жизни в самой жизни, надо просто жить, радоваться каждому мгновению, но при этом не быть растением, а стремиться к чему-то важному, недостижимому, идеальному, делать добро другим людям, даже зная, что добро, как правило, наказуемо. Да, вспомнились собственные две строчки: «И хочется до сладких слёз любить, чтоб целый мир обрадовать любовью». Даже в этом.

– Твоё представление о счастье?

– У каждого своя формула счастья. Помнишь, в одном старом фильме прозвучала из уст подростка очень глубокая фраза: «Счастье – это когда тебя понимают». В этом особый смысл. Для меня счастье – заниматься любимым делом, любить самому и быть любимым. Всё это у меня есть. Так что я человек счастливый.

– Расскажи о семье, детях и внуках.

– Так, семья... Я дважды был женат. Дочь от первого брака – Ирина – родилась в сентябре 1963 года, окончила Ленинградский политехнический институт, инженер-механик, живет в Питере. Занимается художественной фотографией. Её сыну – моему первому внуку – Андрею 13 лет.

Вторая жена – Раиса, по профессии инженер-строитель. У нас с ней дочь Ассоль, 1968 года рождения, кандидат медицинских наук. У неё двое детей. Роману – 12 лет, Виталине – 3 года. Добавлю, я всегда был плохим мужем и плохим отцом.

– Давай не будем заниматься самобичеванием, лучше пойдём дальше. Близкие люди знают, что ты вспыльчив. Всегда был таким или жизнь испортила? Сильно ли мешает тебе это в жизни?

– Ты не можешь без каверзных вопросов... Отвечу как на духу. Да, по натуре я эмоциональный, импульсивный. Вспыльчивый, это верно. Пожалуй, всегда был таким. Могу легко взорваться, но отходчив и незлопамятен. Правда, после инфаркта я изменился, стал сдерживать свои эмоции, контролировать себя, относиться ко всему философски. Теперь мне это удастся, хотя изредка всё же срываюсь. Но не на работе. Я и в самом деле стал другим, более сдержанным и выдержанным. «Учитесь властвовать собой» – пожелание мудрых. Следовать ему трудно, но возможно.

– Не была ли ошибкой идея создания газеты «Столичный проспект»? Всё равно ведь никому ничего не доказал, а сколько сил и здоровья потерял....

– На создание газеты «Столичный проспект» я был вынужден пойти, чтобы сохранить «Ниву», поскольку уже тогда, в 1994 году, оказался в тисках серьезных финансовых проблем. Когда мне предложили взяться за выпуск газеты, я поставил условие: если основной учредитель возьмёт на себя и материальные заботы по журналу, на что получил согласие. Хотя на практике трудности с финансированием и газеты, и журнала продолжались, из-за чего летом 1998 года «Столичный проспект» пришлось закрыть. Но газета за четыре года свою роль сыграла – она была острой, принципиальной, многие люди обращались в «Столичный проспект» как в последнюю инстанцию. А это очень важно.

Я никому ничего не собирался доказывать, хотя действительно истратил много сил и здоровья. Но через газету я проводил и отстаивал собственную гражданскую позицию, свое видение актуальных проблем. Только в «Столичном проспекте» я мог опубликовать то, что считал необходимым, существенным. Хотя это мне и выходило боком. Зато голос мой был услышан.

– Кто твои друзья и почему?

– Много друзей не бывает... В дружбе мне повезло. Правда, мне всегда казалось, что друзья мне давали и делали для меня больше, чем я для них. Но тут уж ничего не поделаешь. Мой самый давний друг, так сказать, закадычный – это известный ныне тележурналист Дукеш Баимбетов. Мы с ним познакомились ещё в юности, в 1961 году, когда он работал диктором радио. И вот дружим уже свыше сорока лет. Это настоящая дружба, крепкая, выдержавшая все испытания. За эти годы у нас была всего одна размолвка. В молодые лета. Два больших друга у меня на родине – Михаил Рассказов и Леонид Гяммер. В начале семидесятых стал моим другом авиатор Николай Фёдоров (ныне он живет в Крыму, но ежегодно приезжает сюда). О нём у меня есть стихи «Восходящие потоки».

К прискорбию, некоторые мои друзья уже ушли в мир иной. Это журналисты Владимир Дроздов, Виталий Криницкий, Геннадий Терец, Борис Гавриленко. Из оставшихся надёжных друзей могу назвать и поэта Владимира Шестерикова, и тебя, Юрий Дмитриевич. Ещё мои друзья – журналисты Людмила Леева и Лариса Черезова. Это основной дружеский круг. Есть и много добрых приятелей.

А почему – сказать не могу. Не анализировал. Мне по душе крылатая фраза Михаила Светлова: «Дружба – понятие круглосуточное». Этому стремлюсь следовать.

– В твоих стихах с одинаковой пронзительной силой звучат как российские, так и казахстанские мотивы... Гундарев – русский поэт в Казахстане или казахстанский в России? Где теперь твоя родина?

– Сложный вопрос... И ответить на него не так-то просто. Казахстан для меня стал второй родиной. Но и без первой, подлинной, я не могу. Впрочем, об этом я написал в 1994 году:

*Могло ль в кошмарном сне присниться,
Что стало горькой явью дня:
Теперь Россия – за граница
Для россиянина меня.
«Да что же приключилось с сыном, –
Понять моя не может мать, –
Что иностранным гражданином
Ему втемяшилось вдруг стать?
Ведь не в Америку уехал –
А в том краю, что сердцу мил.
Неужто кто-то ради смеха
Такое людям учинил?»*

Нет, не постигнет разум здравый
 Враз изменившийся уклад, –
 Ведь суверенные державы
 Не ставят гражданам преград.
 А что у нас? – Единым махом
 Воздвигнут был водораздел.
 Теперь для омского казаха
 И Казахстан – иной предел.
 Теперь из каждого аула
 Иль отдалённого села
 Добраться легче до Стамбула,
 Чем до Кургана иль Орла.
 Ну разве было неизбежным
 Вполне обычное сейчас:
 Всё то, что в ближнем зарубежье, –
 Подальше дальнего для нас?
 А если вдруг проехать сможем
 Отсель в какой-нибудь Сургут,
 То рэкетирь из таможен
 Нас, будто липку, обдерут.
 Так вышло: я родился русским.
 И, значит, мне вменить в вину,
 Что вёл страну имперским курсом,
 Осваивая целину,
 (Пустив под Вологдой и Курском
 Деревни многие ко дну)?
 Гораздо всё сложнее и... проще:
 Мне одинаково нужны
 Сибирские леса и рощи,
 И даль ишимской стороны.
 И это – в сердце, в этом – счастье,
 Навеки соединено,
 Не разделить его на части, –
 Ведь сердце у меня одно.

Такой ответ тебя устраивает? И вообще – я не та фигура, чтобы гадать: русский ли я поэт в Казахстане или казахстанский в России.

– Как ты оцениваешь современный литературный процесс в Казахстане? Что радует в нём и что огорчает?

– Что касается современного литературного процесса в Казахстане, то я могу в какой-то степени судить лишь о русской литературе. И ничего утешительного сказать не могу. Во-первых, государству сегодня литература не нужна. Фактически это вещь в себе. Существует – хорошо. Нет её – тоже ладно. Для русской литературы есть Россия. И каждый русскоязычный поэт и прозаик варится в собственном соку. Издательское дело преимущественно стало частным. Из русских писателей остались те, что были раньше. Изредка они издаются. Мощного свежего притока нет. Об этом можно судить по «Ниве» и «Простору». (Кстати, «Простор» мне очень дорог, ведь в этом журнале я часто публиковался в прежние годы. Трудности, выпавшие на долю «Простора», я тоже принимаю близко к сердцу. Наши журналы не конкуренты, а собратья). Хотя изредка талантливые имена возникают. Правда, появилась возможность издавать книги за собственный счет или находить богатого спонсора. Талантливому поэту или прозаику в этом не везёт. В основном хлынул серый и мутный графоманский поток. В большинстве своём никакого отношения к истинной литературе эти книги не имеют.

Очень редко в «навозной куче» макулатуры появляются жемчужины. Хорошо, что они есть. Но этого мало для того, чтобы говорить об успешном развитии русской литературы в Казахстане. Об этом ты знаешь не хуже меня.

– Через твои руки проходит огромное количество графоманского творчества. Как ты со всем этим справляешься, не возникает ли отвращение к печатному слову?

– Конечно, раньше через мои руки проходило огромное количество графоманских изделий. Сейчас меньше, потому что эту обузу берут на себя в основном сотрудники журнала.

Редакция – своеобразная веялка. В одну сторону летит полова, мякина, шелуха, в другую – чистые зёрна. А отвращения к печатному слову нет. Я сочувствую каждому пишущему. В том числе и графоманам. Ведь они не виноваты в том, что природа обделила их талантом... Отвращение у меня к непечатному слову.

– «Поэт в России больше, чем поэт», – сказал когда-то Евтушенко. А кто сегодня поэт в Казахстане?

– Я думаю, что формула Евтушенко была справедливой и верной для того времени, для советского периода. Нынче ситуация совершенно иная. Теперь и в России поэт меньше, чем поэт. То же самое и у нас в Казахстане.

Кто у нас в республике... Не буду касаться казахских собратьев по перу... Да всё те же поэты, что и были: Валерий Михайлов, Юрий Грунин, Любовь Шашкова, Надежда Чернова, Валерий Антонов, Бахытжан Канапьянов, Владимир Шестериков, Виктор Семерьянов, Ольга Григорьева, Ольга Шиленко, Сагин-Пирей... Ещё с десяток фамилий можно перечислить. К сожалению, поэтическое слово ныне девальвировалось. Будем надеяться, что появятся новые яркие имена на литературном небосклоне.

Когда я читал его рукопись, она ещё хранила терпкий, резкий аромат табака... И мне легко было представить самого бородатого Гундарева в тёмных очках, внешне невозмутимого, ироничного, аппетитно посасывающего свою любимую трубку.

Наверное, я бы мог что-то добавить к сказанному им и от себя. Например, то, что он трудоголик, что у него паразитическое чутьё на талантливых людей, благодаря чему очень многие из них смогли публично заявить о себе со страниц «Нивы». Я бы мог припомнить о его привычках и некоторых чудачествах... Но я не буду этого делать: Владимир Романович исчерпывающе ответил на мои многочисленные вопросы, за что я ему благодарен.

Гундарев мог бы считать свою судьбу вполне удавшейся, даже если бы в ней «случилась» одна единственная «Деревенька», ставшая народной. А он ещё создал журнал, без которого нельзя представить сегодняшний литературный процесс в Казахстане. Чего всё это стоило – знает только он сам.

Журнал забирал все его силы. Лишь в прошлом году он опубликовал в «Ниве» (второй за десять лет) подборку своих стихов. Там было и такое четверостишие, которое можно считать жизненным кредо Гундарева:

*За счастье, за удачу,
За всё, что по плечу, –
Сполна плачú и плачу,
Плачу и плачú.*

Я от души желаю Владимиру Романовичу и его любимому детищу долгих лет жизни. А в том, что они будут плодотворными, я нисколько не сомневаюсь.

2002 г.

Вместо послесловия

Бывают в жизни встречи – как подарки судьбы. Именно такой стала для меня встреча с Владимиром Романовичем Гундаревым, когда он впервые приехал в Павлодар, чтобы организовать подписку на только созданный им журнал и предложил мне войти в состав его редколлегии. Было это в самом начале 90-х годов прошлого века.

Мы с ним ходили по присутственным местам, встречали нас по-разному, но стоило мне напомнить, что со мной автор той самой «Деревеньки», как лица у многих сразу расцветивались улыбками, и поддержка журналу была обеспечена.

Ю. Поминов, В. Гундарев на встрече с читателями в Павлодаре

Тогда же я признался Владимиру Романовичу в том, что много лет считал «Деревеньку» народной песней, потому что слышал её с раннего детства. Когда у нас дома собирались гости, и застолье достигало градуса, после которого душа требует песен, мой отец-фронтовик, начисто лишённый как голоса, так и какого бы то ни было певческого таланта, зычным голосом затягивал либо про трёх танкистов, «которые выпили по триста, а четвёртый выпил восемьсот», либо «деревня моя, деревенька-колхозница» (он пел именно так – «колхозница»)..

Пройдёт какое-то время, я напишу «Записки об отце», которые предназначались не для печати, а для семейного чтения, и дам их почитать В.Р. Гундареву, не особенно рассчитывая на сколько-нибудь значительный отзыв. И вдруг узнаю от него, что эти мои записки, казавшиеся мне сугубо личными, уже поставлены в очередной номер журнала. Я был к этому совершенно не готов и поражён словами В.Р. Гундарева о том, что я написал не только о своём отце, а в каком-то смысле обо всех наших отцах, не только победивших, но и, по счастью, уцелевших в той страшной войне.

С тех пор всё, что я писал и считал достойным журнальной публикации, отдавал только в «Ниву»: свои очерки и «Блёстки», рассказы и путевые заметки о поездках в США и Японию. Долго-долго подступался к «Хронике смутного времени» и, написав первую книгу, в больших сомнениях, не без душевного трепета передавал ему почти 800-страничный набор. Сказать,

что я переживал, – ничего не сказать... Я ведь знал – насколько он загружен и как бывает по-редакторски строг и даже безжалостен... Как он отнесётся к хронике событий конца восьмидесятых и начала девяностых, которых очень многим, наоборот, хочется забыть? Не покажутся ли ему эти записки малоинтересными и местечковыми? Владимир Романович не просто поддержал эту книгу, написал к ней доброжелательное предисловие, но и в течение трёх лет печатал в «Ниве» из номера в номер «Хронику смутного времени» – все три книги, а также благожелательные отзывы о ней. Что, впрочем, не мешало ему время от времени иронизировать надо мной: вот, мол, есть авторы и даже члены редколлегии, что килограммовые рукописи шлют, а подписку на «Ниву» в своей области проваливают... Мы уже договорились о публикации очередной четвёртой книги, начинающая с первого номера «Нивы» в 2013 году. К первому сентября я собирался отправить ему набор, а 25 августа его не стало...

Я потерял одного из самых близких и дорогих людей. Он был мне не только другом, счастливо обрётённым в годы, когда друзей обычно уже не заводят, не только собратом по перу и по мироощущению, но и, без преувеличения, старшим братом. Он нередко бывал у меня в доме, его знали и любили мои близкие; а я бывал в его доме и на его знаменитой даче (пока она была ещё цела), где он ночевал с весны до осени каждое лето... А уж в «Ниве» – и вовсе бесчисленное множество раз – по всем её четырем адресам...

Помню удивительную атмосферу «Нивы» первых лет и её первых сотрудников: милую интеллигентную Людмилу Григорьевну Помыткину – ответсекретаря, заведующего отделом публицистики – скромного немногословного Александра Ивановича Шафоростова; распространителя журнала, ведающего также всеми его хозяйственными делами, бывшего авиатора Фёдорова (имя-отчество, к сожалению, запамятовал); секретаря редакции – обаятельнейшую Раису Александровну... Друзей журнала, «штатников» и нештатников – Валерия Гука и Людмилу Лееву из «Акмолинской правды», Владимира Ивановича Бойко из пресс-службы сначала городского акимата, а затем Сената Парламента... Часто заглядывали на огонёк один из первых учителей В.Р. Гундарева «вечный» Моисей Михайлович Гольдберг и друг Владимира Романовича ещё целинной поры известный казахстанский журналист Дукеш Баимбетов... В «Ниве» и издающейся в ту пору при ней газете начинал юный Дима Глухих – ныне авторитетный работник пресс-службы правительства... Кого только тогда, да и потом в редакции не бывало! А «основоположники» буквально горели своим новым большим делом. В редакции всегда стоял дым коромыслом – и в переносном, и в прямом смысле – от всегдашней редакторской трубки. Сам Владимир Романович говорил, что он проповедует в редакции «режим демократической диктатуры»...

Меня уже во время нашей первой встречи он приятно удивил открытостью, искренностью, деликатностью и ещё какой-то, если можно так сказать, непорочностью... Он ведь уже тогда был известный поэт, сложился как личность и вполне мог заниматься своими литературными делами. Но он даже свою любимую поэзию оставил почти на целое десятилетие и всё своё время посвящал только журналу...

Первые годы существовала традиция – отмечать дружеским застольем каждую годовщину журнала. И я тоже на них бывал. Праздновали скромно, но весело: складчину, говорили тосты, танцевали и пели, общались – это было настоящее пиршество духа... Тогда же родилась шутка: «Пасха... Скоро Поминов приедет...». Или – наоборот: «Поминов приехал... Скоро Пасха...». Это потому, что день рождения «Нивы» часто совпадал с главным православным праздником...

Мало кто знает – каких трудов стоила «Нива» её создателю и главному редактору. Если желающих печататься в ней было хоть отбавляй, то денег на издание (за исключением недолгого времени, когда журнал находился под «крышей» «Казахстанской правды») постоянно не хватало. Подписка покрывала лишь часть издательских расходов, госзаказа даже в последние годы хватало в лучшем случае на полгода, а спонсоров было не так уж много. Нередко журнал месяцами печатался в долг, под честное слово редактора, а зарплату он, случалось, своим немногочисленным сотрудникам платил из... собственной пенсии, возвращая личные потери (не всегда в полном объёме), когда деньги у журнала появлялись. Финансовые проблемы отравляли ему существование, были вечной головной болью и добивали его и без того не слишком здоровое сердце, которое в конце концов не выдержало... Хотя были, конечно, и другие жизненные коллизии, не добавлявшие оптимизма, душевного и физического здоровья.

И, тем не менее, я не погрешу против истины, если скажу, что те двадцать лет, что Владимир Романович отдал «Ниве», были едва ли не лучшей порой его жизни. Журнал, его любимое детище, приобрёл не только всеказахстанскую, но и российскую, а с созданием его электронной версии – мировую известность, его читателями стали тысячи людей в десятках стран. «Нива» была удостоена мировых наград за качество, получать которые В.Р. Гундарев ездил в Париж, Нью-Йорк, Лондон. Это он – мальчик из глухой сибирской деревни, начинавший свою трудовую биографию прицепщиком... О своей малой родине он, кстати, никогда не забывал и ездил туда при любой возможности, почти каждый год.

Редактор «Нивы» все эти годы был, пожалуй, едва ли не главным собирателем литературных сил в Казахстане, месяц за месяцем, год за годом формировал своим журналом, который он нёс по жизни, как крест, новый культурный слой людей...

Его заслуги признаны не только в Казахстане, где «русский сын казахского народа» был награждён орденом «Курмет» и пятью медалями, республиканской премией имени Павла Васильева и другими литературными наградами, но и в России, отметившей его медалью Пушкина (чем он очень гордился). Он также был членом-корреспондентом Российской академии поэзии.

Но, может, самое главное то, что в последние годы мы вновь услышали голос поэта Владимира Гундарева. У него как будто второе дыхание открылось: одна за другой стали выходить книги – «Я живу на планете любви», «Свет родины, свет любви», «Душа стремится к небесам», «Без пяти двенадцать»... Поэзия его обрела мудрость и глубину, но в ней была и такая свежесть чувств, которой могли молодые позавидовать.

Много времени и сил он отдавал переводам – с казахского, украинского, туркменского... И его переводили – на казахский, украинский, немецкий, корейский, словацкий, французский, испанский, португальский...

Он всегда много работал, никогда не признавал выходных. Один из самых близких его друзей Александр Юрьевич Тараков вспоминал, как они познакомились. Дело было в Наурыз, и он засомневался – стоит ли беспокоить человека в праздник? «Да Романыч всегда на работе!» – успокоили его. Так и оказалось: для В.Р. Гундарева не существовало в этом смысле ни выходных, ни праздников. В такие дни ему, наоборот, лучше работалось – меньше отвлекали...

Нельзя не сказать и о том, что Владимир Романович был жёстким и последовательным поборником чистоты русского языка. Это подтверждают и строки его последнего поэтического сборника. Я знаю, как он решительно возвращал авторам «Нивы» тексты, где вместо буквы «ё» была «е», заявляя: «Не знаю, как вы, а мы букву «ё» давно реабилитировали!».

Сейчас, когда я пишу эти строки, прошло уже много дней со времени кончины Владимира Романовича. И не было ни одного дня, чтобы я не вспоминал о нём...

Когда-то, находясь несколько дней в Павлодаре, он написал и подарил мне шуточные как будто стихи:

*Помни, Поминов, меня
И в жару, и в злую стужу,
И когда я занедужу,
Не виня и не кляня,
Помни, Поминов, меня.
Помни, Поминов, меня.
И когда я стопку выпью,
Крикну лебедем или выпью
На заре ль, к исходу дня –
Помни, Поминов, меня!
Помни, Поминов, меня!
И когда уйду я – тоже.
(Все в твоей мы власти Боже!) –
Память о былом храня,
Помни, Поминов, меня!*

Помню тебя, Владимир Романович, и всегда буду помнить... И уверен, буду помнить не только я...

Юрий ПОМИНОВ

г. Павлодар.

Годы счастливого творчества

Прошёл год, как не стало талантливого поэта и публициста, редактора, коллеги и друга, моего земляка Владимира Романовича Гундарева. Целый год, а я, в связи с этой утратой, по сей день не могу настроиться писать рассказы на том уровне, на котором создавал их для редакции журнала «Нива».

Последняя наша встреча с Владимиром Романовичем состоялась в конце января 2011 года. Накануне Володя, как я его называл, прислал письмо, в котором сообщил: «Моя младшая сестра Наташа живёт в Новосибирске, 23 января у неё юбилей – 55 лет, и возможно, если даст бог, я приеду в Новосибирск. Её телефон... Вдруг встретимся».

Конечно, я его разыскал по телефону, а мой друг-земляк по Петропавловке Краснозёрского района Иван Михайлович Гридин на своей машине доставил его ко мне домой в дачный посёлок Кудряшовский, что в бору на побережье Оби, в восьми километрах от Новосибирска. Встреча незабываемая. Мы крепко пожали друг другу руки, обнялись. Первое, что он сказал: «Мне везёт на встречи с интересными людьми. Пока мы сюда ехали, я узнал о нелёгкой судьбе твоего друга Ивана Михайловича. Сирота, детдом, но всё преодолел, получил высшее образование. Вырос до руководителя областного масштаба, молодец, Михалыч!»

Во время застолья мы беседовали на разные темы. Меня, как человека, который в Казахстане получил высшее образование (КазГУ), проработал в кокчетавской областной газете «Степной маяк» всю трудовую жизнь, интересовали многие вопросы по современной республике, и я на них получил ответы. Он поблагодарил меня и моего брата, поэта Геннадия Лысенко, за присланные в редакцию «Нивы» рассказы и стихи – они все опубликованы.

Было видно, что Романович рад пребыванию в Сибири, где он родился, учился в школе. В то же время сетовал на то, что сёла обойдены вниманием государства.

– Володя, как ты оказался в Казахстане? – спросил я его.

– О, это особая статья, – ответил он. – Я был великий романтик. Когда начиналась целина, мне исполнилось всего шестнадцать, так я два года приписал и смог получить путёвку комсомола. К тому времени уже занимался творчеством, в Целинограде меня приняли на радио редактором молодёжных передач. Всё было не просто, достаточно сказать, что поначалу жил в вагоне пригородной станции.

А теперь художественная часть, – объявил я и поставил кассету с записью моей передачи по радио «Слово» – депутатский канал в Новосибирске под рубрикой «Антология советской песни», где речь идёт об истории создания шедевра «Деревенька». Такую же плёнку с записью этой передачи я ему посылал в Астану, тем не менее он слушал очень внимательно и по окончании сказал:

– Спасибо, дорогой!

Потом я поставил другую кассету, с записью передачи местного радио в Кудряшах, вели мы её с журналисткой Татьяной Лопатовой. Это для него было сюрпризом и растрогало до слёз.

В Сибири не многие знают, что автор слов песни «Деревенька» в исполнении Ольги Воронец Владимир Гундарев. Композитора Николая Кудрина по радио называли всегда, а Гундарева нет. Мне хотелось хотя бы частично устранить этот пробел. И несколько удалось, по радио «Слово» передача прошла шесть раз, материал опубликован в двух областных и одной районной газетах. После стало звучать и имя автора слов.

О том, что Владимир Гундарев будет в Новосибирске, я сообщил замечательному радиожурналисту, любящему поэзию Петру Ивановичу Матвееву, посоветовал ему взять интервью. Пётр Иванович постарался и записал почти полностью выступление поэта в Новосибирском аграрном университете и всё пошло в эфир. Великолепно звучали в его исполнении стихи о Родине, нелёгкой судьбе современного села, в защиту чистого русского языка, о любви. После передачи пошли письма на радио «Слово» с вопросом: «Где приобрести сборники стихов Гундарева?». Позже по телефону я сказал ему об этом, на что он ответил: «Практически это невозможно».

Если я не ошибаюсь, в Казахстане издано около трёх десятков сборников стихов и прозы, в Сибири ни одного, хотя родом он из Кыштовского района, Новосибирской области. Кроме «Деревеньки» есть ещё песни о Сибири на его слова, которые записаны в исполнении самых разных артистов, в том числе и хоров. Они часто звучат по радио, нередко по заявкам слушателей.

В передаче по радио я сказал, что мы знакомы со времени выхода в свет первого номера журнала «Нива». Однако Владимир Романович поправил меня. И действительно, я ошибся. Дело в том, что когда был Целинный край, в Целинограде создали отделение Союза писателей Казахстана, был подъём в культуре и искусстве, в творчестве литераторов. Проводилось много мероприятий творческого плана. Я вспомнил о семинаре молодых очеркистов, на который был приглашён известный журналист из Москвы Величко. Я, начинающий журналист, был участником семинара, а Гундарев, как консультант отделения Союза писателей, вместе с секретарём Дубицким занимался организационной работой. Позже я стал руководителем литобъединения в Кокчетаве и наше общение уже не прерывалось. Став редактором нового журнала «Нива», он ввёл меня в состав редколлегии. Свою главную задачу я видел в поисках произведений для этого издания, в выявлении молодых талантов. Нельзя не рассказать об одном из случаев того времени.

В редакции кокчетавской областной газеты «Степной маяк» работал опытный журналист Константин Покачалов. Он часто публиковал фельетоны, которые имели большое звучание, находили отклик общественности. Однажды он приносит мне несколько глав сатирической повести «В городе Почечуеве». Прототипом главного героя, дельца высокого полёта был крупный партийный работник, который легко угадывался по портрету, манерам и т. д. Его имя было у людей на устах. «Повесть интересная, злая, но никто не возьмёт на себя смелость напечатать её, слишком откровенный намёк», – сказал я ему. Попробуй послать её в редакцию журнала «Нива». Сказал я это, пожалуй, больше для приличия. И что удивительно, вскоре от Гундарева звонок. Он спросил об авторе, а потом дал положительную оценку произведению и сказал, что в ближайших номерах её напечатают в «Ниве». В то время это было очень смелое решение. Это, а также в других ситуациях была видна принципиальность журналиста и подкупала его искренность. С ним могли работать только люди честные и правдивые.

Порой принципиальность Владимира Романовича доходила до смешного. Однажды он позвонил мне из Астаны и сказал, что поедет в Сибирь на свадьбу племянницы, в такое-то время будет небольшая остановка в Кокчетаве, я обрадовался, дал согласие. Но не с пустыми же руками встретить его! После раздумий я купил бутылку водки и лучшую в магазине колбасу – подарок на свадьбу. Кстати, тогда была нехватка этого. Но так случилось, что в это же время я, как заместитель редактора областной газеты «Степной маяк», должен быть на совещании у секретаря обкома партии. Дисциплина строгая, не явиться нельзя. Что делать? Я уговорил своего коллегу, автора сатирической повести Константина

Филипповича Покачалова встретить Гундарева, всё объяснить и передать подарок на свадьбу. Филиппыч согласился. Когда он вернулся, то рассказал следующее. Выслушав моего посланца, почему я не приехал, Владимир посетовал, а в отношении водки с колбасой сказал:

– Вы что придумали, это же взятка! Нет не возьму.

Тогда Константин Филиппович вручил ему мою записку, где сказано, что передаю подарок к свадьбе, моим землякам-сибирякам. Прочитал он её и после раздумий сказал:

– Ну коли так! – и увёз подарок в Сибирь.

Широкий кругозор, большая эрудиция, высокая работоспособность позволили ему как редактору издавать журнал, где произведения высокого пилотажа. Я в него поверил как редактора и стал предлагать свои рассказы. Главное его достоинство, как и Райхан Бегембетовой, сохранить стиль автора. Опубликовано в «Ниве» более десяти моих произведений, а небольших правок в рукописях всего три или четыре. Ни один из моих рассказов не пошёл в корзину. После публикаций хотелось работать больше, лучше.

Несколько раз мне пришлось звонить в редакцию «Нивы» в субботу и воскресенье, что удивительно, Романович всегда был на рабочем месте.

Безусловно, Владимир Гундарев стал известен в Советском Союзе как автор слов песни «Деревенька». Но сколько у него замечательных, берущих за душу стихов. Он мне подарил два сборника, один из которых называется «Я живу на планете Любви» с надписью: *«Дважды земляку – по Казахстану и Сибири – Анатолию Фёдоровичу Лысенко с признательностью за дружеское отношение и с сердечными пожеланиями всего самого доброго и светлого на жизненном пути. 24.03.2009. Астана»*. И подпись.

Когда я стал читать стихи в этом сборнике, мне показалось, что поэт описал мои чувства, мои размышления о жизни, его слова глубоко проникли в мою душу, коснулись сердца. Радость, тревога, печаль и оптимизм в каждой строчке, какое надо иметь сердце, чтобы это переживать, носить в себе, чтобы это описать. Он не терпел фальши, выпренности. Таким был и в жизни.

После каждого общения с этим человеком наступало какое-то озарение. Были годы счастливого творчества. У меня сохранились два его письма, которые я и предлагаю читателям.

«Дорогой Анатолий Фёдорович!

Приветствую тебя!

Сегодня утром (24 марта) позвонил твой посланец из Новосибирска, должен заехать за журналом с твоими рассказами, а буквально через час с почты принесли твоё письмо с кассетой. Видишь, какое удивительное совпадение!

Спасибо тебе за кассету и неустанную дружескую пропаганду «Деревеньки».

Рад, что ты активен и деятелен, востребованность – это прекрасно. Продолжай и впредь торить свою лыжню.

Мы живём в делах и заботах. С проблемами. Из-за проклятого кризиса министерство культуры и информации в этом году запланировало «Ниве» в два раза меньше средств, чем выделило в прошлом году. Вот и ломай голову, как выкрутиться в такой ситуации. В апреле министерство проводит тендер на госзаказ, а деньги начнут поступать только в конце мая. До этого приходится терпеть, затянув ремень, ладно что типография журнал печатает в долг.

Такие-то дела. Единственно, чего с избытком, так это рукописей.

Да, Анатолий Фёдорович, у меня в Новосибирске есть большой кыштовский друг – Леонгард Кузьмич Гяммер (эстонец). Сейчас он живёт в городке аграрного университета.

Вдруг при случае позвонишь ему. Вдруг встретитесь. Он тоже заядлый рыбак и замечательный человек. Только сильно занятый.

Привет тебе от Райхан.

Обнимаю, дорогой Анатолий Фёдорович!

Будь здоров и крепок!

Творческих радостей!

В. Гундарев. Астана».

А вот ещё одно письмо.

«Дорогой Анатолий Фёдорович!

Сердечно приветствую дважды земляка (как сибиряка и казахстанца), поздравляю с наступившим Новым годом за номером 2011 и шлю наилучшие пожелания крепкого, как выдержанный коньяк или кубинский ром, или кавказская чача, или наш сибирский самогон-первач, здоровья, приподнятого настроения на все 365 дней, счастья, семейного достатка, новых творческих радостей и достижений, удачной рыбалки во все времена года и всего самого доброго в любую погоду, а также исполнения всех желаний, чаяний и надежд!

С 15 по 19 декабря я был в Москве: федеральное агентство Россотрудничества при министерстве иностранных дел России праздновало 85-летие, и я был приглашён от Казахстана в числе представителей 73 стран мира.

Остался очень доволен поездкой.

В частности, довелось пообщаться с Валентиной Терешковой.

Всего доброго, дорогой Анатолий Фёдорович!

Наилучшие пожелания вашей семье!

Ваш Вл. Гундарев. 28.12.2010».

Трудно поверить, что Владимира Романовича, Володи больше нет, но это так. Писал я эти воспоминания, а в горле комок, слёзы накатывали. Но такова жизнь.

Анатолий ЛЫСЕНКО

г. Новосибирск.

Камертон искренности

Начну с факта формально постороннего. В 1997 году меня одарил своим визитом всемирно известный поэт, общение с которым продолжалось более трёх часов. Встреча меня глубоко огорчила. Поэт вдруг объявил, что собирается полностью переделать свою старую поэму о юношеских годах В. И. Ленина и придать ей противоположный смысл.

– Зачем? – удивился я. – Если у вас изменились взгляды на личность пролетарского вождя, то напишите новую поэму. А старая – пусть она останется памятником вашей молодости, романтических порывов. Вы ведь не писали поэму из-под палки. Чего же стыдиться?

Почему я вспомнил этот эпизод? Сработал закон ассоциативной контрастности. Подобный разговор у меня никак не мог бы состояться с Владимиром Романовичем Гундаревым, чья книга избранных стихов под названием «Исповедь сердца» вышла в Астане накануне его 60-летия.

Он никогда не правил свои стихи в угоду изменяющимся временам. Обострялись условия жизни, менялась политика, но не менялось стремление поэта воспитывать в своих читателях благородство человеческого духа. Поэтому во всех сборниках Гундарева, в том числе и в последнем, мы найдём старые неисправленные стихи и о революции, и о целине, и о покорителях космоса, и ещё о многом, что нынче кажется немодным.

Владимира Гундарева я сначала услышал, а потом уже увидел. Это было давно, в середине шестидесятых годов, когда ему едва перевалило за двадцать. Я услышал его голос в какой-то передаче Целиноградского радио: молодой поэт ершисто и напористо «наскакивал» на местных художников, в частности – на талантливого Василия Кучеровского, требуя, чтобы тот не поддавался влиянию московских абстракционистов и оставался верен классическим традициям... И вот много лет спустя Владимир Романович мне сказал:

– Если увидите в Петербурге Кучеровского, передайте ему мои извинения. Я тогда был неправ.

– И мы были неправы, – отреагировал на мою посольскую миссию Кучеровский. – Уж больно зарвались... Я тоже прошу передать Гундареву мои извинения.

Вот такой получился «курбет».

А теперь позволю себе сделать некий вывод из этой истории – он имеет непосредственное отношение к тематике и стилю многолетнего поэтического творчества Владимира Романовича. Слишком часто мы спешим обвинить в конъюнктуре человека, чьи взгляды совпадают с официальными постулатами правительственных органов. Ну а если правительство призывает к защите Отечества в момент нападения врага и ты мгновенно откликаешься на этот призыв, то ты кто – конъюнктурщик или патриот? Да, при советской власти развелось великое множество стихотворцев, набивших руку на дежурных стихах ко всякому официальному празднику и к выходу в свет очередного партийного постановления. Но были и подлинные поэты, которые мучительно пытались совместить чувство родины и чувство государства. Не с конъюнктурной целью. А с целью реализовать в

действительности те перевозданные основы морали, которые были запечатлены в официальных документах, но, увы, оставались пустой бумажкой. Талантливые романтические стихи не лгали – они заражали удивительным подтекстом: такого в жизни нет, но такое должно быть! Так Иван Пырьев снимал своих «Кубанских казаков», которые выжили, несмотря на яростные атаки любителей натурализма. И комбайны, плывущие в стихах Гундарева, как гриновские бригадины под огромным алым парусом зари, не просто поэтизируют трудовые целинные будни, а способствуют развитию творческих способностей рядового читателя.

И получается, что в шестидесятые годы «консерватор» Гундарев и «прогрессивные» художники лишь формально стояли по разные стороны баррикад, – на самом деле и те и другие не хотели, чтобы искусство утратило свою живую душу. Только художники видели спасение в решительном отходе от академических форм творчества, а Гундарев – во фронтальном оживлении лучших классических традиций, когда искусство достигло апогея в романтико-реалистическом изображении жизни. Ведь существовал же когда-то термин, который ныне прочно забыт: романтический реализм. Потом ему придали политический оттенок – социалистический реализм.

О том, что ещё в шестидесятые годы характер Гундарева отличала независимость (в том числе от партийных догм), свидетельствует его замечательная «Баллада о сердце». В те времена не принято было афишировать научные и социальные достижения капиталистических стран. И вдруг появляются официальные сообщения о том, что в африканском городе Кейптауне врач Кристиан Бернард впервые в мире осуществил трансплантацию человеческого сердца. Это произошло не у нас, а у них! Официальные сообщения зафиксировали лишь факт, но истина могла родиться только в художественном произведении. Двадцатитрёхлетний молодой человек предстал перед читателями не только как сформировавшийся оригинальный поэт, но и как мыслитель, пытающийся соединить в единое целое моральные законы вселенной, которые как скала возвышаются над всеми формами классовой борьбы. Экономными средствами, но с необычайно драматическим подъёмом он создаёт развёрнутую метафору:

Каждой каплей крови и пота
Я борюсь против зол и бед.
И страдает моя аорта
За страдающий белый свет.
И от боли такой – взглядеться –
Степи вздрагивают вдали –
Это бьётся больное сердце
Воспалённой моей земли,
Словно мчится лавиной конница,
Отбивая смертельный такт.
У планеты – давно бессонница,
У двадцатого века – инфаркт.
Шар земной – ты большая станция,
Ты встречаешь и день, и ночь.
Как нужна тебе трансплантация,
Срочно нужно тебе помочь.

Баллада воспринимается так, как будто она написана сегодня, а не тридцать семь лет тому назад. Тридцать семь лет! Целая пушкинская

жизнь! А мир по-прежнему в состоянии гнетущей смертельной опасности – может быть, даже большей, чем прежде. По крайней мере, тогда мы не слышали о терактах.

Я думаю, что источник нравственной бдительности Владимира Гундарева кроется прежде всего в его неотрывности от русских крестьянских корней, от того уклада народной жизни, который не разграничивает добро и правду и который формирует в человеке трудолюбие, честь, достоинство и стремление жить по совести.

И понятно, почему одно из стихотворений Гундарева – «Деревенка моя» превратилось в русскую народную песню.

Деревенские стихи Гундарева ощутимо греют душу тем единством целей, идеалов, которое было свойственно лучшим поэтам XIX века. Поэт устремлён сердцем, как говорится, к каждой былинке, а творения рук человеческих таят в себе дух создателей. Поэтому старый деревенский дом у Гундарева уподоблен старику на завалинке, который задумчиво смотрит вдаль и которому потом снится сон, где он молод и наполнен жизнью... В целом это своеобразная реминисценция стихотворения А. Толстого «Пустой дом». Не забыли? Стоит опустелый дом, на окнах разбитых играет луна, никому он не нужен, потомуки забыли свой доблестный род, но дом помнит их и ждёт... Неважно, вспоминали ли Гундарев А. Толстого, когда писал свой «Старый дом». Здесь важна стихийная переключка поэтов двух разных веков, поэтов, хорошо знающих, что в каждой вещи, созданной человеком, есть неразгаданная тайна. Это обусловлено не поверьем, а народной эстетикой. Дом, где живёт человек, – это тоже живое существо. Вспомните, как у Валентина Распутина в «Прощании с Матёрой» Дарья берётся мыть, белить и красить свою избу перед тем, как её сожгут бездушные люди. «Не обмыв, не обрядив во всё лучшее, что только есть у него, покойника в гроб не кладут – так принято. А как можно отдать на смерть родную избу, из которой выносили отца и мать, деда и бабу, в которой сама она прожила всю без малого жизнь, отказав ей в том же обряденье?» Вот и Гундарев воспринимает старый дом, обречённый на смерть, не глазами хозяйственника, а всем существом своей духовности, которая не расплющилась под молотом материализма.

Мы живём в эпоху сплошной модернизации: переаранжируются на современный лад старинные партитуры, перекраивается драматургия Островского и Чехова, а стихотворные опусы постмодернистов вообще уничтожают поэзию как таковую. Гундарев же поступает наоборот: модерну XX века придает черты милой русской архаичности.

Данная статья – не рецензия в прямом смысле на книгу «Исповедь сердца». Книга была лишь поводом, чтобы в канун 60-летия поэта позволить себе поразмыслить над некоторыми его стихами разных лет, где каждая строка – камертон исповедальной искренности. И, восхитившись поэтическим эпилогом книги, где глубоко интимные чувства любви к женщине совмещаются с философской ёмкостью осознания нашего общего грустного и радостного бытия, опять-таки позволить себе не согласиться с самой последней строкой: «Вот и завершается дорога...».

2004 г.

Наум ШАФЕР

Нет счастья и побед без сердца и любви

Эскиз поэтического творчества Владимира Романовича Гундарева

Человек множества позитивных достоинств, Владимир Романович Гундарев вот уже полных три десятилетия мне, полагаю, отменно ведом как видный казахстано-российский литератор и журналист, активный общественный деятель, неутомимый сеятель «разумного и вечного» et cetera.

Вот и с первого листа его однотомного «Избранного», увидевшего свет стараниями астанинского издательства «Аударма» («Перевод»), смотрит нам в глаза знакомый фотолик осанистого сибиряка с высоким Сократовским лбом, аккуратной бородой под Руаля Амундсена (знаменитого в первой четверти, увы, уже безвозвратно минувшего XX века норвежского исследователя крайних северных и южных земных широт) и с невольно вызывающей уже иные исторические и прочие аллюзии неизменно-мудрой курительной трубкой, привычно зажатой у широкой груди в левой, чуть на отлёте, крепкой деснице.

Краткая аннотация следом и ёмкая биографическая справка «Об авторе» на закрытии тома окончательно удостоверяют: да, это снова он, собственной персоной – тот самый Гундарев, который «... родился в 1944 году в селе Большережье Кыштовского района Новосибирской области Российской Федерации. Трудовую деятельность начал в 1959 году прицепщиком на тракторе... С 1961 года – в Казахстане... Три года служил в рядах Советской Армии... Член Союза журналистов СССР (Казахстана) с 1963 года, Член Союза писателей СССР (Казахстана) с 1978 года. Лауреат республиканской премии имени Павла Васильева... Автор свыше двадцати поэтических и художественно-документальных книг...».

Однако по представленным в «Исповеди» фрагментам из его прежних поэтических сборников автора – «Деревня моя деревянная» (1973), «Зимопись» (1976), «Светлынь-река» (1980), «Продолжение жизни» (1987), «Ветка молнии» (1994), по стихам из российского сборника «Свет Родины, свет любви» (2003) и алматинской книги «Я живу на планете Любви» (2003), а также по заграничным циклам первых лет XXI века – южнокорейского и японского (2002-2003) – Гундарев вновь узнаётся только лишь в своей стихотворной ипостаси.

Но отнюдь не как вдумчивый прозаик, как талантливый переводчик, хотя и его переводы в «Избранном» тоже представлены как с казахского языка, так и с украинского в купе с туркменским.

К сожалению, нет и следа в этой книге от Гундарева-публициста, темпераментного, остроумного и принципиального; от вдумчивого политолога с несомненным даром точного прогнозиста и, когда надо, язвительного сатирика-антиконформиста, способного, говоря терминологией нашего великого юго-восточного соседа, прицельно и чувствительно ударить по штабам, как это уже бывало не раз и не два.

Да, жаль, очень жаль, что из-за нынешней жёсткой (точнее, немилосердно жестокой) издательской погоды (практики) для читателей Третьего тысячелетия осталось за кадром (а точнее сказать – за бортом) «Избранного» всё лучшее, что было в XX веке в предыдущих разножанровых книгах Гундарева – «Какого цвета поле», «Семь дней и вся жизнь», «Жизнь на светлой земле», «Медовый месяц при полной луне» и т. д. Суммарное же число его публикаций, по данным Книжной палаты и каталогам Национальной библиотеки РК, уже давно перевалило за 1000.

Гундарев как поэт, с самых юных лет познавший горе-радость крестьянского труда, по-своему открыл (и раскрыл!) тяжкую долю и несравненную красоту

этого труда, оказался одним из тех редкостных в Большой Литературе людей, у кого в ней фактически не было периода школярства.

Поверяя алгеброй беспристрастной критики экспрессивную гармонию многозначного стиха Гундарева, обнаруживаешь спокойный авторский огляд и на Вергилия с его «Поэмой о земледелии», на Роберта Бёрнса («Два пастуха», «Джон Ячменное Зерно»), Николая Клюева («Сосен перезвон», «Песнослов», «Изба и поле»), Романа Роллана («Кола Брюньон»), Александра Твардовского («Страна Муравия»), а о поэзии Николая Некрасова, Алексея Кольцова, Сергея Есенина уже не говорю. И всё это вовсе не какие-то реминесценции-перепевы, а самая добротная опора мировоззренческому самочувствию нашего поэта, по духу своему смолоду истинно народного.

Становится очевидной плотная насыщенность почти всех стихотворений «Исповеди сердца» одним и тем же светлым и трепетным чувством. Убеждаешься, что почти все они составляют собою живой поэтический путеводитель по необъятной стране, чьё имя, опять-таки тоже велико и необъятно – Любовь. «Пусть тепели давно / для меня соловьи / И кукушки уже / не считают года мне. / Все равно я живу / на планете Любви – Вопреки предсказаниям / и разным гада- ньям» (с. 237).

Арсенал средств художественного выражения при этом у автора классичес- ки традиционен. Фактура его стиха всегда прозрачна. Исключительно благо- звучны её интонационно-речевые конструкции. Они богаты тонкими аллите- рациями, ёмкими аллегориями, поэтическими тропами, меткими эпитетами. Ничего из ультрамодерновых выкрутасов. Никакого заумного экспериментаторс- тва и эстрадного циркачества. Редкостное для нашего времени, катастрофичес- ки безалаберного в языковой культуре, высокое и тонкое ощущение Слова.

Тем и силён этот арсенал. Как был он всегда мощен у Ярослава Смелякова и Сергея Маркова, Дмитрия Снегина и Леонида Кривощёкова, Булата Окуджавы и Константина Ваншенкина, Валерия Антонова и Александра Матвеева, Надеж- ды Черновой и Ольги Шиленко, Татьяны Фроловской и Бахыта Каирбекова...

Славна эта ныне весьма поредевшая когорта бескорыстных служителей Парнаса. Далеко не все Твардовские, Снегины, Шуховы дожили до сногшиба- тельно-фантастических чудес последнего десятилетия XX века. Но тот из них, кто вступил в третье Тысячелетие, не поменял своей нравственной валентнос- ти, как это быстро произошло с сонмом хамелеонистых особей, ещё вчера усер- дно варьировавших на все лады расхожий идеологический тезис минувшей эры: «Прошла зима, настало лето – спасибо Партии за это».

И Гундарев тоже остался верен прежнему мировоззренческому компасу, не лёг на обманный курс покупно-продажной нравственности. Он и 40 лет назад, и сейчас – по творчеству и по жизни человек, для которого литература – не служба, а честное – служение. И не каким-либо прозрачным целям, а духовным макси- мам самой жизни.

Самая главная философия и кардинальная устремлённость творчества Гун- дарева – не разъединять, а спасать и объединять людские души, не лезть в них в обработанных креозотом сапогах, а будить в душах полузабытые в клинической горячке необуржуазных перемен самые обычные и всегда прекрасные человече- ские чувства, пошире раскрывать людям глаза на то, чем теперь, после массы сокрушительных обвалов и невозполнимых потерь, памятуя, что «даже долгая жизнь всё равно коротка», надобно особенно дорожить.

Поговорим о другом поприще В.Р. Гундарева. Газета «Столичный про- спект», независимая, совершенно бесконъюнктурная газета, основанная и затем почти пять лет издаваемая Гундаревым, по праву считалась истинно народной и одной из самых популярных не только в Казахстане. Но кому-то (да, кому?) она крепко не импонировала, и потому всё обустроилось так, что

«Столичный проспект» приказал долго жить. А когда (уже без Гундарева) «Проект» чудесным образом воскрес, то это уже было совсем нечто иное.

А созданный буквально с нуля Гундаревым в 1990 году литературно-художественный и общественно-политический журнал «Нива»! История его становления – это же неповторимая ни в каких обстоятельствах и лицах детективно-драматическая эпопея!

Ныне вспоминая об этом и ещё о многом другом, сопутствующем творческому становлению журнала (а всё было крайне сложно и трудно), вновь испытываю светлую радость за то, что в океане безответственной эйфорической демагогии и в невероятных тисках первобытного капитализма это издание с самого первого своего номера не бросало своего Слова на ветер приспособленчества и вспыхнувшей повсеместно эпидемии агрессивной пошлятины и отъявленной конъюнктуры. С той поры страницы «Нивы» подарили просвещённой аудитории свыше пятиста не просто новых, а новейших литературных имён – русских, казахских, белорусских, украинских, уйгурских, немецких, корейских, еврейских, польских, чеченских, удмуртских...

Гундарев в творчестве и жизни действует под справедливым и верным девизом, провозглашённым ещё в XV веке Святым Человеком: «Если не я, то кто же?».

Любая из публикаций Гундарева, будь то «Избранное» или же документальное эссе о хорошо знакомом мне славном ветеране войны и труда («Богатство Аманжолы Каликова»), напечатанное в «Казахстанской правде» в канун 60-летия Великой Победы, читается и перечитывается безотрывно. Факт наиредчайший и в то же время – вполне закономерный. Особенно на фоне безбрежной дурновкусыцы, что нынче гужом валит из-под печатных станков. Отдать предпочтение какой-либо из вещей Гундарева в их плотном одушевлённом ряду – просто невозможно.

Я далёк от мысли и желания опьедесталить фигуру Поэта, чьё творчество меньше всего нуждается в каких-либо котурнах. Но в своих эскизных рассуждениях о нём, не претендующих на полноту его портрета, я далёк от мысли и желания замалчивать истинные его достоинства. Сказано же ещё Белинским, скороспело (да ещё и анафемно!) устранённым из литературного обихода иными интеллектуальными гурманами: «Ни один поэт не может быть велик от самого себя и через самого себя. Всякий поэт потому велик, что корни его глубоко вросли в почву общности и истории, что он, следовательно, есть орган и представитель общества, времени, человечества».

А что – разве не так?

Конечно, поэтической (в понимании «неистового Виссариона») великости своей наш автор не исчерпал. На кону его и нашего Бытия новые обретения и свершения.

Кузнец, созидатель и творец духовной силы, Гундарев всегда помнит не только про девиз Орлеанской Девы («Если не я, то кто же?»), но и про заветную формулу Оливера Кромвеля о том, что «духовная сила относится к физической, как бесконечность к одному».

А ещё про неумирающее напутствие великого Абая: «Адам бол! – Будь Человеком!»

Так что с новыми трудами, Владимир Романович!

Желаю тебе словами того же великого Владим Владимыча «светить всегда, светить везде, до дней последних донца, светить – и никаких гвоздей». Будь всегда крепок и здоров. Свети всегда и везде.

А гвозди, как верно сказано, сделаем сами.

2005 г.

Владислав ВЛАДИМИРОВ

г. Алматы.

Соль и мёд планеты Любви

Мучительные, печальные раздумья о незабвенном Друге, они усиливаются с приближением годовщины, того рокового августовского дня, когда, вздрогнув, сердце сорвалось на предательский сбой и... умолкло навеки. Невыразимые чувства тоски, обречённости на невосполнимость утраты... Вспоминается признание русского писателя И.С. Тургенева, «выдающегося реалиста», так записано в Энциклопедическом словаре: самые тяжкие муки человека – это муки слова. Каким же Словом помянуть дорогого мне, нам, нашего солнечного, лучезарного, неповторимого Человека?

После многих размышлений пришла мысль, диктуемая волнением при перечитывании своего же материала, опубликованного три года назад в казахстанской корейской газете «Корё ильбо»: читатель, прими мои искренние чувства, выраженные в газетной строке. Я в надежде, что моё повествование дарует тебе ещё одну встречу с Поэтом высокого полёта! Тот газетный номер вышел в канун двойного юбилея: 20-летия «Нивы» и 50-летия поэтической, писательской деятельности редактора и основателя этого журнала. Тогда, в честь этих дат, в октябре состоялся торжественный вечер в Российском центре культуры, участие в нём приняли Посол Российской Федерации М.Н. Бочарников с супругой, депутаты Парламента РК, много творческих личностей, друзей, любителей поэзии. То был прекрасный праздник жизни! Я вручил ему памятный номер газеты. Заголовок предлагаемой сегодня той статьи-рецензии прежний – «Соль и мёд планеты Любви».

В. Гундарев, В. Сон на 20-лети «Нивы».

Вот те чувства, эмоции, признательность и наша благодарность за счастье душевных порывов, счастье и сегодня жить в его чудотворной поэзии: на этой Планете благоухают роскошные и изнеженные розы, которым он

предпочитает терпкую полынь, ведь «без горькой любовной отравы, – и жизни то подлинной нет». Далее последуют образы, но без кавычек, боюсь, не хватит их, чтобы очертить, обогнуть весь экватор его удивительной Планеты. Ведь сколько на ней пронзительных откровений, точных метафор, сочных эпитетов, нежности, сердечной боли, любви ко всему сущему в нашей земной обители, вознесённой на поэтическую звёздную орбиту: на ней распахнутые восходы звенят как нежные стаккато, а зябнувший подснежник, хмелея, пьёт болтливую капель. А журавлиные – не просто стаи, но прощальные пунктиры. У лебедей не шеи – вопросительные знаки, но у этой белой знати в пустых глазах стоячие пруды. Но, приземляя себя и возвышая его величество Хлеб, стихотворцу венец жатвы видится не иначе как в полях растопленный и жёлтый воск: Здесь даже солнце пахнет хлебом, и солнцем полнятся хлеба. И по прочтении таких строк зримо, осязаемо слышится как морской рокот – шум зрелой колышущейся нивы, и позолотой отливают налитые колосья, – они теперь войдут в казну как золотые слитки. Хлеб наполняет всё особым светом: работу, счастье, степь, строку.

Будь он уроженцем далёкого полуострова у тихоокеанской кромки, его душа так же взволнованно, как хлеб, воспевала бы и «белое золото» – рис, главную еду и лакомство у корейцев, жителей Юго-Восточной Азии: здесь даже солнце пахнет рисом. Рис отливает всё особым светом: труды, любовь, реку Ханган.

Вдыхая по родимой сторонке, пишет: «Там берёзовый свет, журавлей на болотах рыданье, рыжий колос у ржи, васильковые очи у льна». Там – это сибирская глубинка, которую покинул в ранней молодости, и вот уже полвека, как живёт на земле кочевников, где родились дети, на ней он явил своё чудотворное поэтическое мироздание. Он, околдованный земным бытием, первоизданной природой, стал вечным очарованным странником на своей пленительной Планете, неустанным и в стихотворном творчестве, и неутомимым в поисках своего заветного философского камня. Свой очередной поэтический сборник стихотворец назвал «На Планете любви». Однажды его занесло в Страну утренней свежести. Она его изумила, покорила, зачаровала. И на одном дыхании, возвышенном и ликующе торжествующем им была соткана поэтическая мозаика «Корейские мотивы». В них мажорный акцент на цветке «мугунхва», – «выносливое, сильное растение. Пять розовых, пять хрупких лепестков. В них символ жизни, символ торжества – Кореи Южной олицетворенье. Как мугунхва и сам народ таков – красив, упорен»... Этот цветок – сродни цветку мальве, но там он флористский символ страны, как российская берёза, канадский клён, японская сакура.

Восточная нирвана славянина

Пора назвать имя творца, не страшась возвышения в этой степени, ведь «творец» и «творчество» одного корня: Владимир Романович Гундарев, поэт, редактор казахстанского литературно-художественного и общественно-политического журнала «Нива». Это он, благообразный славянин, представлен на снимке в колоритном восточном одеянии, вызывая восторги всех, кто впервые видит Романыча в таком экзотическом наряде. В путевых очерках «От аула до Сеула» пишет, что фото запечатлело его у дворцового комплекса Кенбоккун – одной из пяти королевских резиденций эпохи Чосон (1392-1910): «На пять минут я перевоплотился в старого, важного и богатого сановника той эпохи». Кто-то

может подумать, что луноокая фея и он супружеская чета. Но славянин «корейской национальности» с мягким юмором уточняет, что, «к сожалению, девушки с нежным персиковым цветом лица предназначены только для фотосъёмки».

«Корейские мотивы» помещены в очередном поэтическом сборнике «Розы и полынь». В предисловии автор объясняет, что они написаны после знакомства со своеобразным жанром средневековой корейской поэзии – сиджо (пять-шесть строк), и под его воздействием, а также «в лирическом настроении я попытался сконструировать собственную поэтическую форму, но не копируя «сиджо». Удался ли сей опыт, поддался ли ему жанр, «отражающий корейскую утончённость восприятия мира»? Субъективно, скажу о собственном чувстве, которым делюсь со всеми, кто почитает талант Владимира Гундарева: он, русский поэт, открыл для меня глубинную, духовную суть народа, нации, как принято сейчас говорить – нашей далёкой исторической Родины. Тот же цветок «мугунхва», замечательные стихи написаны и под впечатлением «чаек хриплых ор», далее, опять без кавычек, – риса в центре Сеула, нирваны на берегах Хангана, залива в Инчхоне, фабрики женьшеня, дворца Кенбоккун, этнографической деревни Ичун и т.д. Завершают цикл признательные строки: «Я пред тобою, чудный край в долгу, мне кажется, в душе чуть-чуть добрее, здесь становаился я день ото дня».

Чем больше и глубже погружаешься в гундаревскую нирвану, не замечая того, что и ты уже воспаряешь в его поэтической выси, как вдруг, оторвавшись от строки, тут же вздрогнешь как от счастливого ожога, и осознаешь – ты взят им в полон, необратимо и безвозвратно. Такова пленительная магия поэзии, если она истинно высокая, талантливая. Её невозможно пересказывать, но, хмелея от разбуженных чувств, блуждая по его изумительной Планете, населённой разноликими людьми, героями и антиподами, цветами, муками совести, любовью, разочарованиями и исповедами, на ум приходит, наверное, самое точное определение античного мыслителя: «Поэзия – это говорящая живопись». Таковой и предстаёт она по прочтении его стихов, в которых широкая панорама жизни людей на реальной земле, в яркой веерной палитре характеров, судеб, взлётов, изломов, обретения истины, всего того, что сопровождает земного человека. Как точно, применительно и к Гундареву, наш современник, поэт с мировой известностью Евгений Евтушенко вывел свою формулу – «талант есть чудо не случайное». Однажды Владимир Романович показывал сборник стихов с автографом мэтра советской поэзии, фото, запечатлевшее момент их встречи. Евтушенко, поэт-шестидесятник, глашатай свободы, совести и человеческого достоинства другим творческим постулатом усиливает назначение этого чуда – «Большой талант всегда тревожит». Это – о Гундареве. От одних только названий и первых строк отдельных стихов Владимира Романовича забирает озноб: «Моя деревня умирает», «Отчаянье чаек печалит меня», «Даже долгая жизнь всё равно коротка», «Не называйте меня господином», «Настоящим чувствам чужды заверения в любви». Таких стихов, грустных, раздумчивых, печальных, немало в его сборниках. «Отлетело лето вслед за журавлями» – в нём неизбывная любовь и верность сына, когда пишет, что из поднебесья слабый голос мамы слышится уже пятнадцать лет. И никакие гулы слуху не помеха: до последней роковой черты, в птичьих перекличках мамин голос эхом, доноситься будет с высоты.

Казахстанские корейцы благодарны Владимиру Гундареву, сотворившему чудо поэтического открытия древней страны Чосон. За его изумительную Планету любви, на которой благоухает и частичка чудотворной Кореи.

Золотым пером о нашей истории

Два года назад, в 85-летие газеты «Корё ильбо» были шумные торжества, награждения. Дошла очередь до меня. Юрий Андреевич Цхай (ныне депутат Сената Парламента РК) после крепкого рукопожатия вполголоса неожиданно спросил – пару слов? Мне, наверное, не пристало «кокетничать», потому как зал на миг замер в ожидании, и я выдал стих, который всем пришёлся по душе и сердцу – «Я живу на Планете любви». Зал рукоплескал – не мне, а этому звонкому певцу любви, природы, людей. Гундарева знает наша газета, в своё время не раз его стихотворчество украшало страницы «Ленин кичи», «Корё ильбо». Его произведения переведены на корейский, казахский, украинский, немецкий, словацкий, французский и другие языки народов мира. Во всем многообразном творчестве он честный, искренний интернационалист, Поэт и Гражданин нашей эпохи. В 1997 году, в 60-летие депортации дальневосточных корейцев в Казахстан и Среднюю Азию один номер журнала «Нива» был полностью посвящён этому драматическому событию, а редактор Гундарев В.Р. поощрён благодарностью от Посольства Южной Кореи и Министерства культуры и информации РК. Наград и регалий у него множество: орден «Курмет», пять советских и казахстанских медалей, Почётный знак «За вклад в дело дружбы» Росзарубежцентра при МИДе РФ, лауреат премии им. Павла Васильева, он обладатель столичного звания «Алтын калам» («Золотое перо»), медали Пушкина. Полвека живя на казахстанской земле, является Почётным гражданином Кыштовского района Новосибирской области, откуда родом, о том он поведал в стихе «Свет Родины» («Здесь берёзовый свет, журавлей на болотах рыданье..., Здесь и мама моя стала горстью родимой земли..., Так прости же, Кыштовка, прости непутевого сына. Ну, хотя бы за то, что я каюсь, родная, прости...»). Он прежде всего поэт, но и прозаик, публицист, переводчик, является автором более двадцати поэтических и художественно-документальных сборников и книг, сценариев документальных кино и телефильмов, стихов к театральным спектаклям. Его поэтическое творчество включено в антологию «Современное русское зарубежье» (Москва). Всё перечислить весьма затруднительно, вот лишь некоторые сборники из этой кладези: «Медовый месяц при ясной луне», «Светлынь-река», «Ветка молнии», «Я живу на планете Любви», «Деревня моя деревянная», «Степная страна Урания», «Главный агроном Целинь» (об академике Баравее А.И.), «Исповедь сердца» и т.д.

Особая строка из творческой биографии – песенные мотивы. Он мог войти (и вошёл!) в огромный мир музыки всего одной песней, каковой стала «Деревня моя деревянная», но на его стихи есть и другие музыкальные произведения. «Деревня» же стала интернациональным гимном селу, её поют всюду – на греческой, канадской, немецкой, американской, израильской земле многие из тех, кто давно уже покинул казахстанскую сторону. Поют с грустью и благодарностью автору.

Свет сердца несущие людям

Волнительным же поводом поведать сегодня о русском поэте и нашем друге стали знаменательные даты: 50-летие творчества на поэтической ниве, 20-летие журнала «Нива», своим рождением обязанным Владимиру Гундареву. И ещё одно приятное совпадение. Нынешней осенью вышел очередной, но не последний поэтический сборник «Душа стремится к небесам...». И опять держишь в руках золотую россыпь стихов-самородков, в них «всё наше»: нежность, радость, любовь, но и печали, грусть, сожаление, раскаяние. И покаяние – перед матерью, отцом-фронтовиком, перед Богом. И благодарности судьбе, что стал поэтом, воспел великую казахстанскую Целину, в звонкие годы её освоения названной Планетой ста языков. Одно стихотворение озаглавлено «Соль земли». В

строках посвящения автор пишет: «Светлой памяти замечательного труженика казахстанской Целины, талантливого творца-созидателя Николая Ивановича Ляна». Выход сборника по-своему знаменателен – в минувшем сентябре Н.И. Ляну исполнилось бы 95 лет. Яркие образы, будоражащие эпитеты, когда поэт не говорит – кричит о депортации корейцев в 1937 году, что она «страшнее цунами» и его герой вместе с народом испил до дна всю горькую чашу страданий. Но в горниле сурового века, всему вопреки закалялся и креп, возвысив в себе Человека! Стихотворение это объёмное, широкое, на примере одной личности показана новая, драматичная и – счастливая судьба народа на казахской земле: «Упорство, достоинство, совесть и честь – святые понятия эти, Ему помогли превозмочь, перенести все тяжкие беды столетия. Но всё-таки были в судьбе его и сладкие капельки мёда: с целинной землей корневое родство незримо крепил год от года». Н.И.Лян всю жизнь был руководителем одного колхоза и совхоза в тридцати километрах от Астаны, орденоносец, Заслуженный работник сельского хозяйства Казахстана, он был любим и почитаем в народе. Поэт был дружен с ним. В заключительных строках провозглашает: «Таких называем мы солью земли, таких никогда не забудем. Достоинство путь свой нелёгкий прошли, свет сердца оставили людям».

Свет своего крылатого, одухотворённого сердца несёт и Владимир Гундарев. Творец возвышенной, благородной поэзии, льющейся с его прекрасной Планеты любви!

Чем завершить, читатель, представленное повествование? Ответ один: лучезарным светом его солнечной поэзии, обретшей отныне долгую, благодарную память. Свидетельством тому сама жизнь, являющая порой неожиданные, удивительно волнующие сюрпризы. Пример тому мартовское событие, случившееся нынче в г. Костанай накануне весеннего праздника Наурыз. В тот день на творческом мероприятии встретились люди трёх этнообъединений. Названия двух не нуждаются в переводах – «Шанырак» и «Сударушка». А третьим было корейское общество «Мугунхва». Пели душевно, раздольно, плясали-танцевали задорно, игриво лихо. Говорили задушевные, сердечные речи. И уж очень к слову пришлась декламация стиха о том нежном, но сильноном цветке мугунхва. Признаюсь, то был мой порыв души. После оглашения имени автора, все бурно затребовали хотя бы ещё одно поэтическое «лакомство». И тогда многие впервые услышали пронзительные, печальные, благодарные судьбе и жизни, возвышенные и ликующие строки прекрасного стихотворения Владимира Гундарева «Свет Родины». А далее последовало неожиданное, – костанайские сударушки, не сговариваясь, запели любимую народом песню «Деревня моя деревянная». Какая в ней чудотворная строка: «Тебя называю по имени-отчеству, святая как хлеб деревенька моя». Люди вспомнили: ещё в советское время эта песня звучала со сцены Кремлёвского Дворца съездов в исполнении Ольги Воронец.

Стихотворение «Пусть отпели давно для меня соловьи...» завершается строками:

*Шумной стайкой, вспорхнув,
унеслись воробьи, –
Так и годы мои
улетели за ними.
Всё равно я живу
на планете Любви,
Как молитву шепчу
светоносное имя.*

Светоносное имя – Владимир Гундарев!

Владимир СОН

г. Астана.

Одухотворённый мир Гундарева

Активный период творческой пульсации Владимира Гундарева как талантливого литератора, пришёлся на вторую половину XX века, а именно на 60-70-е годы, когда созидательный потенциал молодых поэтических дарований не оставался невостребованным государством и обществом. Несомненно, это было время бурного расцвета интеллектуального и духовного самосознания людей, составлявших иной общественно-культурный полюс мира, эра космической и трудовой героики, романтики и ощущения поистине великого чувства – единства народов под сенью могущественного государства. И хотя атмосфера этого «праздника» в не меньшей мере проявлялась за счёт естественной потребности людей радоваться жизни, тем не менее, логика существовавшей политической системы явно предполагала, что идейный огонь «в пещере» должен поддерживаться творческим потенциалом масс.

В качестве основных проводников культурных ценностей в массы служили русскоязычные носители передовых идей, которые в силу энергетической ёмкости языковой и интеллектуальной палитры наполняли сердца людей изрядным импульсом оптимизма и веры в то, что конечная цель их целенаправленного шествия – это победа разума над невежеством меркантильного мира. При этом под «меркантильностью» понималось не только мещанское отношение к жизни с хватательными рефлексам, но и подмена истинной культуры примитивным культом жизни.

Травитация московской литературной жизни конца 60-х и начала 70-х годов XX века оказывала огромное влияние на все прочие периферийные сферы государства, вынося на орбиту массовой популярности целую плеяду молодых поэтов и писателей, спешивших запечатлеть собственное видение времени в контексте поэтических, прозаических и драматических произведений.

Двуязычный мир Казахстана также оказался на редкость богатым на таланты. В эпицентре этого культурного оазиса – Алма-Ате творческая жизнь общества не просто протекала, а бурлила водоворотом событий. И это было время, когда книги известных авторов выходили в свет огромными тиражами и тут же растворялись в массах, как это происходит сегодня со сборником Абая в Москве.

Молодёжь, взращённая за «железным занавесом», ещё явно не догадывалась о том, что этическое содержание таких понятий, как «честь», «борьба» и «совесть» имеет обыкновение перемещаться, подобно жидкости в сообщающихся сосудах, из одной области восприятия в другую. И потому по-своему понимала суть истины, заложенной в контексте данного четверостишия, именуемого автором «Рондо»:

Баран занялся чтением и постиг
Большую мудрость из великих книг,
В итоге забродили в нём сомненья
Насчёт хозяйского благого намеренья...

Наряду с титанами национальной поэзии – Кадыром Мырзалиевом, Мукагали Макаатаевым, Толегеном Айбергеновым, Туманбаем Молдагалиевым, Фаризой Унгарсыновой и другими мастерами слова, в творческой атмосфере южной столицы нередко звучали имена Олжаса Сулейменова, Валерия Антонова, Леонида Скалковского, Александра Шмидта, Бахыта Кенжеева, Любовь Шашковой и Орынбая Жанайдарова.

В литературной сфере северного региона республики «свято место» также не пустовало. К началу 70-годов огромную известность среди читающей

публики целинного края обрёл талантливый поэт и публицист Владимир Гундарев, работавший в тот период сотрудником целиноградского областного радио. Его первый поэтический сборник «Деревня моя деревянная» вышел в свет в 1973 году, став достоянием личных библиотек казахстанских граждан. Однако до того момента в судьбе поэта, как и у всех людей на свете, было немало взлётов и падений, поисков и сомнений, а также дорог, по которым предстояло пройти.

Говорят, светлому человеку всегда встречаются на пути люди с широкой улыбкой и столь же позитивным взглядом на мир. В этом плане судьба была к поэту щедрой.

В профессиональной жизни Владимира Гундарева роль наставника и товарища сыграл известный в Астане и республике писатель, историк и публицист Нургожа Ораз. О своём давнем друге, младшем брате, коллеге по перу и просто человеку, с которым он прожил в одном городе и на одной жилой площадке не один десяток лет, старейший представитель литературного мира столицы, как никто иной, рассказывает с потрясающей образностью.

– С Володей судьба нас свела в 1967 году, в канун 50-летия Октября, – говорит аксакал, переносясь мысленно к далёким и славным временам их жизненной пульсации, – тогда это был молодой и крепкий парень, только что отслуживший свои положенные три года в рядах Советской армии. Он с жаром читал свои стихи, в которых чувствовалась и динамика, и стилистика, и глубина мысли, свойственные неординарной поэтике. Я понял, что имею дело с человеком поистине талантливым, неравнодушным к тому, в каком русле будет протекать поэтическое творчество края в будущем. Поэтому, будучи в то время литературным консультантом Целиноградского краевого отделения Союза писателей Казахстана, я включил его в состав участников многих мероприятий, проводившихся в рамках юбилейной даты...

На этих встречах с общественностью города Владимир Романович впервые продемонстрировал свои литературные способности и получил первые аплодисменты от благодарных слушателей. В дальнейшем, видя в нём личность не только поэтического, но и организаторского плана, Нургожа Ораз предлагает ему попробовать свои силы в качестве консультанта русского отдела краевого объединения литераторов. Но за начинающего литератора ещё предстояло «потягаться» с руководством областного радио неким Казминым, который под всякими предлогами не хотел подписывать заявление своего лучшего работника на увольнение. В итоге дело не обошлось без звонка начальнику из высших идеологических инстанций с пояснением о том, что «тихая гавань местного эфира большому кораблю – не место...».

По словам руководителя кафедры филологии Казахстанского филиала МГУ Галины Власовой, знакомой с Гундаревым с начала 70-х годов, поэт принимал активное участие во всех литературных и других мероприятиях, проводившихся в тот период в Целинограде. Для гуманитарного студенчества той просветлённой эпохи он был эпицентром интеллектуального притяжения, прямое общение с которым помогало будущим педагогам воспринимать мир поэзии глубже и весомее.

– Для меня лично его уроки литературного мастерства не прошли даром. В итоге всех впечатлений, полученных от общения с этим человеком, искренне верившим, что живая красота слова спасёт мир, я стала литературоведом. И сегодня сама вожу своих питомцев по зелёным лугам этой творческой стихии, пытаюсь научить их понимать значение утончённой мудрости поэзии, без которой природа человеческой натуры вечно тяготеет бы к крайностям, – поясняет педагог.

Между тем, традиция литературных вечеров, начало которым в своё время положил Владимир Романович, продолжается и поныне в рамках университетских клубов «Пегас» и «Тенгри». В атмосфере этих творческих процессов явно присутствует понимание того, что поэзия – одухотворённый язык высокого искусства, которое, как знак «Пи», не признаёт ни границ, ни званий, ни социальных градаций...

Почти весь тираж своей последней книги «Без пяти двенадцать» поэт раздарил всем друзьям и поклонникам. Имеется эта книга и у Светланы Гендельман, которая в нашей беседе подчеркнула, что Гундарев обладал удивительным даром – замечать в людях их скрытые литературные способности, в том числе, доносить до русскоязычных читателей особенности казахской поэтики.

– Он был интернационалистом и высоко ценил значение казахской поэзии в культурном развитии нашего многонационального общества. При этом он не только восхищался творчеством мастеров казахской поэзии, но и переводил их произведения на русский язык, – отмечает профессор Гендельман.

Это мнение подтвердил в своём рассказе и известный общественный деятель старой и новой столицы, секретарь городского маслихата Астаны Сансызбай Есилов, который был знаком с редактором «Нивы» не один десяток лет и провёл с ним не одну дружескую беседу.

– Владимир Романович с гордостью называл себя «русским сыном казахского народа», причём, вполне обоснованно. Он действительно стал «своим» не только в среде русской, но и казахской интеллигенции, – говорит Есилов.

Литературный журнал «Нива», которым многие десятилетия руководил герой нашего очерка, является поистине зеркалом многогранной культуры современной столицы. До сих пор с его страниц веяло теплом литературного позитива, когда прочитанная вещь не коробит своим примитивом, а наоборот, восхищает наличием «золотых зёрен» высокого искусства. В Казахстане русскоязычных изданий подобного уровня популярности и культурной значимости всего два – «Простор» и «Нива». При этом мало кому из читателей известно, что с началом эры свободного рынка «Нива» держалась на плаву благодаря личностному фактору редактора, который умудрялся восполнять недостаток средств, необходимых для выпуска в свет тиражей издания, спонсорской помощью со стороны.

Когда речь заходит о деньгах, муза поэзии настороженно смолкает, поскольку масса капитала, помноженная на скорость, создаёт в итоге великую иллюзию движения, в содержании которого мало места не только благородству, но и благоразумию. Поэт Владимир Гундарев до конца дней остался верен той музе, чьё незримое присутствие всегда подкрепляло его уверенность в том, что в начале начал было слово «душа», давшее сознанию великую одухотворённость. И, очевидно, он покинул сей мир в надежде, что в этом плане два взаимоисключающих понятия «достойные» и «отстойные», как параллельные векторы, не пересекутся...

Досжан НУРГАЛИЕВ

г. Астана.

Жить весело, хоть и трудно

С Володей я познакомилась в начале 70-х гг., теперь приходится говорить – прошлого столетия, и это звучит странно, будто всем нам уже сто двадцать лет. И всё же, это было начало 70-х годов прошлого века. Слышала о Гундареве, конечно, и раньше, читала его стихи в журнале «Простор», писала рецензию на одну из его книжек для издательства, но увиделись мы впервые на республиканском фестивале молодой поэзии в Чимкенте. Молодыми были мы, а он – уже маститый и самый знаменитый среди маститых, Валерия Александровича Антонова, Олега Постникова, Геннадия Круглякова, который тогда находился в зените своей славы и у нас считался первым поэтом. В первенстве соперничал с Олегом Постниковым, высоким, голубоглазым красавцем, писавшим громкие стихи с эпическим размахом. Валерий Антонов был как бы над схваткой и перее всех первых: непререкаемый авторитет, рулит всей русской поэзией в журнале «Простор», да и возрастом старше Круглякова, Постникова и Гундарева, из голодного военного поколения. Антонов родился в расстрельные тридцатые годы.

Гундарев не был громким, не был первым, но у него, в отличие от других, была всесоюзная известность. Песню на его стихи «Деревенька моя деревянная» распевала вся страна, она стала буквально народной. Кстати, таковой остаётся и теперь, и я сама не однажды слышала, как её исполняли любительские хоровые коллективы в нашем городском парке, а также по телевидению – уже профессионалы. Песня пережила испытание временем, и не только благодаря «народному» мотиву, который легко запоминается, который берёт за душу, но и слова песни – бесхитростные, искренние, близкие любому русскому сердцу, также хороши.

Мы знаем немало примеров, когда поэты оставались в памяти поколений одним стихотворением, или даже одной строчкой, но главное – такая строка у них была. Вот и Владимир Гундарев – остался. Он написал потом много хороших стихов, и они тоже достойны памяти, но «Деревенька» – на особом месте.

Итак, фестиваль поэзии на юге Казахстана. Зима. Всюду мороз и снег, а здесь – на клумбах ещё живые розы. В соседней гостинице обитает Мукагали Макатаев, но мы его не видим, только слышим о нём. О нём взахлёб говорит Геннадий Кругляков, который переводит Мукагали, ну, и конечно, предаётся с ним хмельному веселию. В нашей гостинице – тоже веселие, сопровождается оно круглосуточным чтением стихов. Кажется, никто не спит, все колготятся в номере Антонова – он возглавляет фестиваль и живёт в люксе, где мебель оббита бархатом. Бедный бархат! Бедный люкс! Даже монголо-татарское нашествие не оставило такие удручающие следы в «казахстанском Техасе» – так народ называл Чимкент, как наша литературная орда. Среди этого безумного столпотворения, где каждый стремился выделиться, вычитаться, Володя Гундарев был как-то неприметен, скромнен, держался в тени и много молчал. Он тогда не носил ещё шкиперской бородки, не курил трубки

и не обзавёлся аристократическим зелёным перстнем. Образ писателя он в себе, наверно, только вырабатывал, и пока что оставался скромным деревенским парнем. Всесоюзная известность не испортила его и не сделала эдаким надутым пузырьём, что выглядит всегда смешно. Он никогда не был эпатажным, но ярким – внешне – позже всё-таки решил стать, и у него получилось.

С этого фестиваля и началось наше общение. Мы не были лучшими или очень близкими друзьями. Такая дружба сложилась у меня с Олегом Постниковым, она и в переписке осталась, и в стихах. Но мы с Володей всегда с симпатией относились друг к другу, если выпадал случай – разговаривали, в основном, конечно, о литературе, личную его жизнь, семейную я почти не знала. Этой темы мы не касались. Никогда не обсуждали и творчество друг друга, отчего, может быть, и сохранили на долгие годы ровные отношения. Но наверняка ему хотелось и этого разговора, а он не случился. Так бывает. Тут есть особая деликатность, которая была свойственна Володе: он боялся обидеть неосторожным словом, и я – боялась обидеть, по-настоящему уважая его как человека, как подвижника в литературе, поднявшего журнал «Нива». Многим, многим дал он возможность напечататься, открыл новые имена и всегда помогал талантливым людям. В нём была, как я уже отмечала, врождённая деликатность, интеллигентность, расположенность к людям, что всегда подкупает, и неожиданный при этом авантюризм, предприимчивость. Это и помогло создать ему журнал и удерживать его на плаву многие годы. Думаю, страсть к авантюризму привела его однажды и на целину, и двигала многими его поступками, которые удивляли непредсказуемыми и решительными поворотами. Он, уже зрелый муж, обременённый семьёй, почестями и прочим ответственным грузом, мог бросить всё, сорваться и помчаться за сотни километров за первой своей любовью, которую не видел сорок лет, и написать потом об этом ослепительном свидании целую книгу. Думаю, именно сочетание не сочетаемого – деликатности, скромности и авантюризма открывало ему многие двери, помогало находить спонсоров и друзей журналу. Я не знаю, были ли у него враги, а вот друзей было много, много благодарных ему людей, много почитателей его творчества. Я это наблюдала на другом фестивале поэзии, который проводил Дом Абая Ролана Сейсенбаева в Астане. К Володе без конца подходили читатели – подписать книги, и непременно говорили что-нибудь о том, какое участие в их судьбе приняли его стихи, как помогли выжить, научили любить и т.д. И я видела, что это не дежурные любезности, а искренние признания. Володя и тут не пыжился, как иные доморощенные классики, только попыхивал своей трубочкой и смущённо улыбался, или добродушно отшучивался.

Беседы наши, хоть и нечастые, но всегда радостные, непременно перемежались шутками. Володя был остроумным, весёлым человеком. «Жить весело, хоть и трудно», – говорил он. Что стоит одна картина «Охотники на привале», которая неизменно висела в его редакционной комнате, и он, показывая на неё, сообщал: «Вот моя редколлегия!».

Литературное бытие не обходится без пародий. Их писали всегда и на многих. Реакция была разной при этом. Не все относились легко к пародированию себя. Володя в пародиях не замечен, но то, что сочиняли о нём собратья по перу, вызывало у него детское веселье, он от души хохотал и никогда не обижался. По крайней мере, никогда этого не выказывал. Вот и я как-то, ещё в молодые наши годы – экспромтом – выдала пародию, которую он читал и, как всегда, добродушничал, потому решила я её обнародовать: пусть Володе там, в его новом мире, будет весело, ведь он там наверняка снова молод, полон творческой энергии, а это тот огонь, который сжигает всё тёмное. Это светоносный огонь вечной жизни.

Тарабарщина

*Тары-бары-растабары...
Там живёт у речки Тары
Тарижаночка моя,
Не моя она,*

*а всё же
Давней юности родня.
... Сыновья её похожи
Почему-то на меня...*

В. Гундарев

Тары-бары-растабары,
Оли, Дуси и Тамары –
Всех за раз не перечесать,
И от каждой
– способ старый –
У меня потомство есть!

Тары-бары-тастабары,
Я возвёл на гонорары
Детский дом: мне все родня!
Малыши, затеяв свары,
Так похожи на меня!

Тары-бары-растабары,
Я вспахал стихов гектары,
Бросил есть и бросил пить,
Чтоб уйти от божьей кары –
Алименты заплатить!

Надежда ЧЕРНОВА

Закон Гундарева

*Из родной сибирской глухомани,
К дальним горизонтам торопя,
До поры сокрытая в тумане,
Увела меня судьбы тропа.*

В. Гундарев «Пролог»

У каждого истинного поэта, как правило, есть стихотворение – визитная карточка, которое знают все, даже те, кто и стихов-то никогда не читал. К примеру, у Пушкина – это, наверное, «Я помню чудное мгновенье» и «Памятник», у Павла Васильева – «Родительница-степь».

У Гундарева – это, разумеется, «Деревенька моя», которую в 70-е годы ушедшего века распевала вся великая держава: и деревенская, и городская – вне всякого сомнения, считая её русской народной песней. Но, оказывается, у песни есть автор – известный казахстанский поэт Владимир Гундарев. Более того, существуют два варианта поэтического текста: песенный и собственно литературный, который называется «Деревенька моя деревянная...». Оба они приведены в новой книге В. Гундарева «Розы и полынь», вышедшей в издательстве «Жазушы», в Алматы, в самом конце 2009 года. (Кстати, непримиримое поэтическое противостояние горькой, но родной полыни и чужеземной розы во многом определило общее настроение сборника избранных стихотворений). Что касается своеобразной поэтической тавтологии в названии стихотворения (деревянная деревня), то, конечно, она не случайна и призвана усилить неповторимый колорит и сам дух таёжной сибирской родины. Это момент истины, здесь точка пересечения и точка отсчета древней деревянной России, с её избами, которые на русском Севере Василия Белова и Федора Абрамова называли хоромами, потому что деревянные избы были и жилищами, и первыми языческими храмами. Это мироощущение или, говоря беловским словом, лад жизни в полной мере свойственны и Владимиру Гундареву.

Гундарев родился среди могучих и глухих сибирских таёжных просторов, в деревне со сказочно-фольклорным именем Кыштовка. Она его святыня:

Деревня моя, деревянная, дальняя,
Алёнушкой ты заблудилась в лесу...
Твоей биографии скромные данные
В своей родословной по жизни несусь.
И сельская ясность живёт в моём облике.

И успех его легендарной, уже почти сакральной «Деревеньки» был обеспечен теми же причинами, что и феноменальный успех так называемой деревенской прозы – беспредельной сыновней любовью ко всему родному и теплому, как живое сибирское дерево, что окружало и питало его с детства.

Белов в своё время на вопрос о том, что стало главной причиной появления его великого «Привычного дела», ответил просто: «Мне хотелось защитить своих родных и близких».

Не сомневаюсь, Гундарева вели те же чувства:

Мои родные земляки.
Иваны, Марьи и Семены
Ждут свой черёд, светло тихи.
Входи, деревня, поимённо
В мои сыновние стихи...

Причины появления деревенской прозы и колоссального отклика на неё совершенно очевидны и обусловлены гигантским и трагическим оттоком сельских жителей из нищеты и голодной послевоенной деревни.

Сейчас уже мало кто помнит, что трагический исход из деревни был сопряжён с почти непреодолимым препятствием – деревенские жители не имели паспортов и существовали при Сталине, как при крепостном праве. (Поэтому-то, когда запрет был отменён, из деревни в город, как сквозь брешь, прорвавшую плотину, хлынул неуправляемый поток).

И у кого хватит духа упрекнуть этих людей в чём бы то ни было, если у советского колхозника, в отличие от помещичьего крепостного крестьянина, не было даже Юрьева дня, единственного в году дня, когда он мог уйти от своего барина.

Попутно, совершенно не имея цели противопоставлять два социально-политических строя, в укладе каждого из которых хватало своих «тараканов», хочу заметить, что в дореволюционном Казахстане не было тюрем, зато 20 век исправил «оплошность» и с лихвой наверстал упущенное – весь советский, «свободный» Казахстан был превращён в один сплошной лагерь.

Такова в общих чертах историческая родословная «детей войны» – Гундарева и его поколения.

Сегодня Гундарев существует в двух ипостасях: поэта и редактора. И это тоже давняя и прочная традиция русской литературы: достаточно вспомнить «Современник», рождённый Пушкиным, обретший зрелость и силу при редакторе Некрасове; возрождённый и возродивший русское художественное поле при редакторе Твардовском «Новый мир». Причём каждый из них, кроме этого, обозначил своим именем современную ему поэтическую эпоху.

В наши дни по-прежнему на высоком уровне работает «Простор» под руководством истинного поэта Валерия Михайлова.

Что касается двойной миссии Гундарева, то он сам создал свой журнал, а в стихах чист и светел, как ребёнок, беспредельно наивен и не боится быть таким в наш пропитанный цинизмом век. Так же, как не боится быть честным. Года три-четыре назад он возглавлял жюри Восточно-Казахстанского областного конкурса поэзии, проходившего в Усть-Каменогорске. Как участник события свидетельствую: Гундарев не принял роли свадебного генерала, которой вполне хватило бы, чтобы мероприятие обрело соответствующий статус, прочитал все стихи, присланные на конкурс, в котором участвовали более пятидесяти авторов, каждый из которых представил папку со своими творениями. Кое-как

оторвать его от рукописей и увести в гостиницу удалось только ближе к полуночи. А потом в течение достаточно долгого времени он публиковал в своём журнале лучшее из того, что ему удалось отобрать. Эта основательность и надёжность, далеко не всегда сопутствующая поэтам, да и редакторам тоже, в высшей степени свойственна Гундареву.

Название новой книги «Розы и полынь» говорит само за себя. Романтизм и даже идеализм – запредельные и, тем не менее, пронесенные через всю жизнь и каким-то чудом сохранённые от разочарований.

Гундарев – один из очень и очень немногих поэтов, которых я знаю, сохранивший верность романтическим идеалам юности и, тем не менее, не благодаря, а вопреки всему – парадокс – в полной мере реализовавший себя. Хотя, как известно, у романтика в общем совсем небольшой выбор: цинизм или пьянство.

Но у Гундарева и здесь сказался какой-то свой закон (в полном соответствии с убеждением Пушкина в том, что поэт живёт и творит по закону, им самим над собою признанным), следуя которому, он не только стал известным поэтом и уважаемым в стране человеком, но и создателем собственного журнала.

Он не стал хулить существующую действительность, которая ещё никогда, ни при каких обстоятельствах не устраивала никого из нас, он поступил в соответствии с постулатом ещё одного романтика, называвшего себя, тем не менее, реалистом в высшем смысле – Достоевского: «Хочешь изменить мир – начни с себя». В конце 80-х годов ушедшего века, когда все и вся вокруг человека и в душе его было разрушено и растоптано, а люди думали только о том, как прожить завтрашний день, он вознамерился создать собственный журнал и – ещё один парадокс – вернее, закон Гундарева – это ему удалось, он журнал создал.

Назвал его «Нива». И пусть высоколобые критики не ищут аналогий с дореволюционной «Нивой», издававшейся в России.

«Нива» Гундарева – это, во-первых, целина, которая привела его в Казахстан, потому что по характеру он – первопроходец и потому, что ему всегда больше всех надо. Натура!

А ещё, думаю, можно сказать, что через много лет, когда он, уже пустив глубокие корни в казахской земле, и сам заявил о себе: «Русский сын казахского народа – так меня когда-то нарекли» – журнал стал его собственной целиной, потому что он не перестал верить, что слово способно и должно прорасти только добром.

Его душа органично впитала две культуры: русскую и казахскую. Эта, может быть, главная пушкинская способность искреннего отклика на предложения жизни живой – «всемирная отзывчивость» – как видим, не утрачена современной поэтической традицией:

Возрастал я на целинной ниве,
Стала близкой мне степная даль.
Вряд ли был бы без неё счастливей,
Высоты достиг бы я едва ль.

Здесь живут мои по духу братья,
Нашу дружбу трепетно храня.
Казахстан, раскрыв свои объятия,
Родиной второй стал для меня.

Разумеется, его память не утратила любви к России, где он был рождён и наделён великим качеством – любовью ко всему живому:

Видел в тучах небо голубое,
В сумраке угадывал зарю.
Жил любовью, жил всегда с любовью –
И судьбу за всё благодарю.
Здесь я крылья обретал и силы,
Птицей плыл над степью в вышине.
Но частица матери России
Незабудкой навсегда во мне.

Как известно, «человек начинается с детства». И у Гундарева, как всегда и бывает, всё начиналось в семье, начиналось трагически, жестоко формируя характер, когда он, сам ещё ребенок, потерял отца и стал – старший в семье – за отца, о чём сам рассказал в стихотворении с символическим названием «Имя»:

... Меня отцовским звали именем,
И в этом горькая есть гордость!
И сколько лет прошло, но инеем
Не застудило эту горесть.
И на отца, как раньше хочется
Делами походить своими,
Чтоб нёс его не только отчество,
А чтобы нёс ещё и имя...

Вот вновь я улицею раннею
Иду с подтаявшим туманом,
Мне говорят все – не Романович,
А как отца – зовут Романом.

Поэзия Гундарева буквально дышит добром и теплом. В своё время по поводу эстетики писателей-деревенщиков мне приходилось писать о том, что в творчестве Василия Белова понятие «добро» из категории морально-нравственной трансформировалось в категорию эстетическую, что и было основой, фундаментом народной эстетики, самого уклада и лада жизни. Академик Д.С. Лихачёв в «Заметках о русском», размышляя о добре, неизменно подчёркивал фундаментальную роль этого качества – доброты – в культуре и мировосприятии народа.

В стихотворении поэта В. Гундарева «Старый дом» совершенно органично возникает абсолютное тождество с традиционным, народно-поэтическим мироощущением и мирочувствованием писателя В. Белова, в «Плотницких рассказах» которого «скрипят усталые связи» старого дома и он «вздыхает» по ночам, устав от длинной жизни:

Наш дом – как старик на завалинке –
 Дымит самокруткой трубы.
 Синичка тихонько вызванивает
 Мелодию чьей-то судьбы

.....

А дом – как старик на завалинке –
 Раздумчиво смотрит вдаль,
 Ведь в песне синички маленькой –
 И счастье его, и печаль...
 Он слушает.. а половицы –
 Как кости болят перед сном.
 Он стар, а ему приснится,
 Что жизнью наполнен он.

Повторю, мир Гундарева органичен и гармоничен, основа, душа которого – отец и дом – хранимы беспредельной сыновней памятью и любовью. В прекрасном стихотворении «Слово об отце» создан былинный образ русского добра молодца:

Он упоённо улыбающийся,
 Не походил ни на кого.
 Как на огонь, летели бабочки
 На пламеневший чуб его.
 В глазах отца таились радуги
 И нерасплёсканная синь.
 И было так легко и радостно
 Мне находиться рядом с ним.

.....

Он так и жил – в самозабвении,
 Как пел, свободно, не скупясь.

Отдельного разговора заслуживает его любовная лирика, душа и поэзия обретают параметры совершенного, глубокого, искреннего чувства, обрётённого не талантом беспечного пиита, а единственным чувством, пронесённым через всю жизнь: нежно и верно.

В то же время его любовь, поразительным образом охватывая необозримые земные пределы, становится чувством всеобъемлющим, вселенским, определяющим его жизненный путь:

Почувствуйте живое волокно
 Любви,
 что зря вы ищите в себе,
 Она – вокруг, она во всей судьбе
 Цветов,
 природы,
 женщины,
 земли –

Во всём живёт предчувствие любви...

Поэзия Гундарева полнокровна и лишена творческих кризисов, его редакторская ноша порой мучительно трудна, но не несет уныния. Может быть, потому, что его молитва: «Люблю, люблю, люблю...».

Пётр ПОМИНОВ,

кандидат филологических наук.

Деревенька моя...

Об одном песенном шедевре и не только о нём

Знаменитой песне «Деревенька моя» 40 лет. Согласитесь, она вошла в нашу жизнь светлым праздником. Один из нынешних президентов Стран содружества назвал её гимном села. На многих приёмах и застольях он лично напевает проникновенный своей сердечностью шедевр, ставший для него песней песен.

Юбилей песни стал одним из поводов встретиться с автором текста поэтом Владимиром Гундаревым и поговорить с ним по душам.

– Согласитесь, Владимир Романович, песня «Деревенька» вошла в обиход классики. Её пела великая Людмила Зыкина. Исполнителям этого произведения аплодировали на грандиозных кремлевских концертах, ну а за семейным застольем лучше песни было не найти. В ней много человеческого тепла и нежности. Она призывает к преданности, любить свою деревенскую сторонку. Лично я воспринимаю и слова, и мелодию как молитву во благо крестьянской души.

– Спасибо за эти добрые слова в адрес песни. Я вырос в сибирской деревне, среди таёжных лесов. Рядом – Васюганские болота. Кыштовка райцентр, а в 25 км от неё деревня Ядрышниково. Река Тара. Бесконечные луга – потрясающая природа. Вот эта красота и вошла в моё детское сердце. В тех местах я окончил школьную учёбу, а в 1961-м году приехал в Целиноград. Здесь я уже оказался в плену красоты ковыльных казахстанских далей. Под вашим творческим началом стал радиожурналистом. Разговаривать каждый день у микрофона с огромнейшей аудиторией слушателей, а в то время в каждом доме была радиоточка, а в бригадных станах – транзисторные приёмники, настроенные на волну Целинограда, требовало искренности, честности, порядочности. В тех репортажах мы ничего не приукрашивали. И наше живое слово всегда находило отклик. Экзотика казахстанских аулов, добросердечность здешних аксакалов помогали нашей журналистской братии повышать авторитет пахаря, творящего хлеб. А меня, как лирика, заставляла ощущать все оттенки нежности степных зорь и свежесть трав за околицей села. В самые отдалённые сёла добирались на попутках по пыльным разбитым дорогам. Зато в любом селе надышишься ароматом степных трав. Рассветные трели жаворонков – это же было чудо.

– К сожалению, то знаковое героическое время, на мой взгляд, ныне заслонило различными глупостями многочисленных перестроек и скотством, которое проявлено во многом в отношении к деревне.

– Я с болью ощущаю определённую обездоленность. Сейчас, выезжая в степь, не услышишь жаворонка, о котором великие гении музыки – и поэты, и композиторы создавали свои сочинения.

– В одно время я жил в доме около водокачки вблизи стадиона, которая неожиданно-негаданно превратилась в ночной ресторан. Тогда под окном этого дома шумели деревья и на июньских рассветах пели соловьи. А сейчас там слышится только карканье ворон и шипение шин заморских джипов.

– Помню, в то время в этом районе было много частных домов, и почти на каждом дереве был прикреплен скворечник. Я тоже открывал окна и наслаждался восторженным пением скворцов. А сколько их было на дачных участках, ныне снесённых. Мы многого лишились. Для лирика очень важно наполнять душу именно теми причудами, о которых вы говорите.

В 1971-м году я написал целый цикл стихов о деревне. Он стал основой моего первого поэтического сборника «Деревня моя деревянная». Это стихотворение было опубликовано в нескольких газетах здесь на Целине, у меня на родине в Новосибирской области. Я даже не предполагал, что в 1972-м году композитор Николай Кудрин превратил этот текст в песню. Кудрина я впоследствии заочно узнал как художественного руководителя дома культуры при авиационном заводе имени Чкалова в Новосибирске. Там он создал вокальную группу «Ваталинка». Сибиряки знают, что это обозначает «зазноба». Потом её стал исполнять известный Сибирский народный хор. И в том же 1972-м году в Москве в Кремлевском дворце съездов проходил фестиваль, на котором вокальная группа «Ваталинка» блеснула исполнением этой песни. Вскоре эту песню записали на Всесоюзном радио Нина Пантелеева и вокальный квартет «Улыбка». Её крутили и по утрам, и в вечерних концертах на всю страну, и по «Маяку». А потом она вошла и в репертуар Ольги Борисовны Воронец. Эта удивительная певица гастролировала в моих родных местах. Стояла лютая зима, сорокаградусные морозы, и она объехала много сёл, но увидев сверкание снега, сельские дома, облепленные сугробами, заснеженные ели, она сказала: «Такая песня, как «Деревенька», могла родиться только в таком волшебном краю». Я же, признаюсь, хотел передать свою личную любовь к деревне, но при этом вложил и второй смысл, чтобы каждый почувствовал при её прослушивании, своё отношение к селу и увидел свою деревню, будь она на Украине или в Белоруссии, на Алтае или у нас в Казахстане. В какой-то степени это был мой личный протест. В то время началась первая волна по ликвидации так называемых малых неперспективных сёл. И такая горькая участь грозила и моей деревне. Бывший председатель колхоза Виктор Евграфович Моисеенко признался мне позже, что, услышав эту лирическую песню, он принял твёрдое решение: «Не дам погубить село, о котором поёт вся страна!». Он начал строить новые здания, и моё Ядрышниково приобрело новую красоту и элегантность.

– Выходит, что хорошая песня рождает не только хлеб, но и поднимает человека с истинной крестьянской душой к защите от реформаторских экспериментов, порой весьма сомнительных. Посмотрите, нынешняя деревня унижена, разграблена, а мужик оказался пожинателем убогостей. Мне часто приходится бывать на полях: щедрых, урожайных и запущенных. Сегодняшние поля в основном засевают старики. Молодёжь по-прежнему отчаливает и держит курс на города. Разрастающиеся вокруг столицы хутора, увы, это далеко не спутники столицы в архитектурном и в житейском плане, о которых мы наслышаны и перенаслышаны. Заселяются пустоцветами. Кто же завтра будет засеивать и возделывать нашу ниву? Думаю, что эти грустные мысли бередят и тебя, Владимир Романович.

– Я разделяю эту тревогу. Последнее время всё чаще и чаще я посещаю свои родные места. Деревни тают, как весенние сосульки. Кап-кап-кап, кап-кап-кап и нет сосульки. Испаряются, как мартовские проталинки. Едешь просёлками, и не верится – года два назад здесь ещё колосилась рожь, а теперь эти земли покрылись бурьяном, пустыри лесом зарастают. Есть деревни, в которых доживают свой век всего пять-шесть стариков. Но есть и сёла, которые сохранили своё величие и самобытность. Печалит то, что немало сёл на последнем издыхании, находятся в коме. В этом плане всё-таки в Казахстане отношение другое к

крестьянской жизни. Наш президент провозгласил несколько очень важных программ, дающих возможность поднимать и экономику, и культуру, и не хоронить аграрную составляющую нашей страны. Нужно только засучить рукава всем – от министров до простого пахаря – и превратить все замыслы главы государства в реальность. Хватит поглядывать на города, надо привести в движение весь сельский люд. Не митинговать и произносить пафосные речи, назрела необходимость аксакалам провозгласить свой клич «Вернитесь, сыновья, в свой дом родной!». Бросать село – это грех, тем более поглядывать на него с высокомерием. Пусть, мол, там живут недотёпы и неудачники. Это вредная философия. Посмотрите, сколько раньше в сёлах насчитывалось молодёжи, и с каким энтузиазмом она рвалась в те же чабанские бригады или строительные подразделения. Даже в самом маленьком селе был свой книжный магазин, и любой томик был доступен по цене. Библиотеки считались центрами повышения эрудиции. Не было месяца, чтобы в село не заезжал лектор общества «Знания». Кстати, в России они сохранились. И эти познания превращались в своеобразную академию, которая утверждала главную формулу жизни – просвещение, единение и созидание. Кто только сегодня не провозглашает себя академиком. Сплошная профанация.

Село переполнено обидами. Много пустующих земель. На днях из уст самого президента услышал требование: «Хватит пустовать землям, заберите её у разгильдяев и отдайте тем, кто сможет использовать полезно».

Посмотрите, какого чуда достиг наш общий друг, доктор сельскохозяйственных наук Галим Кулжанович Кудайбергенев, который принял целую группу разорённых сёл и дал им вторую жизнь. Сотни людей, которые уже было опустили руки и потеряли веру в справедливость, ныне работают на хлеб, на выращивание кормовых культур. Старые сёла помолодели. Вокруг них плещутся водоёмы. Построены десятки плотин. Численность скота в личном дворе увеличилась в несколько раз. Но при этом успешно возрождаются и фермы при каждом хозяйстве, которые сейчас специализируются на производстве говядины знаменитой казахской белоголовой. Кудайбергенев занялся садоводством, выращиванием картофеля на поливе. В заброшенном озере развели рыбу, в том числе и деликатесных пелядь и рипуса. Даже перепёлки выращиваются любителями разнообразия птицеводства, и грибы вешенки. Естественно, что в хозяйства, которые сейчас оснащены новейшими механизмами зарубежного образца, работающие под контролем космической электроники, потянулись молодые люди. И все работают здесь с огоньком. Вот бы той же Акмолинской области занять хотя бы с десяток таких организаторов, как Кудайбергенев. Назову и Ивана Адамовича Сауэра, чей опыт стал маяком для прогресса на селе. Но при этом я часто вижу, как село навещают новые теперешние владельцы земель, крупные магнаты, только для того, чтобы сорвать очередной куш. Вот потому-то и получается, что сегодня ценники на рынках вызывают и горечь, и ироническую улыбку: бананы и апельсины у нас дешевле, чем огурцы и помидоры. Убеждён, в министерствах у нас много чиновников, но мало, как мне кажется, компетентных людей, которые бы знали сельскую жизнь.

Вслушайтесь, сколько сегодня разговоров о самозанятости. Я тоже сторонник любой инициативы, которая избавит Казахстан от безработицы. Но где луга, где компактная техника для заготовки сена? Кто поможет желающему заняться животноводством построить скотобазу? Не секрет, что многие люди получают в банках от ворот поворот. Кстати говоря, и в Америке фермер стал героем вчерашнего времени. Там сельхозпроизводство базируется на крупных предприятиях. Мы же долго рубили сук, на котором сидели: ликвидировали колхозы

одним махом и совхозы, ликвидировали профтехучилища, где готовились кадры села. Человек, который предоставлен сам себе, чувствует себя в пустоте. Работать в одиночестве не решались даже те, кто охотился на мамонтов.

– Владимир Романович, вы упомянули Ивана Сауэра. Я частенько встречаюсь с людьми этого хозяйства. Здесь как-то побывали представительная делегация американцев. Они обомлели, когда увидели разливы пшеничных нив. Здесь каждый год появляется что-то новое. Только в этом году построен зимний хоккейный корт, возведён православный храм, рядом строится летняя детская площадка для развлечений ребятишек любого возраста. Каждая мама новорожденного ребёнка получает из рук директора конверт со 100 тысячами тенге. Люди здесь живут как у бога за пазухой, и тем не менее, услышал от одной девчонки, что она засобиралась в Астану. Спрашиваю, почему. А там, мол, у вас в столице даже есть ночные клубы со стриптизом. Вот те на! Досмотрелись передач Ксении Собчак и новостей о бесконечных женитьбах и разводах московских «звёзд».

– А насчёт этого у меня такое мнение: человеку, увлечённому делом, особенно выращиванием хлеба насыщенного, не до ночных клубов. Мы перестали в наших газетах возвеличивать труд сельчан. Помните, в наши времена мы писали радиопэмы о чабанах или парнях, которые становились доярками? Наше время родило блестящую поэму «Земля, поклонись человеку», она посвящена покорителям космоса. Вот такое уважение должно быть проявлено и к людям сельского труда. К сожалению, сегодня журналисты больше привыкли к городскому асфальту, и бездорожье деревенских глубинок их просто пугает. Недавно ко мне в редакцию журнала «Нива» зашёл Куандык Рамазанов, который болеет душой за сегодняшнее состояние сельского хозяйства. Он выразил желание взять Новомарковку и сделать всё, чтобы возродить то хорошее, что там было.

И ещё об одном скажу. Многие сельчане нынче получают не по своей вине мизерную оплату, а порой вместо денег по-прежнему действует бартер. Чаше всего это лапша, крупа, макаронны или другие продукты местного производства. Крутые разъезжают на дорожных машинах, а работяги довольствуются дыркой от бублика. Нужно чаще обращаться к душе села. Без этого мы превратимся в манкуртов. Кем бы ты ни стал, ты должен дорожить памятью своих предков. И так уже и в русских, и в казахских текстах, которые приходят ко мне, как редактору, мельгешат английские слова.

– Все поэты с особой нежностью и трепетом описывали село, которое их наполняло духовно. И. Суриков: «Вот моя деревня, вот мой дом родной...». В «Евгении Онегине» А.С. Пушкин прямо пишет: «Я был рождён для жизни мирной, для деревенской тишины...». Деревню воспевали Сергей Есенин, Николай Рубцов. Вот и твоя «Деревенька» напоминает всем веснушчатую черёмуху, которая стоит под окном. Пусть эта песня нас возвращает и возвращает на нынешнюю сельскую улицу. Поэтому спасибо поэту за песню, которая продолжает жить в наших сердцах.

С юбилеем, песня!

– Спасибо за беседу и нашу встречу, Моисей Михайлович.

Моисей ГОЛЬДБЕРГ

г. Астана.

Мы все осиротели без него

Несмотря на все многочисленные регалии, государственные награды и почётные звания, Владимир Романович Гундарев звёздной болезнью не страдал. Всегда открытый, доступный и доброжелательный он с неподдельным интересом «на равных», общался как с руководителями высокого ранга, так и с начинающими авторами, любителями поэзии – студентами, рабочими, домохозяйками, пенсионерами.

Как и другие подписчики «Нивы», я забирала свежий номер журнала из офиса. Из-за загруженности на работе приезжала в редакцию по воскресеньям, зная, что главный редактор и в выходной день «на посту».

Мне нравилось припарковать машину в старом дворике, легонько постучать в окно на первом этаже, а потом, в подъезде, неспешно поднимаясь по ступенькам, видеть как открывается дверь в квартире № 13 и в дверном проёме появляется САМ МАСТЕР, всегда элегантный, торжественный, излучающий хорошее настроение.

В офисе пахло хорошим английским табаком, на рабочем столе высокой стопкой лежали чьи-то рукописи, которые Владимир Романович, по старинке, редактировал собственноручно. Тут же громоздились сувениры, словари, справочники. В пепельнице красовалась неизменная «гундаревская» курительная трубка, на дымок которой, по словам Мастера, «слетались музы»...

У него была удивительная память. Он помнил все номера «Нивы» более чем за 20 лет, фамилии и имена авторов, названия повестей и рассказов, и даже стихов!

Любил неспешную и доверительную беседу. Интересовался, и его интерес был искренним, что именно «зацепило» меня, как читателя «Нивы», в прошлом номере, а что не понравилось. С гордостью демонстрировал новый, ещё пахнущий типографской краской, журнал. Рассказывал о творческих командировках, интересных встречах, радовался тому, что из месяца в месяц растёт количество пользователей сайта журнала и сокрушался, что не хватает финансовых средств и технических ресурсов для организации электронной подписки и рассылки, что уже давно используется литературными журналами в международной практике.

Потом он «смотрел» мои новые стихи или рассказы. Читал неторопливо. Я знала, что он на похвалу скуп, но не терпелось узнать мнение корифея:

– Ну как, Владимир Романович?

– Искренность подкупает, подкупает... Беру в печать!

Хотелось бы отметить ещё одно редкостное по нынешним временам качество главного редактора «Нивы» – уважительное отношение к автору. Он мог позвонить и сказать: «Готовлю новый номер журнала... Читаю строки вашего стихотворения «За мечтой»:

А солнце словно рухнуло с небес,

На сотни миль песчаный знойный ад...

и хочу посоветоваться: не лучше ли слово «мили» заменить синонимом?

– Но «километры» нарушат ритмику и размер стиха!

– А как насчёт исконно русского слова «вёрсты»?

Так в моем стихотворении появились «вёрсты». Всего одно слово, а за ним проявление высокой этики руководителя республиканского издания, ценящего не только каждую минуту своего драгоценного времени, но и уважающего авторство, как одно из проявлений личности. Это мог позволить себе только большой Мастер, для которого слово – зёрнышко, пусть малое, но своё, родное, на благодатной «Ниве» сохранения и приумножения традиций русской классической литературы.

Владимир Романович никогда не подписывал и не дарил свои книги в спешке. Он, как маг, вынимал из большого кожаного портфеля или доставал из тайных глубин редакторского стола, новый, заранее подписанный сборник стихов и торжественно вручал адресату. Для каждого находил особенные слова. И теперь, перечитывая дарственные надписи, выведенные аккуратным мелким «гундаревским» почерком, как-то иначе, по-новому воспринимаешь то, что он хотел сказать именно тебе...

Для меня особо памятна его авторская надпись на сборнике стихов «Розы и полынь»: «... К сожалению, в отличие от Вас, у меня нет никакой тайны, все мои чувства открыты всем, без малейшей утайки, словно выстиранное хозяйкой и вывешенное на дворовой площадке белье для всеобщего обозрения (шучу)...».

Эти строки всегда будут напоминать мне о том, как по совету и с подачи Владимира Романовича в 2009 году вышел в свет мой первый сборник стихов и рассказов, опубликованных в журнале «Нива» в разные годы. Учтя, что каждый читатель открывает новую книгу в поисках откровений, я назвала своё детище по одноименному стихотворению «Есть тайна у меня».

На презентации сборника в Российском центре науки и культуры в Астане главный редактор «Нивы» сказал: «... Среди произведений нашего автора особенно хочу отметить повесть «Почему я выбрала папу». Обратите внимание на эту повесть! Она отличается от других написанных ею вещей. Галина Гавриловна своим творчеством продолжает традицию женской прозы в русской литературе...».

С лёгкой руки Мастера вышеуказанная повесть была опубликована в российских литературных журналах «Москва», «День и Ночь» и других, вошла в интернет-издание «Мегалит».

А ещё меня, как филолога, восхищала высокая гражданская позиция Владимира Романовича, его особое отношение к статусу и сохранению чистоты русского языка в Казахстане, а так же верность традициям русской классической литературы. Он был настоящим радетелем языка Пушкина, Толстого, Достоевского... Называл себя «Я – трудяга-хлебороб на ниве русской речи».

Откройте любой номер журнала, на его страницах вы не найдёте грамматических ошибок, идиоматических выражений или ненормативной лексики.

– Да, в этом плане «Нива» – как целомудренная девушка, – любил пошутить главный редактор.

И никогда, даже в самые трудные времена перестройки, на страницах журнала не было публикаций с пометкой «на правах рекламы». Благодаря горячему энтузиазму, зачастую и альтруизму главного редактора, «Нива» никогда не теряла своего лица.

И сегодня, в нашем быстро меняющемся мире, именно языковая культура казахстанского литературного журнала, интернациональный и международный авторский состав, продолжают привлекать в Интернет-ресурсах читателей из более чем двадцати стран мира, в том числе из России, Беларуси, Украины, Киргизии, Австралии, Германии, Греции, США, Канады, Южной Кореи... И для многих бывших наших соотечественников, ныне проживающих в дальнем зарубежье, публикация в «Ниве» – единственная возможность познакомить широкого читателя со своим творчеством, а для нас – из «первых уст» узнать о перипетиях жизни эмигрантов.

На территории постсоветского пространства второго такого журнала, как наша казахстанская «Нива», просто нет!

В тот траурный день я принесла Владимиру Романовичу букет гвоздик...

На гражданской панихиде у театра русской драмы, стоя среди скорбящих астанинцев, потрясённых неожиданностью и непоправимостью утраты, слушая горькие слова прощания, я подумала: «У всех нас был свой, неповторимый, Гундарев. Как же нас много, и как мы все осиротели без него!».

И неожиданно в небе прогремел далёкий раскат грома.

Должно быть, это его высокая душа прощалась с нами...

Галина ВИШНЯКОВА

О Человеке и Поэте

Известно: человек так устроен, что потери со временем стираются в памяти. Их вытесняют новые проблемы и заботы, и пустота постепенно заполняется. И в памяти, в конце концов, если ушли не близкие люди, остаются только едва заметные шрамы.

Но есть такие редкие личности, с которыми-то и при жизни не был особенно близок, но когда они внезапно уходят, то, вдруг образовавшийся вакуум, заполнить никак не получается.

Вот к таким людям относился Владимир Романович. Я с ним встречался не так уж часто, максимум, один-два раза в год, когда, бывая в командировках по профессиональным делам в Астане, заезжал иногда в редакцию. Первый раз это было в 2005 году, после первой публикации подборки моих стихов в «Ниве». Посылал их на удачу, но к моему некоторому удивлению они были опубликованы.

Приехал, предварительно созволившись. Чувствовал себя не совсем своей тарелке, наверное, побаивался характерной для многих профессиональных литераторов корпоративной снисходительности или снобизма, особенно к выходцам из другой, негуманитарной среды. С этим мне ранее неоднократно приходилось сталкиваться.

Вошёл. Небольшая квартира. Три человека. В отдельном кабинете сам Владимир Романович. Курит трубку. Вокруг рукописи. Уже не помню, что он сказал, но я почувствовал себя близко знакомым с ним не один десяток лет... Рассказал о себе, о долгом пути в литературу, проблемах науки и высшего образования в Казахстане. Говорили достаточно долго...

С тех пор я стал автором «Нивы», ежегодно мои подборки печатались в журнале. На каждой последующей встрече темы наших разговоров не менялись: литература, русский язык, опять образование. Эти проблемы постоянно волновали Владимира Романовича. Близко к сердцу принимал исчезновение, как класса, литературных корректоров, в результате чего в газетах и журналах появилось безумное количество ошибок. С болью говорил о непродуманных реформах в русском языке. Однажды сказал, что собственноручно во всех рукописях восстанавливает, практически выведенную из употребления букву «ё». Мне стало неудобно, так как сам этой буквой уже не пользовался. С тех пор вернул её в оборот. Как-то я неудачно пошутил, что, наверное, не надо публиковать всех: графоманов слишком много, а в ответ услышал: «У каждого кто пишет, должен быть хотя бы один шанс. И этот шанс я ему даю». Он действительно давал шанс...

Мне было с ним интересно, и, надеюсь, ему тоже.

Года три назад, когда В.Р. Гундарев был в Караганде вместе с главным редактором «Казахстанской Правды», то позвонил мне, и мы поехали в Карагандинский экономический университет. Я первый раз видел, как Владимир Романович выступает публично. С аудиторией он разговаривал точно также убедительно, просто и доходчиво, как и у себя в редакции.

Скольким начинающим поэтам и прозаикам Казахстана, зарубежья он открыл дорогу в литературу?

И хоть Владимир Романович сам был Поэтом, в нём не было поэтической самовлюблённости и эгоцентризма. Писал, как дышал...

Вообще, до сих пор непонятно, как он больше 20 лет вёз этот воз, под названием «Нива», на себе. Да ещё в такое время, когда литература мало кому была нужна. Но журнал состоялся, получил признание в республике, за рубежом...

Но дело, конечно же, не только в журнале... Ушёл из жизни бескорыстный человек редкой для всех времён породы, личность, которая вела за собой многих. Он был примером уникальной преданности делу. Его оптимизм, стоящий на твёрдой земной почве, заражал. После общения с ним хотелось жить и писать...

Прошёл год, как ушёл В.Р. Гундарев, но ничего не заросло. Пусто. Без него трудно дышать. Нас с детства учили, что незаменимых людей нет: уйдёт один, придёт на его место другой, и лучше или хуже будет делать то же дело... Оказывается, есть незаменимые... Их немного. Но такие люди необходимы, как кислород. Я могу только повторить строки, которые были написаны год назад, 27.08.12, когда ...

Памяти В.Р. Гундарева

Скажи, зачем ты забираешь, боже,
К себе на небеса, ещё до срока,
Из самых лучших, их ведь так немного.
А нам что делать, спрашиваю всё же?
Возможно ль жить по-прежнему, дыша,
Когда без них ссыхается душа.

Иосиф БРЕЙДО

г. Караганда.

Без веры — словно днём без солнца

Вряд ли найдётся человек, который мог бы состояться без встреч с людьми, влияющими на его жизнь. Мне очень повезло не просто встретить таких людей, но и быть близко знакомой, дружить со многими из тех, для кого вера в добро, порядочность, любовь, честь – критерий жизни, мироощущение. Владимир Романович Гундарев – известный поэт, прозаик, главный редактор широко известного не только в Казахстане, но и в ближнем, и дальнем зарубежье журнала «Нива» и просто хороший человек – из той особенной когорты людей, соприкосновение с которыми не может пройти бесследно, не изменив, что-то важное в твоей душе, помогая обрести надежду и веру в жизнь!

В.Р.Гундарев – поэт, прозаик, публицист, переводчик, он автор более двух десятков книг, среди которых двенадцать поэтических. Ставший для многих уже привычным, образ тонкого лирика и главного романтика страны, связан не только с его проникновенной поэзией, но и с ним самим, его неординарной личностью. Каждая встреча с ним озарена необыкновенным светом души, неиссякаемым юмором, благородством...

С чего начать разговор с известным поэтом? Конечно, же, с чтения новых стихов. И я прошу Владимира Романовича почитать что-нибудь из последнего. Комната наполняется глубоким бархатным баритоном, проникновенно декламирующим, задевающие самые потаённые уголки сердца, строки:

*Шесть раз уже мог я уйти в мир иной,
Покинуть внезапно земную обитель.
Но чудом спасался – был рядом со мной
Мой ангел-хранитель, мой ангел-хранитель.*

*Не набожен я, не смиряю страстей, -
Тогда почему же незримые нити
Греховой, неправедной жизни моей
Не выпускает мой ангел-хранитель?...*

Стихотворение продолжается, а меня в который раз потрясает искренность и прямота поэта. Не каждому дана смелость – быть честным. А В.Гундарев, попав за свою жизнь под разные «ветры перемен», сумел сохранить в себе эту данность, не растерял цельности своей удивительной натуры. То, что мы называем внутренним стержнем, в его случае - в гармонии с чистым, радостным взглядом на мир. Данность человека, обладающего редким даром быть ответственным: «Но если я еще хоть что-то значу, – / Всё, что могу я на себя беру!» и одновременно тонкого, нежного лирика, провозглашающего: «Всё равно я живу на планете Любви!». Он такой и в жизни, и в творчестве!

Лирический герой В. Гундарева, каждый раз проходя очередную ступень испытания, рождается заново, обретая силы и мудрость идти дальше.

*«Хоть и шёл я на пределе сил, –
Для себя – неся свой крест – у Бога
Ничего я всё же не просил»...*

*«Я стремился пристальней взглядеться
В блики будней, в милый лик земли,
Чтобы стали исповедью сердца
Строки сокровенные мои»*

А известный казахстанский литературовед В.В.Бадиков, анализируя его творчество, отмечал, что поэзия В. Гундарева «имеет очень личный исповедальный характер и потому, наверно, производит впечатление очистительного покаяния, который и есть залог духовного «второрождения»».

Человек – Владимир Гундарев испытал утраты и обретения, безответные и взаимные чувства, взлеты и падения, как и его герой, возрождается с обновленной душой, чтобы не просто идти дальше, но и вести за собой тех, за кого он в ответе. Для меня его образ – с неизменной трубкой и скандинавской бородой ассоциируется с образом Капитана. Надежного, сильного духом, непокорного никаким бурям человека. Того, кто покидает свой корабль последним...

Вошла деревня поимённо в его сыновнии стихи

По-разному воспринимают друзья и близкие, его, ставший уже каноническим внешний вид. Кто-то зовет его – Хемингуэй, кто-то – Шкипер, кто-то запросто Романыч. Но лишь земляки, в родной сибирской Кыштовке, как, и тогда, после смерти отца, называют его Романом. «Мне говорят все – не Романович, / А как отца, зовут – Романом».

*Стал неожиданно за старшего
В своей потерянной семье я.
... Меня отцовским звали именем,
И в этом горькая есть гордость! –*

напишет Владимир Гундарев в стихотворении «Имя». Его благоговейная любовь к отцу, к земле на которой родился он и его предки, впитанная с молоком матери, взлелеянная отцом, проходит через всё его литературное творчество, живет в душах читателей и такими вот строчками:

*И было так легко и радостно
Мне находиться рядом с ним.
Был хлебопёком поразительным,
Когда стоял он у печей, –
Деревня вся ходила сытая
От аромата калачей.
Мастак на шутку и на дельное,
Себя он тратил не деля,
И в пляске тоже он выделявал
Такие чудо-кренделя,
Что вся земля большая, сдобная,
Под ним ходила ходуном...*

Видимо поэтому так важно для поэта было сохранить поименно память о людях. Именно из детства у него это особое отношение к Имени, к тому, к чему оно обязывает. И хотя находились и такие, кто заявлял ему, что в стихах «имена совсем некстати», Владимир Гундарев удивительно гармонично превращает Имя – в поэтический образ. Даже к своей «Деревеньке», известной на всем пространстве СНГ, и до сих пор любимой всеми, как народная песня, он обращается такими словами:

*Тебя называю по имени-отчеству,
Святая как хлеб,
Деревенька моя.*

Оттуда, из детства и это его высокое чувство ответственности, потому что «Нас честными отцовскими глазами / Оценивает время непрестанно». Его желание помогать и быть в ответе за все, что происходит в современную

ему эпоху. Это чувство, как и всепроникающая любовь тоже становится главным в его литературном творчестве. И поэтому сегодня, уже в новом цикле «Моя деревня умирает» звучат не менее пронзительные, но и щемящие, саднящие болью строки:

*Мертвынь от края и до края.
Безмолвье нагоняет жуть.
Моя деревня умирает.
Душа в ней теплится чуть-чуть.
И покаянно молит о прощении
К её останкам припадая,
Молю её в конце пути:
Прости меня, моя родная,
Я не могу тебя спасти.*

Своих первых учителей он тоже помнит и чтит поименно: Михаила Фёдоровича Чебыкина, Леонида Павловича Полукеева, Раису Павловну Рассказову, взрастивших в нем, деревенском мальчишке любовь к высокому Слову, разбудивших его поэтический порыв. Им посвятил он своё стихотворение «День учителя»:

*Ты – нашей благодарности не жаждал,
Не ждал письма к началу сентября,
Хотел лишь одного, чтоб мы однажды
Не подвели, учитель мой, тебя.*

Именно Раиса Павловна Рассказова напишет своему бывшему ученику, с каким теплом и почётом принимали в Кыштовском районе Ольгу Борисовну Воронец, исполнявшую в своих концертах всенароднолюбимый шлягер «Деревенька моя». И как гордилась она своим Володей.

В те годы песню исполняла и солистка Сибирского народного хора Галина Меркулова и на всесоюзном радио заслуженная артистка России Нина Пантелева с вокальным квартетом «Улыбка», и ещё многие профессиональные и самодельные коллективы.

«Деревеньку» я слышал в разном исполнении, – признаётся Владимир Романович, – Но особенно был растроган, когда приехал погостить в родительский дом (а песня тогда уже стала популярной), и вдруг мамини подруги, перемигнувшись, её запели. И столько в их непоставленных голосах было искренности, задушевности. Испытать такое – это счастье! Это высшая награда для автора от земляков. Это моими словами они выражали любовь к родной стороне. Никогда этого не забуду. Это было сродни тем чувствам, которые испытал, когда увидел свою первую поэтическую публикацию».

Владимир Романович вообще с особым почтением относится ко всем, кого считает своими учителями. Его стихотворение «Еврейский шолом Казахстану», посвящённое патриарху журналистики и учителю М.М. Гольдбергу, стало, по мнению литературоведов, каноническим.

И вновь вспоминая свои школьные годы, Владимир Романович, вдруг раскрывает секрет своего первого, написанного во втором классе стихотворения – оно было самым коротким в его творчестве, всего из двух строк, и процитирует:

*Вытаращив глаза,
Бежит по дороге коза.*

«Вот так, – шутит Гундарев, – Кто-то на Пегасе врывается в литературу, а я на козе!..». Юмор – ещё одна неотъемлемая часть его широкой души, без которого не возможно представить и живой, волнующий язык его творчества! «А если серьезно, – продолжает Владимир Романович, – впервые моё стихотворение опубликовали в районной газете, мне было тогда 14 лет. Тогда стихи печатали и

в газетах, и это было здорово, если учесть, что они выходили огромными тиражами, то можете представить, какое количество людей приобщалось к живому поэтическому слову. Да и отношение к писателям тогда было особенное – они были обласканы вниманием Государства и читателей, были нужны, востребованы, оценены... В те времена новый номер газеты вывешивали вечером предыдущего дня на специальные стенды. Я как сейчас помню то волнение и предчувствие неописуемого счастья, когда в нетерпении ходил под дверями типографии в ожидании номера с моим стихотворением. И тот восторг, когда увидел заветный столбик, под которым стояло мое имя. Знаете, а ведь и композитор Николай Михайлович Кудрин прочитал мое стихотворение «Деревня моя деревянная» в газете, в которую ему на станции завернули в буфете пирожки. Его величество Случай! Тогда мы с ним не были даже знакомы. И позже, когда по воле судьбы Кудрин оказался в командировке в Кыштовском районе, и заведующая клубом с гордостью за земляка дала ему подборку моих стихов, он с радостью произнёс, что у него тоже есть газета с моим стихотворением. А позже появилась на свет знаменитая песня».

Деревня остается и сегодня музой поэта. Свою радость и боль, восторг и смятение посвящает поэт месту, откуда он родом, где жили и живут ещё такие же, как он «Люди крепкой породы и нежной души».

Певец религии земли

Казахстан стал ещё одной Родиной Владимира Гундарева, приехавшего в начале шестидесятых покорять целину. Семнадцатилетним мальчишкой в 1961 году он был зачислен штатным корреспондентом Целинного краевого радио, а через два года стал членом Союза журналистов СССР. Так начиналась трудовая биография яркой судьбы человека, поэта, выразившего сегодня так свои чувства:

*Возрастал я на целинной ниве,
Стала близкой мне степная даль.
Вряд ли был бы без неё счастливей,
Высоты достиг бы я едва ль.*

*Здесь живут мои по духу братья,
Нашу дружбу трепетно храня.
Казахстан, раскрыв свои объятия,
Родиной второй стал для меня.*

*А с друзьями всякая невзгода
Пылью рассыпается вдали.
«Русский сын казахского народа», –
Неспроста меня так нарекли.*

Много поэтических строк и правдивой искренней прозы неравнодушного человека написано Владимиром Гундаревым о Казахстане, целине, людях разделивших судьбу с эпохой. «Эту землю поднимали нервы, там, где не выдерживала сталь. / ... Юность поднимала земли эти, зрелость, обретая на земле» – как пронзительно и точно. Ведь и целинников чтит В. Гундарев в своих стихах поименно, сохраняя для истории подвиги будней Зайчуковой и Макарина, Малгаждарова и Довжика, Скрыля и Дитюка, Киреева, Карпухина и многих, многих других. Он, объясняясь в любви и преданности земле, провозглашает:

*Из всех сошедших на людей религий
Я верю лишь в религию земли.*

Поэт воспевает Казахстан с искренней сыновней любовью и благодарностью земле, на которой он состоялся. Поклоняясь хлебу и труду людей, взрастивших этот хлеб. Любовь - и есть патриотизм! Его жизнь, звучащая стихами – яркое тому подтверждение!

*Я здесь не просто так живу, –
Живу,
чтоб быть счастливым.
Я, словно колос здесь окреп,
Земля со мною крепла.
... Как сладко проседает степь,
Тяжёлая от хлеба!*

Но одним из главных его плодородных полей стало литературное поле – созданный в непростые времена литературно-художественный и общественно-политический журнал «Нива», где уверенно созревает каждый колос, что вливается в урожай, зовущийся многоязыкой казахстанской литературой, и вместе с тем прорастают первые ростки творчества, окруженные вниманием и поддержкой. «Я удивляюсь и радуюсь тому, – признается Владимир Романович Гундарев, – что в наши непростые, подчас тяжёлые времена у молодёжи сохранилась тяга к поэзии. Ведь во времена нашего становления, мы были очень востребованы. Не было отбоя от предложений. Создавались писательские бригады, которые выступали в клубах и школах, выезжали в сельскую местность, добираясь до самых дальних отгонов. Люди с интересом нас слушали, они нас знали, хотя тогда ещё не везде было телевидение. И мы с удовольствием выступали, чувствовали ответственность за слово. Сегодня у поэта нет читателя, нет слушателя, нет обратной связи – это неправильно. И если некому поддерживать молодых, то ведь кто-то должен это взять на себя. Я помню, как относились ко мне, когда я еще ничего не значил, мои старшие коллеги. С каким теплом, доверием, вниманием. Поэтому и сам стараюсь на страницах своего журнала по мере возможностей поддерживать начинающих литераторов, ведь пишущих людей сейчас не меньше, чем раньше. И они на одном энтузиазме создают свои произведения, становятся нашей литературной сменой. Преемственность поколений всегда была одной из лучших традиций казахстанской литературы. Будем надеяться, что вернется время, когда к писателям, литературным критикам, публицистам отношение будет более благожелательным. Мы сегодня забываем о том, что духовность сама собой не возникает, её нужно взращивать, пестовать и достойные авторы должны быть сохранены для будущего литературы, для будущего Казахстана». Через руки В.Р. Гундарева – редактора проходит огромное число рукописей не только со всего Казахстана, но и из ближнего и дальнего зарубежья. Именно они из года в год формируют номера журнала. Так размышляет он о себе, как о редакторе: «Свои стихи, оставив на потом, / В чужой строке искал ты самоцветы». И ведь находит, постоянно! Журнал за два десятилетия своего существования удастаивался не только престижных наград Казахстана, но и завоевывал международные призы. Как хочется, чтобы эта «Нива» и впредь колосилась! Как хочется поклониться всем, кто её создавал, воздвигал, кто заботится и сегодня о том, чтобы было живо современное литературное слово!

Души коснётся обновление

Поэзия Владимира Гундарева вся пронизана любовью – к Родине, родителям, природе, земле, женщине! «До краёв наполнен я любовью / К миру, что зовется белый свет». И это переполняющее поэта чувство жаждет действия. Он не только верит в любовь и любит сам, он жаждет делиться ею:

*Такой отрады сердцу не забыть
Она судьбу заполнила собой
И хочется
До сладких слёз любить,
Чтоб целый мир
Обрадовать любовью.*

Лирический герой В. Гундарева, как и сам автор – любит, мучается, сомневается, тревожится:

*Всё время! Постоянно! Неизбывно!
Среди забот настойчивого дня
Тянусь всем сердцем
к образу любимой:
«Как ты там без меня?»*

Любимая женщина – его муза, недостижимая, далёкая, счастливая, чувство к которой не отпускает всю жизнь, заставляет радоваться и страдать, отчаиваться и надеяться. И каждый раз разлука с ней – подобна смерти, после которой наступает обновление, появление другой ипостаси любви. А с обновлением приходит и понимание равновесия жизни:

*За счастье, за удачу,
За всё, что по плечу, –
Сполна плачу и плачу
Плачу и плачу.*

Лирический герой вместе с автором в своих страданиях обретает небесную истину. Известно, что человек разговаривает с Богом на языке совести. Нет совести – нет Бога. На мой взгляд, поэзия Гундарева – это его способ разговора с Богом. Его острое чувство ответственности, способность к взыскательности, искренность исповеди – поражают! И ведь он так не только пишет, он так живёт!

*Сужу не только жизнь свою
(Себе любой подсуден),
Я никогда не отделию
Её от общих судеб –
От поколенья своего,
По чести и по правде,
Ни от хорошего всего,
Чем мы гордиться вправе,
Ни от плохого, стольких бед,
В чём мы повинны вместе.
И нужно всем держать ответ –
По правде и по чести.
Не надо участи иной,
Минувшее итожа, –
За всё, что было не со мной,
И я в ответе тоже:
За нашу общую страну,
За землю, хлеб и время.
И разделить готов вину
Я наравне со всеми.*

Но самое, пожалуй, главное, что всем своим творчеством Владимир Гундарев не только раскрывает своё обретение веры, но и дарит другим веру в Любовь, Добро, Жизнь!!!

Римма АРТЕМЬЕВА

г. Алматы.

Трепетные строфы

Я держу в руках книгу – сборник стихов любимого поэта современности Владимира Романовича Гундарева «Душа стремится к небесам». И радуюсь. Радуюсь за него и за себя...

За него – потому что это уже вторая книжка избранного из написанных им за долгие годы поэтического труда лирических миниатюр, этюдов, поэм (первая вышла в 2009 г. под названием «Розы и полынь»).

За себя – что я успела как читатель войти в удивительный мир откровенней зрелого талантливой мастера стиха и восхититься.

Открывается же мир, несомненно, восхитительных стихов Владимира Гундарева его признанием: «Вечерняя заря» с просьбой в финале: «Моя вечерняя заря, не угасай ещё немного». А свой этюд о поэзии Гундарева сначала и хотела назвать «Ваша вечерняя заря»? И поспорить с автором книги. Вскоре же наткнулась на яркую фразу: «Всегда в борьбе с самим собой!». Тогда и решила, что это и есть точная метафора, раскрывающая прежде всего позицию автора этих строк в жизни... Однако, как мне показалось, она могла бы увести меня и других читателей от многих других лирических излияний поэта – моего земляка, помогающего юному поколению своими маленькими открытиями, например, такими, как это:

*Настоящим чувствам чужды
Заверения в любви.*

Или же ещё одно, очень важное:

Хлеб наполняет всё особым светом.

Да, прав Владимир Романович Гундарев, когда замечает, что «заставляют по-иному нас на мир смотреть поэты». Я же от себя бы добавила: такие, как Николай Гумилёв и Владимир Гундарев.

У каждого поэта свой отсчёт времени. Не ошибусь, если предположу, что у Гундарева это Целина. Нетронутые земли Казахстана в далёкие пятидесятые надо было увидеть своими глазами, услышать самому звуки пробуждающегося на них утра, встретить глаза в глаза тех, кто станет впоследствии героями его поэтических страниц.

«А всё-таки мы!»... – смело заявит поэт в посвящении герою Социалистического Труда В.И. Акуленко. Какое же «прошлое душу заполнит?» «среди неоглядя земли?» По-другому и не сказать вслед за поэтом. И перед не знающим об этом ничего читателем, действительно, вырисовываются «вагоны, снега, ковыли». Но Гундарев уже спешит помочь рассмотреть нам «то пламя зари голубое, то синь очарованных глаз».

Эпитет – редкий гость в стихах Гундарева. И если он «врывается», то остаётся в памяти обязательно – так раскошен и точен именно здесь. Подобные строки завораживают читателя именно эпитетами:

«В глухой снеговерти буранов коварен характер степной...»,

«Горячие капли тюльпанов»,

«Крутого посла судьба»,

«Шёл пар от землястых рубаш»,

«На жёстких, упрямых губах».

За этими художественными определениями встаёт герой поколения земли целинной – сильный и упрямый, отважный и крепкий, простой и душевный, готовый на самопожертвование:

*От ливней и снега собою
В буртах закрывали зерно.*

И гордый своим участием в судьбе целинных степей, верящий в их цветение.

Спасибо поэту, сохранившему память об этих дорогих днях.

Финал повествования звучит как наказ: следовать примеру отцов и дедов:

*А всё-таки мы – не другие! –
В целинные степи пришли!*

Как просто и вместе с тем необычно предстают перед нами такие с детства знакомые образы, как клён и смородина. А затем поэт ведёт нас от своей околицы и сада в парк и на лесной простор. И ты уже ощущаешь вместе с автором, как «зябко-одинок» берёзовый листок, видишь «празелень сосновых перелесков», которая «бросает вызов всем лесам окрестным, поскольку для неё ничто зима».

А как точно и по-гумилёвски смело подмечено внимательным оком Гундарева:

*Уже сейчас есть в тополиных почках
Зародыши, что станут сенью нам!*

Мотив обновления в природе переходит в утверждение поэта, что и человек в его отношениях с другими тоже обязан стремиться к чему-то иному, что чище и светлее прежних чувств: стремиться к искренности.

*Давай и мы, любимая, с тобою
Избавимся от высохшей листвы...*

Можно ещё о многом поговорить, перечитывая именно эту страницу поэта. О чём?

О сквозном природном образе, который у Гундарева так богат: лист, листовей, листок, листвою. О незаменимых никакими синонимами гундаревских метафорах (жухнут травы, крутит листовей, несокрушима празелень сосновых перелесков, коснется обновление и травы, избавимся от высохшей листвы и т.д.). Об открытом финале, несущем, как часто наблюдает читатель в его стихах, пафос жизнелюбия и мирозидания.

Это Владимир Романович Гундарев помогает рассмотреть по-новому небо над головой:

Ночь – как книга слепых...

Или другим сравнением прочувствовать ценность главного:

Печёный хлеб – корона на столе.

А «водой дождевою струящийся пот» ты, мой ученик, разве не видел? «В них зёрна отлиты, как медные пули», – так о колосьях пшеницы, по-моему, никто ещё не сказал.

Запало в душу выражение Владимира Высоцкого «Я не люблю...».

Владимир Гундарев же помогает осмыслить и мне, и любому, что человек, не осознавая порой, любит: «Я люблю ожидание нового года».

Но я «вижу» поэта и иным:

*Ловлю расплавленное солнце
На тёплой утренней заре.*

Как и его художественные образы, например, одуванчик.
*Вот тоненький и зябнувший подснежник,
Хмелея, пьёт болтливую капель.*

И, наконец, не назидания, а проверенные жизнью мудрые советы старшего друга смогут разглядеть в строчках зрелого поэта читатели:

*Живи в согласии с соседом,
С землёй и небом, с белым светом,
Не обижая, не травмируя...*

Или же:

*Давайте мы себя оценим
В сражениях с самим собой.*

Пленительны женские лица в поэзии Гундарева. В памяти остаются «гордые глаза, горевшие как свечи», пианистки, улыбка доярки Анны Николавны, будни фронтовой сестры – человека воинского долга, трепетный голос поэтессы Инны Потахиной, умевшей «весомым словом миг запечатлеть».

Это Гундарев сумел найти и запечатлеть миг бытия земного, когда
«набухает тень росы в ладонях подорожника»,
«пляшет дождь весёлым парубком»,
«над распахнутыми далями льётся буйство очищения»,
«опрокинуло небо мелодию ночи»,
«все в неподдельной позолоте поля»,
«и жатка колосья губами берёт»,
«здесь даже солнце пахнет хлебом и солнцем полнятся хлеба»,
«кровоточит и плачет память».

Ключевое слово поэзии Гундарева – луч. (Помните, у Ахматовой: «Молюсь оконному лучу...»). Наш поэт совершенствует этот художественный образ, который становится в его стихах сквозным:

*Чаруя ледяными сталагмитами,
Звенящим тонко
Зимним хрусталём,
Летучий луч
Касанием стремительным
Иззолотит морозный окоём.*

У меня на дачном участке за 30 лет разросся целый сад фруктовых деревьев и ягодных кустарников. Перечитывая «Этюды» поэта, я неожиданно делаю ещё открытие: так ведь это обо мне он написал тоже.

*В соавторстве,
В содружестве с природой
Пушай творится новая краса...
Благое дело –
Помогать природе,
Заботиться о будущем земли.
Чтоб каждый мог бы
Коротко и ясно
Сказать, что жил
На всём пределе сил,*

*Не погубил ни дерева напрасно
И дивные сады
В степи взрастил.*

Нередко поэт стремится к разнообразию ритмов в выражении своих чувств. Иван Бунин запечатлел однажды картину июльского дня в начале одного из своих признаний таким образом:

*И поля, и цветы, и шмели, и колося,
И лазурь, и полуденный зной...*

Владимир Гундарев, прибегнув, по-моему, к подобной форме лирических излияний, идёт дальше своего учителя-предшественника. Я не могла пройти мимо его изумительнейшего по форме стихотворения, в название которого мой учитель-поэт выдвинул только одну модальную (усилительную) частицу «И...»:

*И стало терпко на душе
От чабреца весеннего,
И слово на карандаше
Дрожит от нетерпения...*

Чудная метафора, заканчивающая первую «трепетную строфу» этого неповторимого творения Гундарева, вновь наводит на мысль: ничто не рождается само собой – нужен толчок. Всё, что создается позднее, имеет свой фундамент. Здесь я почувствовала пушкинское веяние строфы: «И пальцы тянутся к перу, перо – к бумаге...».

Но мой земляк строит своё здание, учась у мастеров прошлого, расширяя тему, обогащая своими образами, наполняя нигде не встречаемыми ранее мною сильными эпитетами, сравнениями, метафорами, поражающими читателя своей лаконичностью и точностью: «туманы вязкие, тяжёлые»; звёзды, «как одуванцы жёлтые», «и незабудки проросли в хмельном нектаре дождика». С этим в русской поэзии я ранее не встречалась.

Как и многие другие стихи поэта, заканчивается этот мини-шедевр «И...» завораживающим финалом:

*И что вокруг тебя земля,
Вальсируя, вращается...*

Вот так я размышляю над прочитанными «трепетными строфами» Владимира Романовича Гундарева.

Людмила СМИРНОВА

г. Астана

Одиночество в «машине времени»

Человек эгоистичен. Весть об уходе даже самых близких людей пронзает первой неконтролируемой мыслью: «Боже, как я теперь буду!». Но, может быть, на этом нашем «эго» и держится людская память, ощущение невосполнимости утраты.

Владимира Романовича Гундарева будет не хватать многим. Потому что тратил Романыч душевное тепло, не скупясь. А уж как, казалось, был занят: и журнал «Нива», где он практически прочитывал все рукописи на протяжении многих лет, и собственное творчество, счастливо плодотворное в последнее десятилетие. Но вот находил же время, душевные силы, чтобы, например, в каждый день рождения непременно и вспомнить, и позвонить, и найти какие-то особенно трогательные слова. Был у него, видно, в душе неиссякаемый кладёзь этих заветных слов, не поистратившихся, не поистершихся с годами.

Он говорил какие-то молодые слова, романтизировал, приподнимал и отношения, и собеседника; и скучно-прагматичное наше время ослабляло свою хватку, жизнь милостиво обновляла свои поблёкшие было краски. Нет, всё-таки был Володя неискоренимым романтиком! И жизнь он прожил чудесную – именно из-за нужности своей и щедро отпущенной ему человеческой душевности.

Продолжительная жизнь на одном месте имеет те неоспоримые преимущества, что с годами ты не одинок в «машине времени». Связанный общими воспоминаниями с людьми, ты можешь при желании или необходимости сказать: «А помнишь?» – и умчаться со своим собеседником «в туманную дальнюю даль». В нашей «машине времени» по случаю вспоминали мы с Владимиром Романовичем первое совещание молодых писателей Казахстана 1977 года, к которому и относиться наше знакомство. Я-то была молодой поэтессой из Темиртау, из литобъединения «Магнит», а вот Владимир Гундарев уже возглавлял Акмолинское областное отделение Союза писателей и сам привёз своих молодых «обстрелять» в Алматы. И был он мэтром, автором известной на весь Союз душевной песни «Деревенька моя деревянная» – с неизменной трубкой, с горделиво откинутой головой (это сигарету можно выкурить на ходу, за углом, а трубка требует основательности). После совещания и семинарских занятий писатели собирались в гостиничных номерах, приглашая и «отмеченных» молодых. Завязывались дружбы, симпатии. Жизнь счастливо распорядилась так, что больше мы уже из этого общего круга не выбивались, сочувственно следя за творчеством друг друга.

Следить-то следили. Но когда года три назад я открыла двухтомник Гундарева, вышедший к пятидесятилетию его творческой деятельности, то была поражена молодыми стихами Владимира Романовича, их упругой энергией, летящей строкой. В них бушевал ветер романтики! И тогда как-то по-другому увиделся мне и его труд главного редактора журнала «Нива», который он создал более двадцати лет назад.

Конец восьмидесятых – начало девяностых годов прошлого века охвачены были вдруг открывшейся всем свободой предпринимательской деятельности.

Пустились в это неизведанное море и предприниматели от науки, литературы и журналистики. Возникали новые журналы, газеты – несть им числа! Помнится, нам в «Вечёрке» показалось мало занятости в газете. Мы решили создать первый в Казахстане женский журнал на русском языке (на казахском журнал был). Назывался он ни много ни мало – «Айналайн – белли-симо» (к его изданию наш коммерческий директор, бывший военный, привлёк итальянцев, очень быстро, впрочем, от затеи отказавшихся). В результате при всём нашем старании вышло всего три его номера. Но двигала-то

нами, помимо профессионального интереса, святая вера в возможность заработать. Ниша-то была свободна!

И потому, когда в 1991 году встретила я в Темиртау, у Дмитрия Оськина, Владимира Гундарева, приехавшего на Карагандинской металлургической завод просить помощи для открытого им для писателей и читателей Сары-арки литературно-художественного журнала «Нива», я взревновала, потому, как тоже приехала за поддержкой. Ведь я как-никак местная, темиртауская! Но доброты и Дмитрия Васильевича Оськина, и директора Карметкомбината Александра Григорьевича Свичинского хватило на нас обоих. Володя увёз в Акмолу для сотрудников вместо зарплаты чемодан женских зимних сапог (получаемых тогда за металл на бартер), и мне книгу стихов «Диалоги с надеждой» выпустить помогли.

Но я собственно о том, какими немислимыми трудами добывал Владимир Романович средства для выпуска журнала. Не каждый бы выдержал! Был только один льготный период в этом изматывающем двадцатилетнем марафоне – это когда журнал выходил «под крышей» – во всех смыслах – и финансировании «Казахстанской правды». Много помогал тогда «Ниве» своими литературными связями и главный редактор «Казправды» Валерий Михайлов. В это время мне тоже довелось работать с Владимиром Романовичем, так сказать, на одной ниве, ближе узнав его и как руководителя, и как человека.

Но вот наступило время X: сменившееся руководство газеты предложило Гундареву продать журнал, с тем, чтобы приспособить его детище более к нуждам политико-идеологическим. Казалось бы, удача сама шла ему в руки: у него забирали журнал, требующий от него столько сил, а давали деньги – выходи на пенсию, твори свои вирши, ездь на любимую рыбалку – живи в своё удовольствие! Но – не отрекаются, любя. Журнал никогда не был для Гундарева предприятием коммерческим, и он никогда не был предпринимателем. Он был романтиком, служителем муз, свято верившим в необходимость своей «Нивы» людям. И эта вера его вела все двадцать лет и не дала погибнуть журналу.

Владимир Романович любил свой журнал, любил своих сотрудников, любил своих авторов. Помню, как внимательно и доброжелательно относился главный редактор к присылаемым нами, сотрудниками из Алматы, материалам. Радовался удачам, которые могли украсить журнал. А в нём тогда работали Эдуард Джилкибаев, Эльмира Пашина, вскоре ставшая главным редактором газеты «Вечерняя Алма-Ата», сменившая её Алёна Швыдко. Таким перьям могло позавидовать любое издание. Помню, как он загорелся, узнав о моём знакомстве с вдовой поэта Николая Титова Марией Алексеевной Бушмакиной-Титовой, и возможности опубликовать её воспоминания. Трагична сама судьба сведшего счёты с жизнью поэта, а ведь в молодые годы его связывала дружба с Павлом Васильевым! После долгого забвения журнал опубликовал статью о Николае Ильиче «По друзьями пробитому следу...», переписку Н.Титова с вдовой Павла Васильева – Еленой Вяловой-Васильевой и большую подборку лучших стихов Николая Титова. Это «Нива» свела директора Дома-музея Павла Васильева в Павлодаре Л.С. Кашину с семьёй Николая Титова, и музей обогатился новыми материалами о Павле Васильеве и поэтах его круга.

Так же гордился Владимир Романович появившимися в журнале с подачи Валерия Михайлова литературными мемуарами народного артиста СССР, выдающегося хорового дирижёра, тридцать лет руководившего Казахской хоровой капеллой Анатолия Молодова «Мне довелось испытать из родника...». Это «Нива» первой опубликовала повесть Константина Кешина «Любовь хулигана» о любви Сергея Есенина и Августы Миклашевской. Вышли в Ниве и документальные повести Сергея Куняева о Сергее Есенине и Павле Васильеве. И замечательный, можно сказать эпохальный для нового века роман о коллективизации Николая

Скромного «Перелом». Удачей журнала стала позже и публикация «Хроники смутного времени» Юрия Поминова. Да и много других было хороших авторов и произведений – Виктора Мосолова, Бахытжана Канапьянова, Орынбая Жанайдарова, Владислава Владимировича, Татьяны Фроловской, Светланы Ананьевой, Александра Матвеева, Евгения Титаева, Ольги Григорьевой, Владимира Шестерикова, Николая Алексеева, Виктора Семерьянова, Сауле Беккуловой, Людмилы Енисеевой...

Да, случалось «Ниве» публиковать и заведомо слабую прозу или стихи. Но все знали – это издержки душевности главного редактора, который выделял и привечал всякого пишущего человека. А уж в среде литераторов-членов Союза писателей для Романыча не было «своих» и «чужих», не было «удач» и «неудач». У него все были своими, и всякому овощу уготована была своя грядка! Он искренне верил: нужно радоваться всем всходам на литературной ниве, время само безжалостной рукой вырвет слабые и не жизненные всходы.

Да, порой Романыч увлекался международными фестивалями и конкурсами, и привозил с Запада разного рода золотые и платиновые призы, свидетельствовавшие, что его «Нива» – во всём мире самая, самая... Но право же, те усилия, которые тратил главный редактор на издание негосударственного литературно-художественного и общественно-политического журнала будущей столицы Астаны достойны и бриллиантовой звезды! К всеобщей радости нашей, в последние годы он получил такие заслуженные награды, как Международная премия «Алаш» Союза писателей Казахстана, российская Пушкинская медаль. Думаю, он им сам искренне порадовался.

Я вспоминаю его приезд на один из Пленумов Союза писателей. Расходиться после официальной части не хотелось, мы друженько посидели в «Просторе» и вышли из здания в солнечный, светлый от золотящейся листвы город. А что может быть лучше для прогулки, чем Алматы в сентябре? Владимир Романович сказал, что у него назначены встречи с авторами в «Вечёрке», где зам. главного редактора работала Алёна Швыдко, сотрудничавшая с «Нивой». Да и Василий Васильевич Шулейкин – постоянный автор журнала. И Римма Артемьева ждала его там.

У здания Союза писателей: А. Матвеев, Л. Шашкова, В. Гундарев, В. Мосолов, В. Владимиров, О. Жанайдаров.

«Вечёрка» тогда располагалась на привокзальной площади «Алматы-2». И мы дружно двинулись вниз по проспекту Аблай-хана в редакцию. Чем-то напомнило мне это путешествие наши молодые походы после всяких совещаний к Инне Потахиной, жившей на улице Гоголя. О чём я и сказала Владимиру Романовичу. И мы заговорили о друзьях и прекрасных поэтах, которых уже не было с нами – Инне, Тамаре Мадзигон, Олеге Постникове, Лидии Степановой... В этой «машине времени» нам не было одиноко.

Володя, можно ли было предположить, что так скоро нам придётся писать воспоминания о тебе?

Владимир Гундарев позаботился о своём журнале «Нива» – он завещал его Союзу писателей Казахстана. Теперь о журнале должны позаботиться пришедшие ему на смену – это долг памяти и профессиональной чести.

К своим воспоминаниям в основном о редакторской работе Владимира Романовича Гундарева хочу присоединить заметки о его двухтомнике, вышедшие в своё время в журнале «Простор». Моё отношение к его стихам не менялось, оно лишь углубляется, о чём ещё, даст Бог, будет время поговорить...

На ниве русской речи

Новая книга известного казахстанского поэта Владимира Гундарева «Душа стремится к небесам» (АО «Астана полиграфия»), приуроченная к 50-летию творческой деятельности автора, по существу является вторым томом избранного «Розы и полынь», выпущенного в 2009 году издательством «Жазушы». В книгу включены стихи из сборников «Деревня моя деревянная», «Зимопись», «Светлынь-река», «Продолжение жизни», «Ветка молнии», «Я живу на планете Любви», «Исповедь сердца», не вошедшие в предыдущие издания, а так же новые поэтические произведения и переводы стихов казахских, туркменских и украинских поэтов. Объединяющим началом обеих книг служит одно из лучших стихотворений последнего времени «Вечерняя заря». Замкнув сборник «Розы и полынь», оно открыло новую книгу Владимира Гундарева. Но это внешняя сторона, а едины книги, прежде всего, звучанием авторского голоса, в котором неизбывны душевная ясность, человеческая доброта, вера, надежда, любовь, вот уже на протяжении полувека осеняющие его творчество и передающиеся читателям.

Избранные произведения, наверное, тем и интересны, что позволяют «сомкнуть времена», увидеть, как развивался поэт, почувствовать жизненную энергетику его стихов, проследить его творческий путь. Какой молодой безудержный романтизм, наполняющий стих подобно тому, как ветер полнит летящий по волнам парус, звучит в этих ранних строках:

*Понять предназначение своё –
Избавиться от выдумок неловких,
К ещё недостижимому стремиться,
Обыденность и серость не терпя...*

И как счастливо сходится он в этих книгах с мудростью, ироничностью, афористичностью позднего Гундарева:

*Я был – и не был на земле,
В минувшем нечего итожить.*

С его неизбывной требовательностью к себе:

*Любовь мой озаряла путь,
Но сам я нёс ли свет кому-то?*

Впрочем, точность выражения, острый поэтический взгляд присутствовали в его стихах всегда. Ему довелось услышать «Людских сердец высокий ток / На

зерновом току». Увидеть «Как сопки высятся бурты/ ядрёного зерна». Довелось подметить, как:

*И зори полыхают в мокрых травах,
И звёзды опрокинулись в пшеницу,
И шастают шальные перепёлки...*

Всё это, конечно, Целина, куда шестнадцатилетний сибирский паренёк приехал в 1961 году. И вот уже полвека судьба поэта связана с Казахстаном. И потому его книги полны живыми приметами сурового целинного края, его заботами, именами его замечательных людей. Удивительное дело: писались эти во многом документальные, публицистичные стихи в век, когда именами труженников и передовиков полны были газетные страницы, и в стихотворные сборники включались они поэтами как «паровозы», чтобы протащить с ними лирическую, «душевную» поэзию. Теперь, когда страницы большинства газет «желтеют» сплетнями и гламуром, либо политическими и экономическими скандалами, а людей – тех, кто выиграл страшную войну, кто сеет, жнёт, плавит металл, добывает нефть, кормит страну – как бы совсем не существует, вдруг с ностальгической силой зазвучали эти безыскусные стихи о простых людях – с целинных нив, заводов, фабрик. Ведь поэт создал целую галерею вполне конкретных, живых людей, на которых когда-то держалась страна, да и теперь держится. И этой живой жизнью дорог двухтомник – документ своей эпохи. Но и дорог он, конечно, как свидетельство переживаний человеческой души – ведь сказал его современник: «Это было с нами и со страной, это в сердце было моём».

Особая душевное притяжение для Владимира Гундарева – родная деревня Кыштовка, прославленная поэтом в широко известной песне «Деревенька моя деревянная». К ней он обращается: «Входи, деревня, поимённо/ В мои сыновние стихи...». И она входит – со своими Анисьями, Марьями, Семенами, Прасковьями, Иванами. И вот уже:

*... тётка Пелагея
Стеснённо кофту подобрал,
Рукой прикрыв глаза от солнца,
У деревенского плетня
По-детски розово смеётся...*

И здесь же:

*Вдова солдатская Авдотья
Стоит у сломанных ворот,
А муж от вражеского дота
Уже в деревню не придёт.*

И здесь же:

*Залихватские гармони
Так наяривали враз,
Что не только мы – и кони
На лугу пускались в пляс...*

Народная речь, точное русское слово, подмеченное в детстве, блёстками озаряют стихотворную речь. Вот, например, стихотворение из «Зимнего триптиха», в котором «Буря под Целиноградом/ крутит снежную пыльцу». Это сколько же надо пережить метелей в Акмоле-Целинограде, чтоб найти им столько названий и определений – «весь зимний арсенал»: «И метелица с бураном,/ И обычная метель», «Вместе с вьюгой-заметухой,/ Снегодуй и снеговей», «И позёмка и пурга». И вывод в стихотворении самый хлебоборский:

*Сердце радо,
Что в сугробах отчий край:
Чем обильней снегопады –
Тем богаче урожай.*

Как хлеборобскую воспринимает поэт и свою работу в журнале «Нива». В журнале, который он основал в центре Сары-Арки двадцать лет назад, на волне обретаемой независимости Казахстана, сохранил в гибельные девяностые и продолжает лелеять и «возделывать» в новом веке и тысячелетии – «пахарь, сеятель и жнец/ на этом скромном поле». Впрочем, лучше самого поэта и главного редактора не скажешь:

*Заботы тяжкие гнетут,
Но утишаю страсти:
Ведь мой простой крестьянский труд
По духу – христианский.*

*Хлеб суций – голова всему
Под необъятным небом.
Судьбой причастен я к нему –
Кормлю духовным хлебом.*

*Не отвожу от ветра лоб,
Не опускаю плечи.
Ведь я трудяга-хлебороб
На ниве русской речи.*

Весь многонациональный Казахстан, все дорогие приметы ставших родными казахских степей («За окном моим степи да вьюги, / в них до боли хочу взглядеться», – писал поэт более сорока лет назад) находят своё место и в его сердце, и в его книгах. «Цвети, моя Астана» называется одна из популярных песен, написанных на стихи Владимира Гундарева.

И как примета особого поэтического родства – его переводы с казахского, туркменского и украинского стихов Тулегена Тажибаева, Нургожи Уразова, Михаила Романушко, Алламурата Курбанова, Абдрахмана Асылбекова, Нуркенже Хасенова, Аргенбая Бекбосына, Акылбека Шаяхмета, Ербола Шаймерденова, Василя Симоненко. Выполненный с душой перевод – это как обмен донорской кровью, когда чужие стихи начинают жить новой жизнью в твоей родной речи. И чем больше переводчик вложил в них своего чувства, тем они более жизнестойки, становясь явлением другой культуры. Доброму узнаванию, счастливому человеческому дружеству служит своим словом и поэт Владимир Гундарев.

Любовь ШАШКОВА

Его душа стремилась к небесам

Мы долго встречались, и наконец-то познакомились в редакции газеты «Вечерний Алматы», где я пробиваюсь хлебом насущным – за прозу нынче не много платят. Познакомила нас Алёна Швыдко, в девичестве Кулакова, ныне Шмидт. Рекомендации этой умнейшей женщины современности было достаточно, чтобы большой поэт, признанный на всём постсоветском пространстве мастер и мэтр, доброжелательно протянул мне руку и пригласил к публикации на страницах своего детища – журнала «Нива».

Но и после выхода в свет моей первой повести, а затем последующих дальше «Как ваши дела? Над чем работаете? Жду рукопись...» знакомство наше не продвигалось: мне было неловко «загружать» Владимира Романовича собой. А ему...

Всё, то есть сближение душевных интересов, случилось после того, как я собрался умирать. Был такой недуг, который подразумевает написание завещания, ну да всё обошлось. Правда, Владимир Романович о том не знал, а со слов Алёны просто был оповещён, мол, болеет наш Шупейкин, что-то будет с ним?

В очередной приезд в Алматы и визит к нам в редакцию Гундарев сам явился в мой кабинет и подарил книгу, на титуле которой написал «Василию Васильевичу Шупейкину, в знак преклонения перед мужеством и волей к жизни...».

Знал бы он тогда, как я застыдилась будораживших меня мыслей о мире ином!

Но пасовать перед лицом поэта не стал, так и отыграл роль борца с болезнью до конца.

С той поры ни одна встреча с ним не обходилась без разговоров за жизнь.

И тем не менее автограф о «мужестве» не совсем был то, что хочется прочесть молодому автору от мэтра. «Что ж, – думалось все последующие годы, – значит, не зацепило Гундарева моё творчество, а предложения присылать рукописи – долг вежливости, а то и жалости».

И вдруг...

В 2010 году в свет выходит его книга «Душа стремится к небесам...». Меня в момент её презентации в Алматы на месте не оказалось, но книгу для меня Гундарев передал. На лету схватив подарок, взялся за ручку двери кабинета Швыдко, тогда уже ставшей Шмидт, но был остановлен ею.

– Прочти дарственную надпись! – потребовала она.

Открываю книгу, и вот оно – ожидаемое и желанное: «Радуюсь тому, что довелось встретиться и общаться с настоящим полковником, писателем, поразившим меня основательностью, надёжностью, творческой самобытностью и душевной отзывчивостью». И ещё несколько лестных каждому писателю строк.

Ошалелость от прочитанного не осталась не замеченной острой на язык Алёной.

– Дорогого стоит, правда, – не то спросила, не то констатировала она. – Но и это ещё не всё: Гундарев хочет сделать тебе предложение.

Я удивлённо вскинул брови.

– Сам приедет и скажет. А пока по секрету я тебя подготовлю...

Алёна уезжала на ПМЖ в Германию и рекомендовала в члены редсовета журнала – руководителя корпункта «Нивы» в Алматы меня.

Да разве ж можно было отказаться от такого!

Дома я вновь прочёл название книги – «Душа стремится к небесам»!

«Это он специально меня подтрунил!» – подумалось тогда. Впечатление усугубилось ещё более с прочтения первой строфы: «Моя вечерняя заря... Пред наступленьем вечной ночи, карминным пламенем горя, что мне печальная пророчишь?».

«Ого! Ну, удружил Романыч!»...

А оказалось? Мне в этом сборнике стихов была уготована только дарственная надпись.

Всё остальное как настоящий поэт, а значит, пророк Романыч написал про себя, про последние годы жизни.

А ведь никогда, никогда он не жаловался на здоровье. Долгими вечерами на кухне моей алматинской квартиры мы говорили только о жизни, той, что есть и была. Загадывали о том, что будет.

Кстати, о посиделках.

Моя Верочка очень огорчилась, когда наш гость неспешно достал из портфеля фарфоровую рюмку и выставил на стол, деликатно отодвинув лучший в мире хрусталь, выставленный в его честь.

Мне потом долго пришлось объяснять, что Гундарев перенёс инфаркт и был вынужден ограничить питье не более чем в «два по пятьдесят», а не потому что он, как старообрядец, отвергает чужую посуду...

В последний свой приезд Романыч, как всегда со своей рюмочкой в 50 граммов, делился планами на весь год.

Не дожил...

Я никогда не спрашивал у Гундарева, почему он детище жизни назвал весьма простенько и аграрно «Нива». Достаточно было в своё время услышать его песни о целине, родном колхозе, не говоря уж про затмившую многие аграрные хиты «Деревеньку», чтобы понять: он – сын земли русской и таковым останется в веках.

Тем и помянут будет!

Василий ШУПЕЙКИН

г. Алматы.

«Но пусть душа душой останется...»

Заметки читателя на полях новой книги

Поэт и главный редактор журнала «Нива» Владимир Романович Гундарев подарил мне свою книгу стихов «Душа стремится к небесам. Избранное».

Я начала её читать и поняла, что мне надо обязательно с кем-то поделиться своими впечатлениями – столько их было много и так много из написанного поэтом пересекалось с моей собственной жизнью. Таким образом и получились мои заметки.

Степные отплывают корабли

Восхитительным степным запахом пропитаны, кажется, все стихи поэта, и это прекрасно. Они близки мне, наверное, ещё и потому, что, родившись в Казахстане, я тоже из всех красот природы больше всего люблю скромную степь, целинные просторы, поля пшеницы. Также как и Поэт, я провела на целине свою юность, и когда он видит в степи комбайны, которые «словно бригантины плывут под огромным парусом зари», то голосую за это видение двумя руками.

Как, кажется, это было недавно, как это было давно... После окончания первого курса университета мы, девчонки, трудились в Кустанайской области на току вместе с солдатами из Грузии (можете представить такое сегодня?!), влюблялись, пели песни, сочиняли поэмы... И до сих пор, спустя 40 (!) лет, вспоминаем эти «принудительные сельхозработы», как лучшее время в нашей жизни. Потом, будучи собкором газеты «Ленинская смена» по Целиноградской, Павлодарской, Кустанайской областям осенью, в пик жатвы, моталась по командировкам. До сих пор храню бланк одной из них с четкой надписью «Уборочная»... И главным героем моих публикаций, конечно же, тогда был комбайнер, механизатор, рабочий человек. Тогда это было так.

*Когда высокие колосья
Звонят в созревшей тишине,
Я слышу в их многоголосье
Хвалу и славу целине.
Хвалу рукам, взрастившим это,
В степях вознесшим города,
Летит с мелодией рассвета
Святая музыка труда.*

Ездит ли сегодня по полям в жатву корреспондент газеты? Боюсь, что нет. Больше посещает презентации...

Чем больше читаю стихи Гундарева, посвященные целине, тем больше убеждаюсь: целина для поэта – не просто факт биографии, не просто романтика молодости, это – философия жизни. Ведь там, на жатве, «людских сердец высокий ток на зерновом току». Там – просветление души, потому что именно на ток стекается «багряный свет полей», и светлеет душа... Вот такая целинная медитация получается...

Прекрасны стихи поэта, посвященные первоцелинникам – Герою Социалистического труда В.И. Акуленко, первоцелиннику-орденоносцу, лауреату Государственной премии СССР А.В. Логинову.

Где ещё сегодня найдёшь подобную поэзию? Но эти люди были. Они работали изо всех сил, любили, мечтали, строили новое и, как надеялись, светлое будущее для себя и своих детей.

Я считаю себя немного причастной к этой замечательно плеяде людей – первоцелинникам, так как в моём газетном архиве хранится интервью с Героем Социалистического труда Владимиром Дитюком из Мариновского района Целиноградской области.

Владимир Гундарев очень верно передаёт глубинную суть этих людей.

*Мы были простыми, как будни,
И слабости были у нас.
Но верили твёрдо, что будет
Цветущая степь, как сейчас.
И каждый – не самую малость,
А вкладывал душу в хлеба.
На всех – без обиды – досталась
Крутого посола судьба.*

Вы слышите музыку, которая звучит в этой строке? «Вот станции юности давней: Есиль, Атбасар. Колутон... «Полтавский», «Ивановский, «Дальний» – забудешь ли разве о том? А строки Поэта «в глухой снеговерти буранов коварен характер степной» просто доставили меня на одну из этих «станций юности». Когда-то в начале восьмидесятых в отдаленном уголке Кустанайской области я попала в буран – автобусы не ходили, и комсомольские секретари райкомов передавали корреспондента молодёжки из района в район (как эстафетную палочку – пошутил кто-то), пока я не добралась до Кустаная...

Ну вот, хотела погрузиться в мир поэта, а попала в свою комсомольскую юность...

Но мне хотелось бы ещё немного поговорить о простых людях-тружениках в стихах Владимира Гундарева. Здесь поэт снова играет против нынешних правил, которые говорят, что сегодня надо воспевать людей «значительных» – звезд эстрады, теледив, олигархов, наконец... Но что поделать, если сердцу ближе жители его родной деревни: тётка Пелагея, солдатская вдова Авдотья, да тракторист Трофим, который приручил в деревне нелепый древний «фордзон». Героиня с красивым русским именем Анна Николаевна у него доярка, которая «идёт на ферму раньше остальных». А как поэтически описан деревенский философ, сторож колхозной пасеки дядя Саня-хохмач с одной ногой! С какой любовью, с каким уважением!

Очень понравилось мне стихотворение «Сварщик», в котором поэт так лирически рассказывает о профессии сварщика, что его смело могут поместить в своей рекламе современные профессионально-технические училища. Это стихотворение – ещё одно подтверждение простой истины, что можно быть творческим рабочим и безликим художником. И если есть у тебя творческая жилка, то поэзию ты найдёшь в любом деле. А то, что сварщик – профессия лирическая, поэт меня убедил полностью и окончательно. Ведь «строчку огненную он ведёт, слегка окружности касаясь, вновь голубым сияньем озарён...».

А вот замечательное трогательное стихотворение «Пианистка», которая была неказиста и худа, хрома и застенчива, и в которую тем не менее влюбился мальчик... Ведь когда она начинала играть, он задыхался от восторга.

*Её впервые я любил,
Такую пианистку,
И гроздь огненных рябин
Подбрасывал ей близко.
Сидел в углу я не дыша,
Восторженно и бледно.
Она была не хороша –
Была – великолепно!*

Мальчик Вова тогда, много лет назад, возможно, и не подозревал, что он – поэт...

Я допускаю мысль, стихи о людях труда Владимир Романович написал давным-давно, в то время, когда их любила наша большая страна, когда тружеников города и деревни воспевали поэты и журналисты, когда о них снимались фильмы. Но наш Поэт оставил все эти стихи в сегодняшней книжке своих избранных стихов, не указав их даты, потому что, я так думаю, считает их значительными. Потому что «не отрекаются, любя...».

По натуре человек скромный, он себя ассоциирует отнюдь не с поэтом, «который больше, чем поэт», а с рабочим классом.

*Чего же нет – не перечесть:
От джипа до имения.
Что я имею? – только честь,
Я только честь имею.
Покуда в сердце жар не стих, –
Останусь, духом прочен,
Не инженером душ людских –
Поэзии рабочим.*

Ну и, конечно, говоря о нашем прошлом, о целине, о когда-то большой Родине, я не могу пройти мимо трогательного и милого стихотворения – «Рождественка». Не знаю, может, с возрастом становлюсь сентиментальной, но когда я читаю его, слёзы наворачиваются на глаза.

Все мы знаем, сколько людей разных национальностей уехало из Казахстана в последнее время. Только для того, чтобы пересчитать всех моих друзей, пальцев на руках не хватит. Все они в Германии, США, Израиле, России устроились по-разному... Кто-то счастлив там, а кто-то горюет на чужбине.

Как-то раздался звонок из Нью-Йорка. Сидит, рассказали мне, любимая актриса моего детства сейчас в этом славном городе в день Победы, смотрит подряд все русские фильмы о войне и плачет...

Моя мама, участник Великой Отечественной войны, чего-то здесь понять не может. Всё ждёт, что кто-то из высшего руководства страны скажет людям, сидящим на чемоданах: «Мы вас любим. Не уезжайте!». И искренне огорчается, что не слышит этих слов.

А вот поэт на эту тему сказал, и, думаю, тем самым передал мнение по этому поводу простых людей, нас с вами.

*Но изменчивы дни бытия,
Никогда не постичь их, наверно,
Уезжают в иные края
Иоганны, Адамы и Эрны.
Позакрыты домов их глаза,
Стало пусто, как в поле осеннем.
И дождинкой стекает слеза
У Касыма, Сарсена, Дюсена...
Не угаснет Рождественки свет,
Пересилит любые границы
В душах тех, кто оставил свой след,
Будет он непрерывно струиться.*

Лыжная прогулка

Когда мы читаем стихи, смотрим фильм или спектакль, разглядываем произведения живописи, мы всегда ищем у художника своё, то, что вызывает у нас какие-то особые эмоции, волнует нашу память, рождает яркие ассоциации. Художник рассказывает нам о себе и в то же время говорит о нас. Счастье, когда миры поэта и читателя пересекаются...

Про степь – нашу общую любовь с поэтом я уже написала. Теперь я бы хотела сказать о дожде. Мне кажется, когда-то в прошлой жизни я жила в дождливом Санкт-Петербурге или не менее дождливой Шотландии, потому что во время дождя я расцветаю. Дождь мне дарит ощущение счастья. Вероятно, то же происходит с нашим поэтом. И он мне даже сумел объяснить, почему это происходит. Потому что

*Словно кони, вздёрнув головы,
Мчатся тучи в небе бешено.
Струи по сердцу ударили,
Будто кровообращение –
Над распахнутыми далями
Льётся буйство очищения...*

И конечно, не могла я пройти мимо цикла стихов Гундарева, посвящённых Инне Потахиной. С Инной я недолгое время работала в двух редакциях, мы были в хороших отношениях, я помню её шуточные стихи к праздникам и юбилеям, на которые она всегда откликнулась, читала её стихи, которые мне нравились, но поближе познакомиться с Инной-поэтом в лихорадке газетных буден как-то не успела, о чём жалею...

И вот поэт мне как на блюдечке преподносит картинку из жизни Инны-поэта, возможно, самую точную. Он пишет про трёхцветную кошку Люси Помыткиной в Целинограде, про встречи в поэтическом кафе «Каламгер», про сухие вина, которые «подчас переливались через край».

А вот это четверостишие мне особенно нравится.

*...Нет ныне тебя ни в одном закоулке.
А я всё надеюсь, спустя много лет,
Что ты задержалась на лыжной прогулке,
Когда же вернёшься? – Молчанье в ответ.*

Название Инниной книги «Лыжная прогулка» перерастает здесь в нечто большее – в белую вечность с белым снегом, где сейчас пребывает Инна, в которую мы все когда-нибудь придём, и надеемся, там встретимся, Инна, с тобой...

Голубая ворона и Четвёртое измерение поэта

Мы живём в своём мире, полном обыденности, захлёбываясь в суете сует, в незначущих обидах и огорчениях, и забываем порой остановиться и оглянуться, и посмотреть по сторонам. И увидеть, что мир прекрасен и жизнь единственна, и другой такой больше не будет...

Вот почему я внимательно читаю томик стихов Владимира Гундарева и с головой погружаюсь в его прекрасный и удивительный мир, его Четвёртое измерение...

О! У меня просто закружилась голова, ведь неожиданно я попадаю в космическое пространство и лечу вместе с поэтом в загадочные и необозримые дали... Потому что все мы, земляне, если задуматься, мчимся на своём маленьком по сравнению с бесконечной Вселенной шарике в неизвестные просторы. Мы

*Пассажиры
На этой бесконечной карусели,
вращаемся по дивным звёздным плёсам...
Как это интересно
чёрт возьми!*

Это путешествие вдохновляет, ведь мы летим «за солнечные ветры», а там, в тех далёких просторах, вполне существует вероятность «остаться невозможно молодым».

Все мы гоняемся в своей жизни за синей птицей и не факт, что когда-нибудь её найдём... В четвёртом измерении поэта Владимира Гундарева среди синих берёз, белых рассветов и алых вечерних глаз самое прекрасное существо... голубая ворона. Нет-нет, там имеется ещё много разных чудес – элегантные слоны, рябая черёмуха в веснушках, гордый уж, дирижабли в поле, но больше всего поэту почему-то мила голубая ворона. И именно она помогает ему жить.

Задумалась, почему ворона и почему – голубая? Чёрная ворона – понятно, белая – тоже... Голубая – вне стереотипов, и её существование сродни тому, что где-то рядом «среди ночи, среди вёсен, среди песен» несётся в небе вечный летчик Антуан Экзюпери...

Отними у человека мечту – что останется в итоге?

Сижу у компьютера. Раннее утро. На улице ещё темно. Подхожу к окну. Что-то еле заметное притаилось на дереве. Неужто – голубая ворона?

Но продолжим путешествие по Четвёртому измерению поэта. Вот мы уже у полусонного пруда в веснушках листьев (как здорово!) и любуемся лебедями... А у них – сколько смотрела и никогда не замечала – «не шеи – вопросительные знаки»... А вот уже приближается ночь со «звёзд медленной вьюгой» и мы, оказываемся в Лейпциге, где

*И у конторки примостясь,
почти что на краю,
Собою недовольный Бах
Дописывает фугу.*

Что, надоело на земле? Не забудьте, мы в особом мире, в Четвёртом измерении поэта нам доступно всё. Мы можем, например, пройти по радуге, и не по просто банальной радуге, а «сквозь ковыль и полынь, пылью звёзд запорошенным». Обратите внимание, снова наша любимая с поэтом степь, без которой нам совсем уж нет жизни... Вообще в собственном измерении поэта колос и космос – звенья одной цепи.

Вы когда-нибудь сравнивали лес с Парижем? Ну уж это, скажете, прямая натяжка. А вот поэту это удаётся. Он, понятно, иронизирует, но как захватывающе! Муравейник в его волшебном лесу похож на Сорбонну, деревья здесь не просто деревья, а в стиле барокко, дуб – как собор, а сам Поэт слушает песни леса как Гранд-Опера.

И вот уже нам навстречу летят в степном полынном дыме антилопы из антимиров, а может, они и называются антилопами потому что они – из Антимира?

Каждый населённый пункт, река, море, полустанок имеют своё название и мы порою этого как бы не замечаем... Поэт каждое новое для него название рассматривает через свою поэтическую призму, и вот уже перед нами не просто речка Княгиня, на которой однажды случайно оказался поэт, а целая сказка. Ведь из речки Княгини в стародавние времена испила водицы Ярославна, а вода речки непростая – она околдовывает и возвращает в юность... И растёт у берегов загадочной речки не менее загадочная ягода – княженика...

И ещё в Четвёртом измерении поэта есть станция со сказочным названием Роза. Когда я в первый раз прочитала это стихотворение, мне сразу же захотелось перечитать его заново, потом ещё и ещё раз, вдохнуть его «розовый аромат». Такое было у стихотворения обаяние, такое послевкусие.

А всего-то ничего: ехал поэт на поезде по Транссибирской магистрали и на пути ему попала станция Роза. И мы даже не знаем, останавливался ли на ней поезд, просто какая-то девчонка помахала поэту рукой и засмеялась... Не знает как будто он ничего об этой станции и знает многое. Ведь теперь эта станция поселилась в его Четвёртом измерении. Там, на глубинном полустанке, живёт «железнодорожный поэт», давший станции такое андерсеновское название, и незнакомая-знакомая девушка, умеющая лечить души.

И поэт даёт нам свой волшебный рецепт от всех болезней.

*Но если совсем занедужу, –
Да так,
Что ни лечь и ни встать, –
Сожму я ладонями душу,
Проеду Транссибом опять.
Заснеженный лес
Вдоль откоса,
Реки засугробленный лёд...
Пусть снова
На станции «Роза»
Девчонка рукой мне махнёт.*

Да здравствуют нас ждущие высоты!

И о самом главном. Когда читаешь стихи Владимира Гундарева, прежде всего, привлекает личность самого поэта – человека доброго, умного, порядочного, человека, личные качества которого сегодня, мягко скажем, не в моде.

Его совестливую жизненную позицию мы замечаем в первом же стихотворении книги – «Вечерняя заря», недаром он вынес его вперёд.

*Вся жизнь прошла в добре и зле,
Стремился к лучшему, и всё же
Я был – и не был на земле,
В минувшем нечего итожить.*

*Не изменить, не зачеркнуть.
В душе смятение и смута.
Любовь мой озаряла путь,
Но сам я нёс ли свет кому-то?*

Нести свет – установка нашего несколько старомодного поэта...

Хотя, если задуматься, чем ещё должен по большому счёту заниматься поэт, кроме того, что «нести свет»?

Стихи поэта хочется читать и перечитывать, тебе всё время кажется, что они дадут ответ на какой-то твой очень важный жизненный вопрос, что ты вдруг поймёшь о жизни что-то большее, станешь светлее и мудрее... Кроме того, как я давно убедилась, чтение хороших стихов – это всегда и своеобразная психотерапия... Такие уж они люди – поэты – со своими жизненными трудностями пытаются справиться публично, а так как между нами, людьми, гораздо больше общего, чем различного, то, получается, поэты помогают жить нам, читателям.

Как вам, например, нравится вот это?

*Давайте мы себя оценим –
В сражениях с самим собой...*

И в самом деле – противное это чувство – зависть, всегда рядом с тобой найдется тот, кто умнее, успешнее, красивее, богаче... Но это бессмысленно и непродуктивно – без конца соревноваться со всем миром или даже с соседом, другом. Лучше и целесообразнее соревноваться, утверждает поэт, с самим собой и радоваться каждой одержанной победе. И тут я с ним полностью согласна.

*Не обижая, не травмируя...
Но только будь всегда в борьбе
С самим собой!
Без перемирия.*

И Гундарев тут же подтверждает эту свою мысль. В стихотворении «Трансформация» даёт безжалостный анализ самому себе. Анализирует свои поступки... Ведь это очень трудно – продержаться всю жизнь на высокой ноте, не отступаться от себя, от своих принципов... Поэту страшно скатиться в повседневность, «стать на колени перед изменчивой судьбой», изменить мечтам молодости, он полностью согласен с Пастернаком, который хотел быть «живым и только до конца».

Ох, эта вечная дилемма – деньги или творчество, потребление или созидание. Для нашего поэта такого выбора нет. Не случайно в одном из своих стихотворений он вспоминает Баха, у которого в жизни не было богатства, но который писал прекрасную музыку. Выбирая между богатством и высоким духом, Гундарев, как и Бах, предпочитает дух и этим жив.

И ещё. Человек жив, когда он всё время идёт вперёд, старается занять очередную высоту, и это поэт доказывает всем своим творчеством.

*Да здравствуют
нас ждущие высоты!
И пусть от них захватывает дух!..*

– восклицает он, и это прекрасно.

В тучах, при любой непогоде, поэт видит солнце, потому что художник ни при каких обстоятельствах не должен утверждать, что жизнь ужасна.

Поэт Владимир Романович Гундарев занимается в жизни самым неблагодарным делом, которое можно только придумать. Он на собственном энтузиазме выпускает литературный журнал, на который тратит все свои силы и энергию. Казалось бы, пиши свои книжки и радуйся... Но он прочитывает огромное количество рукописей и вдохновляется, открыв новый талант. В этом весь он...

*Проникнуть смело в глубь субстанции
И обнажить земную твердь, –
Но пусть душа –
Душой останется:
Не разучиться б хлебу кланяться,
От песен иволги добреть.*

Людмила МАНАННИКОВА

г. Алматы.

Энергия благого дела

Творцы уходят, а их благие дела продолжают жить. Мне помог случай познакомиться с творениями замечательного поэта, писателя, публициста – Владимира Романовича Гундарева в день его 60-летия, осенью 2004 года, в Астане, в русском драматическом театре имени Горького, где проходил его авторский юбилейный вечер. Переполненный зал внимательно слушал седовласого, скромного, вежливого литератора, с хорошо поставленной речью и джентльменской выправкой. Звучали авторские стихи и песни. Конечно же, прозвучала замечательная песня «Деревенька», вернувшая многие, так называемые «неперспективные» деревни и сёла, и они возрождались заново. За авторский текст к народной песне Владимир Романович получил от государственных органов Украины правительственную награду.

Благодаря знакомству с поэтом-лириком и пришла ко мне мысль продолжить свои организационные музыкально-поэтические вечера, только теперь не в Северном Казахстане, а в динамично строящейся новой столице Республики Казахстан. Для организации литературных вечеров Российский центр науки и культуры предоставил свои залы, где очень часто бывал и Владимир Романович, заряжая молодых поэтов и слушателей своей неутомимой энергией и любовью к русской литературе, особенно к классической поэзии XVIII и XIX веков. Приведу малоизвестный факт: 13 января 2007 года я совместно с актёрами русского драматического театра имени Горького и Российским центром науки и культуры запланировал провести новогодний бал в стиле пушкинского времени. В личной беседе попросил Владимира Романовича сыграть роль поэта Баратынского, и он согласился. Бал, с интересной программой, состоялся и длился около пяти часов. Это ещё раз подтверждает, что Гундарев отдавал всего себя ради расширения русской культуры и защищал интересы русского языка в нашей многонациональной республике, как языка межнационального общения. А когда появлялась у Владимира Романовича хоть малейшая возможность принять из периферийных городов и сёл ещё никому не известных авторов стихотворений, для того, чтобы ознакомиться с произведениями и помочь начинающим в стихотворчестве, он приглашал в свой редакционный кабинет. В каждой такой встрече чувствовалось искреннее внимание, чуткость, наставническая деликатность и объективная оценка предоставленных для просмотра произведений в редакцию литературно-художественного и общественно-политического журнала «Нива», основателем которого и являлся сам поэт Владимир Романович. Помнятся встречи с поэтессой Еленой Павлиной из города Степногорска и молодой талантливой Марией Уваровой из города Петропавловска. При этом Владимир Романович в беседах был со всеми предельно объективен и краток, ничего лишнего. Не смотря на его большую занятость, я всё-таки решился рассказать о своих планах по изданию антологии русскоязычной поэзии Казахстана. Войдя (по приглашению) в его кабинет, где царила тишина,

рабочая атмосфера, заполненная специфичным дымом его курительной трубки, и где частые звонки прерывали наш разговор. Мы сидели напротив друг друга, Владимир Романович внимательно выслушав меня, сделал паузу... и сказал: «Поддерживаю идею составления антологии». Позже он даже согласился «авансом» включить начинающих авторов, чтобы как-то поддержать их развивающийся талант, особенно тех, кто ещё не печатался в периодических изданиях.

В 2011 году ко Дню независимости Республики Казахстан вышла долгожданная антология (трёхтомник, первый выпуск) русскоязычной поэзии Казахстана, включающая стихотворения разных жанров 294 авторов, из всех регионов республики. Это авторы разных национальностей и возрастов, разных профессий и разных вероисповеданий. Всех их объединяет любовь к поэзии, любовь к Родине и к родной земле, где прошла юность. Где наступила зрелость и почтенный возраст, выросли дети и внуки, где мирное небо над головой и ясная цель и где есть стремление каждого внести свой личный вклад во имя процветания Республики Казахстан и улучшения благосостояния многонационального народа.

Целью издания антологии является в некотором роде необходимость оставить для последующих поколений добрый след и добрый свет, добрые дела, творцами которых являются талантливые люди Казахстана, умеющие рассказать о том, что их радует, волнует, беспокоит, тревожит и без чего они не смогли бы жить.

Просмотрев печатное издание, Владимир Романович сделал ряд замечаний, его смущало и название «Жемчужная поэзия Казахстана». Приняв замечания, я и мои единомышленники решили переиздать антологию в 2013 году (второй выпуск), но название оставить прежним. К сожалению, за 7 лет работы над антологией многие авторы, которых знал и с которыми работал по антологии, уже ушли из жизни. Это: в первом томе: Александр Казаков (1966-2010), Александр Каркавин (1950-2012); во втором томе Нуртин Юсупов (1939-2009), Вениамин Воробьёв (1934-2012), Владимир Гундарев (1944-2012), Андрей Тришечкин (1950-2012), Сергей Житников (1957-2012), в третьем томе: Роза Галлимулина (1940-2006), Владимир Шестериков (1939-2010), Геннадий Банных (1946-2010), Александр Заика (1940-2010), Марина Дикина (1962-2010), Валерий Любушин (1939-2011).

Но жизнь продолжается и надеюсь, что читателю понравятся стихи представленных авторов разного жанра, от детских до философских, авторов всех регионов Казахстана. Это как капля кристальной воды с мест, где и не всегда можешь побывать в нашей необъятной Республике, но прикоснуться к знаниям и мыслям, звучащим из уст авторов.

Михаил КОХНОВИЧ

Ненужное зачеркнуть...

Август, летняя алматинская жара, но зелень уже тусклая, много опадающих листьев, которые размальзываются подошвами прохожих в жёлтую пыль... Рынки ломятся от овощей и фруктов, тут и узбекские, и кавказские, и заморские. Нежная грусть в преддверии осени... И вдруг! Как гром среди ясного неба: Гундарева не стало. Удар был двойным: по электронке пришло письмо от Гундарева (с его адреса. Предыдущее письмо было от него в июле). Открыла с нетерпением, а там вот эта весть...

Смириться никак – только слёзно протестовать, не поверив. Набухающее отчаяние от невозможности что-либо изменить. Почти сомкнулся круг одиночества...

В 2009 году я впервые отправила в его журнал свою подборку стихов. Ожидала скупого ответа (очно знакомы мы не были), но сразу же завязалась дружеская переписка – при его-то вечной нехватке времени... Это было счастливым подарком: получать тёплые письма от человека исключительной душевной красоты и признанного известного поэта. Эта переписка очень дорога мне. Как и надписи на его книгах – нестандартные, искренне обращённые именно к тебе. Одно присутствие в жизни таких людей, как Владимир Романович, скрашивает бытие и побуждает к светлому и доброму. Присущая ему самому доброта, душевная щедрость встречаются гораздо реже, чем писательский талант. Меня окрылили его слова по телефону: «У вас стихи не «с чужого плеча», они запоминаются и трогают. Это теперь редкость».

На страницах его «Нивы», которую он любовно и самозабвенно возделывал со своей верной командой единомышленников, увидели свет произведения многих и многих талантливых писателей и поэтов. Невозможно было не полюбить произведения Сабита Кинеева, Дарии Джумагельдиновой; литератора, публициста, коллекционера, литературоведа, честнейшего в своих оценках при взгляде на прошлое советской литературы Наума Шафера; многолетний труд талантливейшего журналиста и писателя Ю.Д. Поминова «Хроника смутного времени», вполне, на мой взгляд, могущего претендовать на Государственную премию; всегда интересны были статьи Ильи Шухова, Натальи Курпяковой, Валерия Могильницкого, Нелли Мельниковой, Юрия Попова, Владислава Владимировича, Сауле Беккуловой, Раисы Бикмухаметовой, Даметкен Бековой, Клина Первущина, Владимира Иконникова, поэзия и статьи яркой и нежной Ольги Григорьевой, стихи и проза Николая Ковтуна, Ирины Струговой, Асель Омар, Лидии Розин. Да разве перечислишь всех полюбившихся. В том числе ещё и замечательных художников, чьи мини-вернисажи публиковала «Нива». А мои земляки – писатели-алматинцы – печатались в «Ниве» чаще, чем в Алма-Ате: на её страницах для них находилось место и признание.

Была раньше, в советское время, строка в личной анкете: «Ненужное зачеркнуть». Так вот зависть, жлобство, творческая ревность, непомерные амбиции с использованием «отвязного» пиара, человеческое равнодушие, редакторская спесь, близорукость и снобизм по отношению к собратьям

по перу – начинающим или известным – всё это как раз то ненужное, что не имеет отношения к личности Владимира Романовича и что, к сожалению, так свойственно многим нынешним литераторам и редакторам, из номера в номер щедро отдающим 90% журнальной постраничной площади себе, своим «нетленным» творениям, и приближённым к своей особе. Утопая в себе, топят и журнал. Потом ещё лицемерно оповещают со своих страниц, что «литературы в Казахстане нет. Особенно – русской». Померла, мол, вся как есть, литература-то! А она просто осела в ящиках письменных столов писателей и поэтов – за невостребованностью. И это трагедия в судьбе пишущих.

Дважды с 2009 года во время приездов в Алма-Ату Владимира Романовича встречи с ним, к сожалению, не состоялись из-за моего нездоровья. Но были телефонные контакты. Электронная переписка, обмен книгами через нарочных. Это общение пронизывало человеческое тепло, искренняя заинтересованность, душевная чистота – о таком можно только мечтать. Владимир Романович нёс себя просто и достойно, а не как принц Лимон из известной сказки, чьё непомерное пузо (самолюбие) катили перед ним на тележке лстивые подхалимы. И это притом, что «Нива», детище Гундарева, зиждилась на его личном авторитете и энтузиазме, и энтузиазме его верной команды, которая порою за бесплатно трудилась во благо любимого журнала. Зам. главного редактора Райхан Бегембетова, бухгалтер Наталья Тагай, верстальщик Юлия Богданова, корректор Ида Юзупанова – все они не были простыми исполнителями своих функций в «Ниве». Их объединяли с главным редактором сотворчество, ответственность и добрые человеческие отношения.

... И вот незаметно прошёл целый год с того дня, как не стало незабвенного, дорогого сердцу поэта, человека, издателя В.Р. Гундарева.

Владимир Романович ушёл из жизни, но не ушёл из русской литературы, а его бережное отношение к текстам авторов – пример редакторской работы.

Такие редкие люди, как Гундарев, давно записаны в мою мысленную Красную Книгу как исчезающий вид. Когда судьба дарила встречу с ними, радость и изумление охватывали, сил прибавлялось, вытеснялось разочарование в человечестве...

Выживание «Нивы» всегда в течение 20-ти лет было непростым. Никакой финансовой подпитки от государства и Союза писателей журнал не имел. Но Гундарев был боец. Он знал, что битва заканчивается тогда, когда ты сдаёшься внутренне.

Незаменимые есть и всегда были. Уход из жизни Владимира Романовича сотни людей – писателей, читателей, друзей – ощутили как личной горе. Тревожно за нынешнюю судьбу «Нивы» – без него, любившего людей, любившего и знавшего русский язык, отстаивавшего его чистоту и требовательного к грамотности.

Светлана НАЗАРОВА

г. Алматы.

Год — это много или мало?

Год... Это много или мало? «Год — это много», — скажут одни. И я соглашусь. Да, это много — прожить целый год без Владимира Романовича Гундарева. Но сколько таких долгих лет ещё впереди? Другие скажут: «Год — это мало». Я соглашусь и с ними. Да, год — это безжалостно мало, если только один он отведён, чтобы быть знакомым с таким невероятным человеком.

Кто-то скажет: «Как глупо ей писать о Владимире Романовиче, ведь она его так мало знала». Да, это так. Но ни один человек, пожалуй, не может быть до конца узнан и понят окружающими, сколько бы и кто с ним ни был знаком. Много уже сказано и написано о нашем дорогом Владимире Романовиче как о выдающемся поэте, друге. Я хочу рассказать о том Владимире Романовиче, с которым знакома я. Возможно, ещё кто-то узнает в этом рассказе милого сердцу человека.

Я работала секретарём-корректором в журнале «Нива». Моё знакомство с Владимиром Романовичем началось с первого курса университета. Тогда кафедрой была организована встреча со знаменитым поэтом. И мы с трепетом смотрели на него, даже боялись пройти рядом, ведь перед нами был знаменитый поэт. Я и не помню, какие впечатления остались у меня от того литературного вечера, видимо, очень сильным было волнение от встречи с человеком такого уровня. Знаю лишь, что с того времени имя Гундарева Владимира Романовича ассоциировалось у меня с чем-то очень величавым. Конечно же, я и не мечтала ни в то время, ни позднее работать в столь уважаемом литературном журнале. И когда через 7 лет после первой встречи зашла в кабинет, на вопросы отвечала заикаясь и была почти уверена, что меня, почти без опыта работы, Владимир Романович не примет в журнал. А он принял.

Каким он был начальником? Владимир Романович на работе ежедневно задерживался до 8-9 часов вечера, а утром раньше всех был на рабочем месте в бодром настроении. В выходные дни работал в том же ритме. И даже с ноткой гордости в голосе признавался, что если позвонить утром 1 января на рабочий телефон, то он ответит на другом конце провода. Работа над журналом была его любимым занятием и, видимо, заряжала его энергией. Он был человеком с глубокой жизненной мудростью, и мелочам умел радоваться, как ребёнок. Как искрились его глаза, когда он делился тем, сколько человек поздравило его с днём рождения! Он всегда делился радостью о своих успехах, полученных наградах. Достоинством Владимира Романовича было и его чувство юмора.

Владимир Романович был настоящим джентльменом. Всегда был внимателен и умел скромным комплиментом поднять настроение. При всём этом, был немногословен. Он обладал магическим притяжением. Не могу припомнить ни одного дня, когда у Владимира Романовича не было посетителей.

Несмотря на то, что Владимир Романович не раз был удостоен высоких наград, ему не было присуще высокомерие. Он хотел помочь всем и многим действительно помогал, в том числе и мне. Он стойко следовал выработанным моральным принципам. У него многому можно было научиться. Как жаль, что эти уроки так скоро закончились.

Больше всего я люблю вспоминать, как Владимир Романович провожал нас после окончания рабочего дня. Закрывая за нами дверь, он говорил: «Ну, девочки, до завтра. А послезавтра уже среда». Так он, кажется, пытался сократить для нас рабочие будни. Особенно забавно про послезавтра он говорил в пятницу: «Ну, девочки, до свидания. Но вы не радуйтесь, послезавтра-то уже воскресенье, а там и понедельник — снова на работу». Так и в последнюю рабочую пятницу он уезжал, говоря: «До понедельника!». Но уже на завтра его не стало.

Мне Вас очень не хватает, Владимир Романович! Всего год с вами и уже целый год без вас...

Ида ЮЗУПАНОВА

«Моя вечерняя заря, не угасай ещё немного...»

Размышления при чтении стихов Гундарева в «Ниве» №7 2012 года

Я прочла их несколько раз: один раз – «ДО» и многожды «ПОСЛЕ». Стихи получились в чём-то разные. Во всех прочтениях «ПОСЛЕ», стихи звучали глубже, многослойнее, под флёром светлой грусти, с воспеванием того, без чего поэт жить не мог, с предчувствием... Это чтение постепенно продвигает в глубины души, раскрываемые мало и редко, да и так завуалированно, что требовались особые усилия, много душевного труда, чтобы спуститься на тот глубинный уровень, который только и даёт правильное понимание и уразумение.

Прости нас ПОЭТ и МЭТР!

Колоритен, лобаст, интеллигентен с небольшой окладистой бородкой и «сатирическими» складками лица, вечной трубкой и тёмных очках, позволяющих скрывать многое... Вглядишься – истинный Жюль Верновский Жак Паганель.

Свою, как теперь оказалось, последнюю подборку стихов в «Ниве» Гундарев озаглавил строкой заключительного стихотворения: «Я брал слова у неба и земли...». По ощущению – не то, чтобы брал, скорее, они ему их дарили. За исключением нескольких стихотворений, автор уложил свой цикл ровно в 2011 год, будто спешил, боялся, что времени больше не будет. Очень тёплое, доброе стихотворение уже несёт на себе неясную, но ощутимую, ностальгическую печаль: «Мне было жаль с тобою расставаться...».

Не хотелось в 2012 г.: «...будущность ещё не наступивши, / Уже сегодня тяготит меня...».

«Желанное». Усталость от стремительной, размеренной жизни города и своих важных и вовсе нелёгких обязанностей, а отсюда и желание: «Махнуть, и разом отрешиться / От сутолоки городской».

Настроение и весь словарный выбор (вставать, позёвывая, чаёк пошвыривая, да так, чтоб пот с лица ручьём. Калякать с самоваром, синичек угостить зерном...) так и подбивает поставить в заголовок щемящей нежности строки:

Как очистительные слёзы
Сквозь поредевшую листву
Роняют светлые берёзы
С ветвей на жухлую листву.

Тот же мотив тоски по сельской тишине в стихотворении **«Сельское утро»**:

Хорошо в деревне летом!
Только это снится мне.

Тем же глубокозавуалированным методом признаётся автор в стихотворении: «Не делаю я культа из еды...» в том, что самая желанная пища для него, аппетит к которой неутолим – ПОЭЗИЯ! Как это (для поэтов вовсе не случайно!) перекликается со стихами Нурлана Оразалина:

Какой бы ни была изменчивой судьба,
Поэзия меня на миг не покидала.
«Несчастный! – скажешь ты, –
Она сильнее тебя!»
«Счастливый! – я скажу –
Она не предавала!».

Чудный, полный чуть печального юмора рассказ-«ножницы» между желаемым, но не возможным. Мечты, мечты... увы, маниловские.

«Ты моя восточная заря» – такая тонкая, полная тихой печали лирика о роли человека в Бытии, что даже повседневными словами и прикасаться не решаешься.

А вот ещё прелестнейший экземпляр философских рассуждений, но так тонко, плотно соединённых с высокой поэзией, что заставляет активно включаться сердце, уводя философию на второй план, позволяя ей лишь в конце стиха, как пробке из шампанского, выстрелить краткой, но горькой правдой:

Листву собой обнимая,
 Чтоб не помять – слегка,
 Сады зацвели в мае,

 И женщина расцвела.

.....
 ... Природа бывает зла:
 Сады опять зацвели,
 Но женщина – отцвела.

Рассматривая, как под лупой прекрасный, колоритный портрет автора (увы... ушедшего так непростительно рано), я не случайно упомянула о «сатирических» складках... Поэзия Гундарева не только лирична и философична, она полна незловивой иронии, самоиронии, острой шутки, великолепной, лёгкой, полётной игры словами, фразами, понятиями. В ней море метафор, аллегорий, элементов басни...

«Метаморфозы любви». Эти два шуточные диалога имеют, на мой взгляд, два толкования: постельная сцена (причём, автор обходится без каких-либо элементов пошлости) супругов в разные годы их супружества или... это «одномоментно» – здесь и сейчас, но «до» и «после».

А уж блестящую игру слов дадим отдельной строкой, отметив, как бы она ни была блестяща, ярка и остроумна, она всё же не цель, а средство, применённое более, чем удачно:

Не всякому оперу
 По нраву слушать оперу.
 И в Париже опера
 Ходят не в Гранд-Опера.

 Эпоха тоталитаризма
 Померкла вдали, –
 Мы в эру татуитаризма
 Теперь перешли.

Менее удалась шутка-издёвка о тлетворности шоу в переключке с обожаемым подлинным Бернардом Шоу, хотя сама задумка великолепна. Не очень вписалась в изящное письмо автора простовато-грубоватая шутка о простоте и простате. Зато Алкин Галкин – искусник рулад (как и скворец) – находка вне конкурса; звучна, звонка и современна!

Есть в подборке ряд стихов, о которых говорить излишне, их нужно просто прочитать: **«Три поцелуя»**, **«Недоумение обывателя»**...

И, наконец, **«Моим читателям»** – благодарственно-предчувствующая песня прощания...

А мы, сегодняшние, удивлённые, шокированные, пришибленные его внезапным уходом из нашего мира, ещё долго будем возвращаться к его умным, талантливым строкам, находя в них всякий раз новое, упущенное ранее и, вспоминая В. Жуковского, шептать:

Не говори с тоской: их нет,
 Но с благодарностью: Были.

Нелли МЕЛЬНИКОВА

Последний путь поэта

В.Р.Гундареву

Дорога терзает упрямыми вёрстами,
И двести тяжёлых уже позади.
Случайное вдруг совпадение, просто мы
Груз двести везём на печальном пути.

Наш взгляд в никуда, и мы будто бы роботы,
Не можем никак осознать и понять,
Что с нами в машине под крышкою гроба ты.
И ком не слотнуть, и слезу не унять.

К тебе обращались мы просто по отчеству,
Ты нам доверялся, ответно любя,
Поэтому дружески, искренне хочется
Окликнуть, как в жизни, Романыч, тебя.

Но это мечты: ни веснушек черёмухи,
Ни солнца, одетого в яркий кармин,
Ему не видать, и кивают подсолнухи,
Свой взгляд посылая в последний помин.

Я вижу, как в ливне небесного толока,
Над дальней деревней в печали о нём
Не белым платочком июльское облако,
А траурной лентою туч окаём.

А мы километры считаем жестокие,
И с нами в печали вдоль быстрых дорог
Стоят караулами сосны высокие,
Берёзы из веток сплетают венки.

Как всполохи дальних зарниц, осознание,
Что это природа-подруга сама
Пришла на прощальное с другом свидание,
И лента дороги как жизни кайма.

Она оборвётся с последними метрами,
И в землю опустят в безмолвии прах,
Но как облака дружат с вечными ветрами,
Так с нами останется жить он в стихах.

Василий КОНОПЛЁВ

Веточка костянки

Памяти Володи Гундарева

Есть «Нива» – неброский журнал.
 Редактором там был мой друг.
 Господь его душу приял,
 И стало пустынно всё вдруг.

Ушёл превосходный поэт.
 Мы думы с ним были одной.
 И сердце мне грел тихий свет
 Его «Деревеньки...» родной.

Мы вместе поехали с ним
 По милой степной стороне.
 Прошло столько вёсен и зим,
 А дни те так памятны мне.

Я вижу тропинку в лесу
 И другом вручённый мне дар –
 Костянку, лесную красу,
 Прощальный его гонорар...

Илья ШУХОВ

В. Гундареву

Вот, бывало, сядем на ночь:
 Трубка, водка, разговор...
 Говорю ему:
 – Романыч,
 Я писатель или вор?

Он прищурится для вида,
 Улыбнувшись краем губ:
 – У тебя в душе обида,
 Но характером не груб.
 Есть, конечно, недостатки,
 Как у каждого из нас –
 Разливаются остатки,
 И опять он щурит глаз –
 Но ведь дело-то не в этом,
 Выметай из жизни сор.
 Коль родился ты поэтом,
 То какой же к чёрту вор?!

А потом начнёт утюжить
 Мой природный русский мат.
 Хошь не хошь, а надо слушать –
 Говорит, как старший брат!

... Улетело в пропасть лето
И тоскливо без него.
Потерял народ ПОЭТА,
А я – ДРУГА своего.
И когда задремлют боги,
Словно раненый медведь,
Вылезаю из берлоги,
Чтобы в космос пореветь.
Плачь, душа моя больная,
Рвись на части при луне...
Может, звёздочка шальная
Подмигнёт из бездны мне.

Василий КОЛИН

Памяти поэта

В.Р. Гундареву

Светлой памяти поэта,
низко голову склоняю...
Горечь песен недопетых
и не встреченных рассветов
между строк его читаю...

Но зачем печаль и тризны? –
Поэт разве умирает?
И в потусторонней жизни –
преломляясь словно в призме,
жить в стихах он продолжает.

Вот стихи о родном крае –
деревеньке простой русской...
А вот степь волной играет...
Стих его всё прославляет
высшей пробою искусства.

Сын России, Казахстана –
пуповиной связан кровной,
ярок был и многогранен,
и трудился неустанно
он на ниве стихотворной.

Жизнь прожил, словно комета,
Улетел пугём он Млечным...
Но не канет имя в Лету,
навсегда на свете этом
память будет ему вечной.
2012

Альбина БАЙКОВСКАЯ

г. Кокшетау.

Гундареву В.Р.

Стало смутно на душе,
И не выразить словами.
Нет Владимира уже,
Нету связи между нами.

Хоть куда ни обратись,
Всё одно — стена молчанья.
Нет замены. Оправданья.
Оборвалась его жизнь.

Рок сошёл?
Кого ль прогневил?
Быть не может. Не таков.
Жил влюблённо. Страсть до неба —
Содержание стихов.

Нет, не выразить словами
Общей боли немоту.
Подводя всему черту:
Он ушёл, но...
будет с нами!

Марат ИСКАКОВ*г. Шахтинск.*

Памяти Гундарева Владимира Романовича

Поэт в России — больше чем поэт,
Это всегда — борец за справедливость.
Нам Гундарев оставил мысли свет,
В них тоже обитает Божья милость.

Прощается город с поэтом,
Прошедшим тернистым путём.
Окончены счёты со светом,
А труд мы оценим потом.

В его Большеречье, в Сибири,
Печальная новость летит,
Что здесь, в Казахстане отныне
Замолк вдруг известный пиит.

В село, где когда-то родился,
Туда он не раз приезжал,
Там — те, с кем давненько сдружился,
Родительский дом и причал...

Свою дорогую деревню
И в песне душевной воспел,
В тот край, что с историей древней
Давно возвратиться хотел.

Героев труда в Казахстане
Он в «Ниве» своей прославлял,
Лет двадцать в столичном журнале
Над каждой строкой трепетал.

О дружбе, единстве народа,
Он честь и хвалу воздавал...
Поэмы, статьи, переводы,
Стихи и баллады создал:
О степных просторах и горах,
О гостеприимстве и друзьях,
Об аулах дальних и земле,
О героях жатвы и зерне,
О багряных клёнах и весне,
О молитве, счастье и судьбе,
О природе милой и борьбе,
О знакомых, близких, о себе,
Дочерях и о своей любви,
Женщинах, чей взгляд играл в крови.
Сирота, с четырнадцати лет,
Верил в справедливость, честь и свет,
Он всю жизнь работал над собой –
Отвергал беспечность и покой...

Внезапно уходят поэты,
Шокируя слухом друзей.
На мир они смотрят из Леты,
Как будто закрыты в музей.

Что было не так, уж простите.
Ошибки, Учитель, учтём.
Владимир Романович, спите
Спокойным и праведным сном!

Жизнь каждого так быстротечна...
Родные, не падайте духом!
Уходит поэт в бесконечность,
Да будет земля ему пухом!
28.12.2012 г.

Владимир ПЕТРОВ

Делился словом...

Мы отнимали время у поэта,
Колесников, Смирнова... Сколько их?
Я с горечью пишу теперь об этом,
Не в силах боль делить лишь на двоих,

Да на друзей, родных и очень близких,
Читателей, знакомых и чужих..
Таким, как он, поставить б обелиски
На улицах, где много лет прожил,

Лет беспокойных, важных и чудесных,
Наполненных любовью и борьбой.
Делился словом совестливым, честным
Поэтому за гробом шли гурьбой.

Теперь, когда затянута та рана
Потери страшной, не боюсь сказать:
Он был среди тех, кто и на переправе
Сумел со дна приятеля достать.

Он стал для нас судьёю и примером
Тому, как не сдаваться до конца.
Без зависти, корысти – с новой мерой
Смотрел на мир со своего крыльца.

Спасибо, Гундарев, Вам за простые,
Доходчивые добрые слова.

Они и на морозе не остынут –
В них клятва справедливости жива!

22.10.2012

Людмила СМИРНОВА

г. Астана

Абай КУНАНБАЕВ

Новые переводы

Физули, Шамси, Сайхали,
Навои, Саади, Фирдоуси,
Ходжа Хафиз — к вам мольбы мои,
Ваш наследник в поэзии — я,
Поддержите поэты меня!

К Абралы

С юности я много видел
Мусульман, кафыров битых,
Абралы же бог обидел,
Он не знает слов молитвы.

Попросил вслух почитать,
Сбился тут же, как ни странно,
Себя же просит почитать
Будто знатока Корана.
Пред молитвою вечерней
Кланяется непрестанно,
Утверждает, что лечебный
У земли есть дар желанный,
Результат же был плачевный,
Ветер испустил нечаянно.

Нет бессмыслицы обманней:
«Еннатыйна калкаусар»,
И затем ещё туманней:
«Ани — шаны кылаптар».

Он свою молитву людям
С пользой сможет ли прочесть?
Справедливо мы рассудим:
Без мозгов он, уши есть.

К Жаксылыку

Осторожно ступай по земле, Жаксылык,
В тебе дури хватает, этим ты и велик,
Человек, в долг берущий, попадёт в затрудненья,
Каждый только себе добывать привык.

Тише, сердце...

Тише-тише, сердце, тише, сердце!
 Что же не находишь ты покоя,
 Что за дни и ночи, что с тобой такое,
 Не найти от беспокойства средства?

Успокоишься, ведь дело-то простое,
 Мужа не найдя, помрёт ли девка?
 Бродишь ночью, сон – это святое,
 Ночь без сна, лишь над собой издёвка?
 Помереть, что ль, вздумал, бог с тобою,
 Мало ль баб, что знают дело крепко?

Тише-тише, сердце, тише, сердце!
 Дно покоя – жёлто-золотое,
 Может всё узнает, не рассердится,
 Скажет слово доброе, родное,
 Слово к слову – вот и договор,
 И летит поток во весь опор,
 Чистоты, над ним никто не волен,
 А пока я не здоров, не болен,
 Нет и сил, иссяк я, что за вздор!

Тише-тише, сердце, тише, сердце!

Охота с беркутом

Позёмкой ранней беркутчи спешит поймать врага,
 Лиса среди камней, ей шкура дорога,
 Хороший конь, и рядом верный друг,
 Одежда, впору сшитая, удобна и легка.
 Вдруг видим мы лисицы тонкий след,
 Его ещё не занесла пурга...
 Охоте древней очень много лет...

Охотник на холме, внизу же шум и гам,
 Лису загонщик гонит по снегам,
 Колпак с очей орла охотник снял,
 С его руки орёл взмывает к небесам!

Парит орёл, крыла несут под облака,
 Брать с малой высоты? –
 Лиса хитра, ловка,
 Лиса хитра, скользя среди камней, уйти сумеет,
 Кровав орлиный взор, он бьёт наверняка!

Лиса, орла завидев, застыла, как куга,
 Что ж делать, если скрыться не удалось в лога,
 Открыла рот, чуть твякнула, оскалила клыки,
 Ей надо защищаться, и ей жизнь дорога.

А людям это зрелище, как нынче нам байга,
Несутся к месту схватки, смелы наверняка,
Сорок ножей-зубов готовы у лисицы,
Знак, что орёл обрёл достойного врага.

О, когти, восемь их, острей, чем острога,
Батыр не пожалеет смертельного врага,
Крыла и хвост шумят, он сам свистит драконьи,
И с высоты обрушась, впивается — ага!

И вот уже сверкают доспехи в битве страшной,
Два витязя сражаются, два одиноких стража,
Один — небесный бог, другой — земли хозяин,
Их человек заставил рубиться в диком раже.

Снег — бел, орёл — как смоль, лисица же красна,
Похоже на красавицу в купанье, вот она
Вверх локти поднимает, и поправляет волосы,
И тело её дышит, так в берег бьёт волна...

О, кожа её белая, стыдлива, обнажена,
Волна волос скрывает тень заветного пятна,
И на постели тесной в сражение вступив,
Соединилась с мужем красавица жена,
И вздрогнула лиса от нетерпенья,
Когда орел подмял ее в томленья...

И птица, и хозяин горды, как никогда,
Не все берут плутовку, не все, и не всегда,
А он хитро смеётся: «Беру их три по девять»,
Когда и старики уж прибыли сюда.
Тымак небрежно сдвинув, курнув разок насвая,
Охотник наслаждается победой, как всегда,
В горах удачи много, как ягоды в горах,
Пришёл тот день, в который везёт, как никогда.

И ни о чём плохом не думай никогда,
Ведь ты в охоте с птицей сильнее всех всегда,
И от неё вреда нет никому, нигде,
Есть в этой брэнной жизни ещё одна звезда...
Тому же, кто умён, и вдумчив, да и добр,
Тому здесь всё понятно на многие года.

А тот, кто видит лишнее, иль смотрит свысока,
В картине не увидит ни стёжки, ни мазка.
Он может только тень сомненья на тебя
Набросить, осторожней с ним говори пока.
А строки эти пусть прочтет охотник умный,
Кто с птицей не охотился, тот так и не узнает
О чём же здесь, джигиты, о чём моя строка!

Чело её бело, как серебро,
А чёрные глаза глядят светло,
Тонка начертанная линия бровей,
Как новый месяц, загнутый остро.

От лба идёт точёный строгий нос,
Бело лицо, как мраморная глыба,
Когда она откроет рот в улыбке -
Ряд белых, не зубов, а чайных роз -
Вас в жар бросает, и тотчас в мороз,
Нутро кипит, вы смерть принять смогли бы!..

Слова её учтивы, все по теме,
А смех подобен соловьиной трели,
А шея тонкая нежна, бела, как шёлк,
А горло лёгкое от солнца в лёгкой тени.

Спина пряма, и нет точней плечей,
И неподвижны яблоки груди,
И талия тонка, словно тростинка,
До пояса бежит волос ручей.

Запястья белые младенчески нежны,
А пальцы белые к труду принуждены,
О, этот шёлк волос и эта талия
Глаз наполняют радостью весны.

Не думал в молодости о науке,
Не шла мне польза от науки в руки,
И к старости пусты мои ладони,
Всё надо делать вовремя, эй, внуки!

И кто повинен в том, что ныне пуст,
Будь я умён, так испытал бы разве эти муки?
Не разомкнул я с сожаленьем уст,
Детей я стал учить не ради скуки.
Есть в том для человека и искус.
Их ради знаний в медресе привёл,
Не для чинов, труда чтоб знали вкус,

По головам к вершине, вверх взорлил,
Казахов в слове всех опередил,
Никто моих трудов не оценил,
Зачем я сердце рвал и сотню жил!

Состарились, сон чуток, меньше нег,
И гневен, желчен старый человек,
И нет друзей, с кем мог поговорить,
Кто шуткой доброй вызвал бы твой смех.

Стареют юные, живые смертны, и царь, и бек,
Не возвратятся дни,
Судьба послала их в безвременный набег,
Ты видел многое, оставил след, но понял,
Что неизменен бог один навек.

Разумным мужем будь, и победишь свой век,
То, что творят невежды, твоих не стоит век...
Как мелки думы их, дел настоящих нет,
За тем готовы следовать, кто покорит их всех.

Для многих нынче плох стал честный труд-енбек,
Ворует и паутует всяк, вплоть и до калек,
Возмездие придёт, грядёт на них управа,
Путь сотни дней пройдут, но короток их век.

И Человечеству стал чужд живущий человек,
Он честным хочет быть, прожить в богатстве век,
Найдёт одно, другое не пристаёт к нему,
В страданиях, в унижениях влачит, шутя, свой век.

Невежде хочется умом опередить нас всех,
Нам на уши навесить словесной мути мех,
Легко ему поверят десятки, сотни тех
Кто слов не знал правдивых божественную силу,
Дурак не верит правде, во всякий верит смех.

«... На сорок тонких линий ум волосок рассёк», —
Так говорит народ, тем цену дал для всех,
И богачи, и судьбы на чуждой стороне,
Те в них опору ищут, чей очевиден грех.

Беда придёт в страну, и чёрт на нас в набег,
Принижены святые, их стал печален век,
И, не признав того, что сами намутили,
На службу к сатане бегут, он примет всех.

И тут же отчуждаются, хитрят, как имярек,
И в кучки группируются, и каждый в свой отсек...
Кто в гадливости их сумел бы превзойти,
Они ж себя сожрут, придёт день тех утех?..

Народ не примет их, дела их — бред и смех...
Кто стерпит беззаконие, обман и ложь для всех?
Для хвастовства им хочется забраться в волостные,
Собачья их делишки, собачий пустобрех...

Старость... мысли о смерти... печальны мечты
И боюсь я за нынешних наших детей,
Не хотят пот пролить, и легки их труды,
Вслед за ними народ стал толпою рвачей.

Бай берёт: говорит, что вернёт без затей
В день, когда исхудает от бедности ты,
Волостные и судьи берут взятки с людей,
Обещая вернуть, взяв с казахов простых.

Нищий: «Я отработаю, спасаясь от нищеты...»,
Избиратель: «Дам с голосов всех людей...»,
Враг налог собирает с твоей доброты,
А иначе вредить будет тысячи дней.

Друг берёт: «Коль не дашь, так делишки просты,
Меня вычеркнуть можешь из списка друзей,
В другой лагерь уйду, стану чёрта лютей,
Нелегко разыскать меня будет, прости».

Аферист говорит: «Верь афере моей,
Надо всех подкупить, не жалей денег ты,
Сто отдашь, зато двести возьмешь, не жалей,
Я потом всё проверю, всё будет «кранты».

Собирай же народ, режь баранов, коней,
Угощай, тех, кто рядом, спаси от бедноты,
Стаей чёрных ворон шумят толпы людей:
Мы за тех, кто даст больше, прощя нет простоты.

Не боятся лицо потерять, а суды,
Им, предавшим все клятвы, пустого пустей,
Словно злые собаки пасти, не рты,
Разевают — куснуть больного больней.

Говорят власти русские: «О свободе мечты
Могут осуществиться среди этих степей.
Коль меня изберёшь, станешь беком и ты». —
Неисправен народ, черноты он черней.

Приловчился народ жить нечестно, честней
Хоть один попадётся, его втянут в суды,
Нет таких, кто б доволен был жизнью своей,
Мало данного богом подарка судьбы.

Сын следит за отцом, а за ним смотришь ты,
В этой жизни собачьей кто счастливей, сытней?
Честь и совесть за скот продают скоты,
Будь же прокляты ваши сотни речей.

И чужие, и родичи на просторе степей
Друг за другом следят, не жалея очей,
Разрушаются гнёзда, гибель семей
Наблюдать ты позволил, о, Тенгри, и Ты!

Честь и совесть продавшие да сгинут во тьме!
И закон, обещающий горы золотые,
Как и лживый язык да сгинут во тьме!
И столикий подлец, ради мелочной славы
Всё продавший пусть сгинет, злосчастный, во тьме!

Беркут зверя любого возьмёт, лишь научи,
Для чего этим людям ворон и кобчик?
Беркут в небо взлетит, эти тоже — и чьи -
Отправляют двух птиц, их хвосты покороче.

Ворон с карканьем вслед за беркутом мчит,
Кобчик прямо над вороном что-то пищит,
Не берут они сами, мешают орлу,
Их гонять бесполезно — кричи, не кричи...
Беркут зверя не взял, не случилось охоты,
Их хозяева ржут, как идиоты.

И чего вы добились, кто спросит у них?
Хвалят птиц бесполезных, сами их в небо шлют.
Нет тут пищи уму иль душе. В днях пустых
Развлеченье такое нашёл бедный люд.

Мой великий народ, мой несчастный народ!
Вольность-власть потерял, над тобой чёрный гнёт,
Различить не сумел, где тут бог, где тут дьявол,
Под одним словом — смерть, под другим — жизнь цветёт!

Внешне выглядишь благопристойно весьма,
А заглянешь в душу, — дрожь проберёт,
Ты советам чужим никогда не внимал,
Невозможно в споре тебя побороть,
Потому что в споре твои мужики
Не герои, не дурни, а чудаки.

Днем смеяться не можешь, ночью сон не идёт,
И не можешь назвать своим собственным скот,
Без причины гордясь, на весь свет обижаясь,
То молчишь, то смеёшься, как идиот.

Твои судьбы и главы — овечий помёт,
Не они, кто ж тогда испортил народ.
Я не верю, что вдруг исправятся люди,
Если сильный над ними власть не возьмёт!
Многочисленный, бедный, несчастный народ!

Братья ссорятся по пустякам, без причин,
Что нашло на когда-то умных мужчин?
Нет единства, нет пользы от стремлений и дел,
И богатство иссякло, и табун поредел.

Стал богатый дурак кичиться умом,
И в округе покой полетел кувырком,
Надо вылечить этого чудака,
Чтобы не заразиться всем скопом, гуртом.

Чем обрадовать можешь сердце своё?
Если ноши не тянешь, плетёшься пешком,
О несчастный, порядок тебе незнаком,
Смех ехиден и мелок, что в смехе пустом,
А настанет черёд, чтоб тебя образумить,
Приживется ли правда в народе таком?

Баи собранный скот охраняют от бед,
За десяток выручить сотню хотят,
Девяносто осталось, а сотни-то нет,
Бог так жадность наказывает, шутя.

Вот отправился в путь, попил из Иртыша,
На врага по дороге состряпал навет,
Вот уж к Волге — Едилю тянет душа,
Злобной завистью путь из доносов согрет...

Исхудали кони от подобной езды,
И в долги он залез, доносы мостя,
Стал он кляузником, но не видит беды,
Бог сподобил быть ябедой, словно дитя...

Он боится врага, не устал посылать
Письма в город, начальство за нос вода,
Бай решил победить и закон, и власть,
Он уже изнемог, ложь на лжи городя.

Так у дома держат, кормя его всласть,
Очень злого пса, людям в злобе мстя...

Разочарован я в друзьях, и во врагах,
Кто не обманывал меня?
Немного тех в степях..
Я видел близких и далёких, и прочих всех казахов,
Одной жене могу довериться, но не во всех делах.

Ради выгоды с ходу продаст тебя друг на рассвете,
Его рядом не будет в дни волнений, смуты и смерти..
Каждый думает: «Я — по ценнее, чем он, так зачем
Рисковать своей жизнью ради него?
Не на войне ведь, заметьте.

Вот и стали делами слова — воровство и обман,
Мало тех, кто бы понял, хоть слово,
Всякий себе атаман,
В эти дни в стране этой радости нет никакой,
Неужели богом нам плохонький праздник не дан?

Даже баи не могут счастливыми стать до сих пор,
Летом в поле коней украдёт заклятый вор,
Каждый день воровство, от которого нет и следа,
Уж смеяться не могут, шуткой прервав разговор.

А торговец не может товары продать, бедокур,
Сам руками отдаст, возратить не спешит люд из юрт,
Кто б бедняге помог, не хотят помогать,
Не выходит бесчестный народ из своих конур.

Мудрецы уж не рады уму своему, вот ведь дурь,
И невежды ликуют:
«Нет таких, кто среди нас был бы мудр!»
«Змеи», «жабы» все кличут чёрную вязкую тьму,
Стариков за людей не считают, такой каламбур.

Бек не может добиться, что он по рождению бек,
Ему стыдно ворьё покрывать, но и он человек,
И противятся власти смутьяны и хулиганы,
Наказанья за это ещё не понёс ни один абрек.

Родич в землю тебя закопать хотел бы, не может..
Слову старшего брата внять хотел бы, не может.
И тамыры-сваты, и друзья, жена, дети твои —
Беспокойство их, пока ты жив, гложет и гложет.

Этот сильный борец победить шалунишку не может,
Пламя в сердце, став болью, за манишку выйти не может,
Водку пьют, беспробудно все пьяны кругом, и народ,
Где добро, а где зло, распознать эту лишку не может.

До джайлау добраться, чтоб силу набрать — не могут,
На осенней стоянке без скандалов стоять — не могут,
На зимовье — такая ж картина, и даже хуже,
Возвратиться на то же место весной не могут...

Молодёжь стариков не стыдится, чур меня чур...
Попрошайки совсем обнаглели, просят уж чересчур...
За приветствие доброе начали деньги просить,
Кто на мне не испытывал глаз недобрых прищур?

Одна радость в днях ушедших — юности миг,
Думал я, что не состарюсь, вот — сам стал старик,
В юности мечты большие и печалей нет,
Не боишься никого, сам себе весьма велик.

Было делом — песню спеть, во весь голос-крик,
Иль на друге незлобиво испытать язык,
Иль с компанией в аул к девушкам поехать,
Чтоб пошла молва, что ты страстный баловник.

И не думайте, что был я бездарь и шутник.
Радовался жизни рьяно, игрок и озорник,
Выбирал из девушек лучших и влюблялся,
И краснел при встрече, сам — ученик.

В молодости смех твой — как призыв, как клик,
Финал беспечной жизни — блеклый бедный лик,
Сначала постарайся, найди себя в искусстве,
Потом трудись, как пашет стерню трудяга-бык.

На той наденем шубу иль царственный башлык,
Хвалить друг друга будем, всё скажем напрямик...
Но конь ведь похудеет, износится твой тон,
Не смейся без умолка, попридержи язык.

Печаль — твоя защита, хоть ты к ней не привык,
Одна проблема в жизни — безденежья душник...
Не надо на авось надеяться, ребята,
Всего в пять дней узнаем, какой ты боевик...

Не приведёт к удаче игры десятерик,
Есть много горя в жизни, ты вечности должник,
Но нечего бояться, стрелять врагов глазами,
Пусть прислониться не к кому, ведь ты и сам — мужик.

И кто до самой смерти хранит красивый лик,
На этом остановимся, когда придёт час-миг.
Заняться воровством, добыть неправдой пищу
Умельцы есть, кто дел достойных не постиг.

Когда отец не скажет, кто умно даст вам втык,
И не найдутся родичи, чтоб научить вас вмиг,
Кто дни свои беспечно и весело проводит,
Хлебнёт тот горя горького, придя к концу в тупик.

И среди вас найдётся ль послушный ученик,
Кто б оправдал надежды и в таинства проник,
Как аксакал, я здесь вам говорю советы,
Чтоб завтра не сказали: «Скуп на слова старик».

Джигиты, дешёвы забавы, а смех дороговат,
И это, вещи разные — так люди говорят,
Нашёлся бы такой герой, смеющийся не зря,
Тогда б беседе с ним я был, конечно, очень рад.

Весьма послушные одни, пока не выйдет за порог,
Другие ушлые, пока ты что-то объяснить им смог,
А есть такие, что слова получше чем ты сам поймут,
Но осторожно говорят, как будто всё им невдомёк.

И если любишь ты, люби, люби от всей души,
Правдивым будь, упорным будь, ни словом не греши,
Вот в красном шёлке молодёжь гуляет безоглядно,
Марая честь свою и совесть, и думать не спешит...

Торопятся, заразы, на базар,
Что они ищут, тот найдут товар,
Кто закупил продукты, кто-то жемчуг,
Неодинаков у торговли дар.

У каждого на рынке свой угар,
За деньги можно здесь продать и пар,
Один поймёт слова мои, другой их не поймёт,
От этих цен богатых бросит в жар.

Базар — один он и для бедных и для бар.
Кто, слово уяснив, пришёл к тебе?
Не завалается в пыли янтарь.
Я не хочу понравиться толпе.

От одного к другому по степи
Дойдут слова мои и до народа.
Когда-нибудь поймут, о свет мой, потерпи,
“Зачем собаке жемчуга на морде” —
Так говорят сейчас у нас в степи.
Иных джигитов в степь придет порода,
Что светом знания умы вам ослепит!

Душа — мертва, но цело тело..
Мне каждому сказать хотелось,
Сегодня — друг, а завтра — враг,
О, боже, что я вам-то сделал?

Он в доме собственном гремит
Словно поток речной в горах,
Перед людьми же тих, молчит,
Душой его владеет страх.

Вчера ты был совсем другой,
И как же это, мой батыр?
Три дня без привязи твой конь,
И прытью удивляет мир.

Прижмут тебя, и ты юлишь,
Чтобы смягчить великий гнев,
К тебе же попадут, так ты ж
«Чужих» готов испечь в огне.

На злое воровство, чудака,
Хитря, отдашь и кость и шерсть,
Даёшь для выгоды пятак,
Чтоб выручить копеек шесть.

За барахло затеешь тяжбу,
Чужой угнать мечтаешь скот.
Но и такой как ты однажды
В суд справедливый попадёт.

Так не толкай же в двери сильно,
Не возводи тень на плетень,
Богатым став, всего достигнув,
Вернёшься к ней ты в нужный день.

Конца света молодёжь,
Дружбы ты от них не ждёшь,
Каждый враг другому, камень
За пазухой найдёшь.

Продают — и честь, и совесть,
Мужества в них ни на грош.
Тунеядцев этих повесть —
Языком все множат ложь.

Мастера баклуши бить,
На войне им и не быть,
Как корова воду, допьяна
Приучились водку пить.

В их глазах смех над иными,
Искривилась голова,
Издеваясь над другими,
Свинские родят слова.

Думая лишь о себе,
Человек живёт напрасно,
Сыт, одет, обут, в мольбе
Жизнь живёт, и всё прекрасно.

Обвинишь его в незнание,
Скажет он: «Всё — дело Тенгри!
Не равны ль пред ним созданья,
Мы ведь только его тени».

Кто откроет сердцу зренье,
Правды ль свет грядёт с утра,
Вымоет ли омовенье
Грязь нечистого нутра?

От невежды мирозданье
Скрыла штора темноты,
Сердце далеко от знанья,
Только об одном мечты.

Перевёрнутую книгу
Важно вам читал мулла...
Сердцем слеп — влюблён в скотину,
Ворон — в пададь — вот дела!

В сердце б зеркало сказала
Слов иных не знать основ,
Слышат многие, но мало
Смысл понявших этих слов.

В молодые года, когда пламя
Загоралось в сердце порой,
И шуршало над всадником знамя,
Подвиг мог совершить, как герой...

Мало грусти, но много надежды,
Не страдали по пустякам,
Завтра будет лучше, чем прежде,
Так мечталось и нам. И нам.

Детство умерло, понял ли ты?
Стал джигитом, достиг силы ты?
Как прошла твоя молодость, видел?
Подчинился ли старости ты?

Но кто же знает, может ты, бедняга,
От веры отвернулся от святой,
Всегда к измене ты имел ли тягу,
Иль, возвратившись в старый дом родной,
В плену остался своей веры старой,
Словно верблюдица, не выйдя из сарая?

Имя Аллаха — лёгкое слово,
Но рот для дороги к нему не основа,
Только сердце твоё и твоя душа,
Остальное — пустое, тщета и полова.

Всю силу ту, что в теле есть,
Вложи в искусство, в свою песнь,
Оружье сердца твоего —
В любви лишь к богу, так и есть.

Умом вы не поймёте бога,
Бессилен выразить язык,
В него неверующих — много,
А он как был, так есть — велик.

Твой ум и твои чувства — знай,
Идут за сердцем, за догадкой,
А в бога верующий за край
Земли идёт с надеждой сладкой.

За днём приходит новый день,
Бесцельно не было ни дня,
За мыслью мысль летит, как тень,
Быстрее ветра, сильнее огня.

На душе моей сорок заплат,
От мучительной жизни вот этой,
Как ей целой быть — раны болят,
Каждый день убивают поэта.

Этот – предал, а тот стал врагом..
Я всем сердцем любил их,
но вскоре
Этот зло затаил, тот – судом
Угрожать стал, и нет мне опоры.

Вот и старость близка, и я сам
Ищу выход, но где он – свет?
Хорошо беспечальным глупцам,
Но от них проку нет, толку нет.

От печалей сердце в крови,
Ты прости, что тебя беспокою,
О святынях подумай своих,
Отчего я не знаю покоя.

Из щенка я вырастил собаку,
Пёс ногу мне порвал средь бела дня.
Чужого научил стрелять, однако,
Он, став стрелком, – бах! – выстрелил в меня!..

Перевод **Орынбая ЖАНАЙДАРОВА.**

Дмитрий СНЕГИН

Венок абаевских сонетов

Светлой памяти Мухтара Ауэзова

I

Мечтания о золотой поре...
Ах, детству Чингистау нет возврата!
Одна услада — на черте заката
Твои рассказы, бабушка Зере.

О, эти сказы! Стужа в январе,
А сердце страхом, радостью объято,
Когда ведомы выдумкой богатой
Батыры, мнилось, бьются на дворе.

И воют волком дальние лощины.
Но ласковы у бабушки морщины,
Дарующие веру и покой.

Забыта боль отцовской нелюбви.
И светлый сон заботливой рукой
Сомкнул глаза, расправил тихо брови.

II

Прикрыл глаза, расправил тихо брови, —
Который год он в стенах медресе?
Сверкают в нём, подобные росе,
Слова надежда, открытых в книжной нови.

Ахмет-Риза час от часу суровой:
Абай — ослушник, не такой, как все.
Легендою о недостойном псе
Грозит мулла, и розги наготове.

Абаю по душе святой Коран,
В нём суры все воистину прекрасны!
Но разве книги русские опасны?!

Молчит наставник. Бесится буран.
А жизнь полна условий и пресловий
И стоит много разума и крови!

III

И сколько портишь разума и крови
Ты, родовая распря и вражда!
Тебя питают злобою нужда,
Овечий мор или падёж воловий.

Навет и подкуп вкупе наготове
 Перед лицом третейского суда...
 Абай, Абай, летят твои года,
 Как вольных птиц ты их потом не словишь.

Трудись, Абай. Пытливый твой народ
 В неведение, но ждёт твоих щедрот,
 И в родовом суровом прозябанье

Вынашивает думу о добре...
 Абай в судейском форменном чапане
 Идёт навстречу утренней заре.

IV

Идёт навстречу утренней заре
 Бесстрастный бий, поэт или мечтатель?
 Он будет благодарен этой дате,
 Отмеченной в степном календаре.

Ему покойно грезить на бугре
 Столетьи... Время, не спеши, предатель.
 Ещё мне рано думать об утрате,
 Что скачет на разгневанном буре

И исчезает за холмистой далью,
 Пронизанной и светом и печалью...
 Восход дрожит на травах, на домбре,

На листьях вётел, дрёмую объятых,
 На облаках недвижных, но крылатых
 И на халата полах в серебре.

V

На полах чапана, что в серебре, —
 Едва приметный след дорожной пыли,
 И тучи белогрудые уплыли,
 Как кюи, сыгранные о себе.

Но всё, что слето о богатыре —
 Легенды, сказы, а быть может, были
 Номады степи в сердце сохранили,
 Как суры Магомета о добре.

Абай, Абай, не начаты дороги:
 Ты только утвердился на пороге
 Того пути, где кончиком пера

Означена в простом правдивом слове
 Подвижничества строгая пора, —
 Тропа надежд, дерзанья и злословий.

VI

Тропа надежд, дерзання и злословий,
Ты поросла мечтами, как быльём.
В трудах он день проводит. А потом
Помчится в степь и каждый призрак ловит,

И виноградной ягодою в плове
Его манит звезда тугим лучом,
И резкий щёлк взрывается бичом
Над крупом скакуна, сеча до крови.

Что значит истина? И что любовь? Любовь, —
Она, как повод, в кулаке зажата!
Но лжёшь ты, сердце, и тебе расплата

То слёзы Салтанат, то предков зов...
Перечитав седых преданий повесть,
Постигнул он любовь, разлуку, совесть.

VII

Постигнул он любовь? разлуку? совесть?
Его приемлют знатные верхи?
Молчит Абай, безмолвствуют стихи, —
Мудрец не в дружбе с миром пустословий!

Его творения приверженец усвоит,
И в час, когда особенно тихи
Джайляу, чутки в сёдлах пастухи
И даль степная что ни миг лиловой —

Кокпай поёт их и несёт в народ...
Стихи кочуют так из рода в род,
Им внемлет степь в надежде и тревоге.

Стихи бунтуют в юрте, на ковре
И согревают под шатром убогим.
Стихи — огонь на кочевом костре!

VIII

Стихи — огонь на кочевом костре!
Потоком низвергаются с отрогов,
И «Выхожу один я на дорогу»
Уж не твердит он грустно на заре.

О, Лермонтов — Алтаю, Сыр-Дарье
Ты подарил мятежную тревогу.
И не судья внимательно и строго —
Акын глядит в степную даль, прозрев.

Из беспредельных ширей Казахстана
Баян-Сулу, и русская Татьяна
Зовут на дружбу вечную сердца.

И лезвием дамасского кинжала
Он вырезал на память три венца —
Домбра, подобно лире, зазвучала!

IX

Домбра набатным гимном зазвучала.
Отныне она не подпевала, а творец!
Пусть отрешил неправедно отец
И предали анафеме фискалы, —

Обрёл он свету и добру начало
И слабодушию определил конец.
Он мужем стал, он больше не юнец:
Так много прожито, а сделано так мало.

Так много отдано раздорам... Но уйми
Свой гнев, Абай, теперь он беспричинен:
Нет места ни сомненьям, ни кручине.

Певучие газели Низами
С чела теснят угрюмость и усталость:
Пора свершений, видит Бог, настала!

X

Пора свершений, видит Бог, настала...
Сын в Петербурге учится, растёт.
Но не забыл, влечёт его, влечёт
Родная степь, как в детстве зазывала,

Дурманя полынком, чаруя маком алым.
И сын второй — священной дружбы плод,
(Он сладкие надежды подаёт),
Померялся в айтысе с аксакалом.

Опора жизни, радость — сыновья,
Абдурахман и юный Магавья,
О, далеки волнений ваши сроки!

Выстраиваются в ряд, к звену звено,
То Физули, то пушкинские строки.
Но почему за окнами темно?

XI

Поют в степи. За окнами темно...
А зимний вечер, как кочевье долог.
И мудро разливает Долгополов
В сосуды предков терпкое вино, —

На дружбу приготовлено оно!
Абай догадок и открытий полон:
– Я приоткрою над судьбою полог,
От нас сокрывший истину давно!

Глаголы, сердце жгущие, взыграли,
Всему есть место: радостям, печали...
– Дарует вдохновение народ.

Иди своей дорогою без страха! –
И россиянин крепко руку жмёт,
Приветствуя великого казаха.

XII

Приветствуя великого казаха,
Спешат к нему желанные друзья.
Так долго, умоляя и грозя,
Он вызволял поверженных из праха,

Из бытия немого, словно плаха:
Честь и свобода, – жить без них нельзя!
О ты, провидца гордого стезя,
То мчишься в бездну, то к вратам Аллаха.

Абай себя друзьям приносит в дань.
Земля родная, поднимись, восстань.
И устремись к вершинам совершенства!

Он пыль забвенья отряхнул давно:
Какое это острое блаженство:
Пирует юность, с ней он заодно!

XIII

Пирует юность. С ней он заодно?..
Как горько, как жестоко он обижен.
Проходят годы, старость ближе... ближе, –
Джигитов хоронить ей суждено!

Звезда летит в открытое окно.
О, пролети ты мимо, пролети же..
И голова склоняется всё ниже
Над гробом сына: он увидел дно.

Грудь разрывает боль о старшем сыне...
О, ад небес, куда же деться ныне:
В гробу лежит любимец Магавья?!

Им жил Абай – в грядущем весь, с размаха
Мостом над бездной положив себя,
Не зная ни безверия, ни страх.

XIV

Познал безверье, не избегнул страха?
В груди не стон, не горькая мольба, —
Поэт один, и перед ним судьба,
Возникшая из мирозданья мрака.

Разорвана у ворота рубаха, —
За юность продолжается борьба!
Не зарастёт к нему любви тропа
И не погаснут знаки Зодиака!

Он не сорвётся в бездну с крутизны.
Его стихи, как марш Курмангазы,
Расправив крылья, плавно и свободно

Летят навстречу утренней заре,
Осенены любовью всенародной
Мечтания о золотой поре.

XV

Мечтания о золотой поре...
Прикрыл глаза, расправил тихо брови:
О, сколько портишь разума и крови,
Стремясь навстречу утренней заре!

На полах чапана, что в серебре —
Следы надежд, дерзанья и злословий.
Постигнул он любовь, разлуку, совесть,
Стихи — огонь на кочевом костре.

Домбра набатным гимном зазвучала:
Пора свершений, видит Бог, настала.
Поют в степи. За окнами темно.

Приветствуя великого казаха,
Пирует юность, — с ней он заодно,
Познав сомненья, но избегнув страха!

Серик БАЙХОНОВ

Алтай – Рубикон

Роман

(Продолжение. Начало в № 7 за 2013 г.)

Глава третья

На ночёвке

1

Обычно летящие высоко в небе, словно подпирая серые весенние облака длинным клином, степные гуси, сейчас с шумом опережая друг друга, оглушая окрестности гортанными криками и шелестом крыльев, стремительно неслись вдоль гор.

– На Зайсан спешат... – сказал до этого молчавший прапорщик Роборовский, – если они так торопятся, это к непогоде.

И тут же, как бы в подтверждение слов прапорщика, на белесые вершины голых гор прицепились стада чёрных, как смола, облаков.

Новая серая гусиная стая, летящая с севера, не приближаясь к перевалу, круто повернула в южную сторону, нырнула в узкое ущелье и спряталась в его густых зарослях.

– Если я что-то в этом смысле, то не на Зайсан они целят, а напрямиком на Иссык-Куль идут... – сказал сквозь прищур, провожая взглядом гусиную нить, Пржевальский.

Его помощник, боясь показать своё знание птичьих повадок и тем нечаянно обидеть генерала, что лучше бы переменить тему разговора, чтобы не нарваться на резкость.

– Я знаю, что вы любите Иссык-Куль, Николай Михайлович, но на этот раз вы ошибаться изволите. Степные гуси, журавли и лебеди побаиваются высот Алатау. Им хоть и дальше, но ближе будет, обогнув Сауыр и Тарбагатай, через Джунгарские ворота на Нарын пролететь. А там и до Индии рукой подать. Представляете, чтобы вырастить потомство, они преодолевают территории трёх больших стран. И каждый год так, каждый раз... Да, они, птицы, не признают никаких государственных границ...

– Прапорщик, мы знаем, что Вам нравится всё английское, и что к Индии вы равнодушны... Однако хорошо, что вы не отождествляете себя с перелётными птицами, не признающими никаких границ... – сказал, плохо скрывая раздражение, Пржевальский.

Почти всю свою молодую жизнь посвятивший изучению птиц, помощник смекнул, что уж если сейчас не остановить разговор, то потом это сделать будет трудно... Он нашёл простой выход из сложившейся неловкой ситуации, чтобы не нарваться на длительные генеральские нравоучения, повернулся и пошёл к месту ночёвки.

Вторую неделю они шли среди гор и лесов. Далеко позади остались, покрытые снежными шапками, окутанные вечными льдами, вершины Ор Алтая. Их маленький караван вот уже несколько дней не мог достичь мерцающих маревом вдали и не дающих ухватить их цепи пологих гор. Стоящий в стороне от отрогов лысых гор сирый скальный голец был очень похож на

перевёрнутый чан. Чёрный казан того степняка казаха... Со стороны посмотреть, ни дать ни взять, будто кто-то тащил среди гор домой на спине этот самый казан, да уставши, бросил его у входа в горы. «Да, весьма похож на метеорит, упавший из космоса...» – подумал генерал.

Хотел, было, высказать эту мысль вслух, но не стал этого делать, предугадав лишённый романтики ответ помощника: «Какой метеорит... ваше благородие, господин генерал. Это же обыкновенный рудник по добыче меди...». Его послушать, так выходит, что Алтайские недра – это только кладёзь природных сокровищ и больше ничего. Хорошо бы лишь Роборовский так думал, но ведь и большинство того же мнения. У них на уме только рудники меди да цинка, а там золото да серебро манит глаза, ластится, мнится... Да... не одни они. Вон на северных склонах Алтая англичане копошатся, как мыши, перерыв все горы в поисках залежей золота. На юго-западных склонах Алтая, в плодородных долинах и ложбинах прочно осели русские переселенцы. Видя их, англичане просто бесились от досады, от непомерной жадности, европейцы, никогда не знающие никакой меры.

«Так вот вам!.. Не видать вам Алтая!» – от этой мысли на сердце становилось теплей. Будущее Алтая, несомненно, связано с судьбой России. В общем, это его первоочередная задача. Среди его спутников ни одна душа и не знает о смысле его цели, да и ни к чему им о ней знать. Даже такие помощники, как Роборовский, которые оценивают каждый его шаг, и те не догадываются. А может быть знают? Да откуда, и от кого? Генерал проехал вдоль всего каравана, и решил ещё раз осмотреть то место, которое его денщик выбрал для ночного привала.

Главным достоинством выбранного места было то, что прикрытое со спины отрогами высоких гор, оно давало прекрасный, как на ладони, обзор лежащей перед ними долины. Караван остановился, и люди стали разбираться с поклажей. С открытой стороны площадки по большому кругу уложили верблюдов, привязав их один к другому за шею. Ни дать ни взять – живая изгородь. С внутренней стороны этой импровизированной изгороди установили конювязь, к которой казаки привязали своих верховых лошадей. Поставили палатки. Как-то спокойнее на душе, когда люди находятся среди выюков с грузом и стоящих кругом белых походных шатров.

Всё правильно, как и должно быть. Спокойствие это зависит не только от правильно выбранного места, но и от людей, привыкших во время похода к армейской дисциплине, искущённых в трудностях дорожной жизни. Каким бы знающим человеком ни был его помощник, но генерала всякий раз искренне удивляли все эти специальные армейские и житейские знания. Такая сноровка, казалась, не должна была быть присуща его первому помощнику. Хотя, конечно, человек, будь он и учёным, надев погоны, преобразается... Вот и он тоже генерал, а на самом деле – учёный и в глубине своего сердца, гражданский человек. Всё рвался в дорогу, думая изучить природу различных земель, исследовать жизнь и историю азиатских народов, располагающихся на окраинах державы и за её границей. Много прошёл дорог, изучал, размышлял. Стало ли на душе легче от увиденного, от пройденного?

Вот другой тип человека... Казах, с которым встретился при первом путешествии на озеро Лобнор, что находится на восточной стороне Алтайских гор. Три года прошло, а помнится, как сейчас. И что приходилось держать его под постоянным контролем, чтобы всегда был на глазах, тоже помнится. Многие привычки азиатов ему известны... Да не все... Если не быть начеку, особенно во время движения каравана, то от иногда авантюрных обитателей этих мест так и жди вероломства, будь готов ежечасно. Эти подведут, как только появится возможность.

Почувствовав на себе взгляд, генерал резко обернулся. Прапорщик Роборовский от неожиданности вздрогнул.

– Каков у нас ведущий, надёжный человек? – спросил Пржевальский, пытаясь окончательно рассеять свои сомнения.

– Так точно, ваше благородие... Про проводника-казаха говорить изволисте? Этот малый чего только не умеет... Где только он всему этому научился, шельма... – сказал Роборовский, потирая тонкими, длинными пальцами кончик остренького носа. – Вот давеча слышал, как он говорил, что сегодня ночью будет поёмка, а потом град вперемешку со снегом. И как узнал? Уважаю... Или во сне он всё это видит, как вы думаете, ваше благородие? Прости, господи...

Прапорщик перекрестился дрожащими, словно в ознобе, пальцами. – Потом продолжил:

– Как вышли в путь-дороженьку, не перестаю удивляться вам, Николай Михайлович... Оставим в стороне ваше знание природы, но меня восхищают ваше понимание людской психологии...

Он и раньше замечал привычку своего помощника осенять себя крестным знаменем по поводу и без повода; но на этот раз откровенная, совершенно безо всякого повода лесть немного покорибила Пржевальского. Он не совсем понял, почему на этот раз так себя повёл привыкший дорожить каждым своим словом помощник.

Прямо перед ними, всего в каких-то пяти-шести шагах проводник вдруг замешкался, завозился с чёрным жеребцом. Надо было видеть и оценить каждое движение степняка. Почти квадратный, крепкий в теле, словно срубленный из тополя, кривоногий, коренастый казах шёл враскачку, ковылял, словно двигался по шаткой палубе корабля. Эх, ну и сравнил... нет в степи никакой шхуны, нет и палубы, жизнь кочевников проходит верхом на лошади или между горбов верблюда, это есть судьба. Да, качаясь, но не на палубе, а верхом на лошади... А когда останавливаются и сходят на землю, то качаются, смешно переваливаясь.

Генералу почудилось, что есть что-то неуловимо похожее между жеребцом и его хозяином. Да... Ноги короткие, спина и шея, как одно целое.

Разные животные, а есть внутреннее сходство. Каждый раз, глядя на казахов и их лошадей, возникали мысли о некоем внутреннем единстве, объединяющем коней и их хозяев. Как кентавры... Пржевальский, как истинный светский человек, считал себя знатоком лошадей и женщин, да таковым, скорее всего и был. Сколько перевидал он на своём веку чистокровных арабских, орловских и особо ценимых английских скаковых лошадей!.. С ними, конечно, нельзя сравнивать этого с прямой шеей, короткономого жеребца. Конечно, это не арабский бегунец, и уж тем более не английский скакун. Европейские лошади с растекающимися гривами и развевающимися хвостами не подходят степнякам с их высокой посадкой. Этот коренастый конь скорее напоминает тяжеловоза-дончика, выращенного для хозяйства донскими казаками. Но у тех же казахов имеются скаковые кони, статные, высокие, у которых широкий, размашистый шаг. А с кем сравнить степных иноходцев? Это же загляденье, а не лошадь!

Генерал, заметив, что его помощник, пока сам он думал о лошадях, обиженно нахохлился, как лесная сова, спросил своего спутника:

– Видишь этого сивого жеребца?.. Как думаешь, какой он породы?..

– Это не сивый, а чалый жеребец, Николай Михайлович, – сказал Роборовский, и от своей неожиданной смелости осёкся, даже закашлялся, потом добавил обиженно: «Откуда я знаю... С первого взгляда не похож ни на монгольскую низкорослую, ни на казахскую с широким крупом... Но вы же знаете, что я лучше разбираюсь в птицах и травах, а в лошадях я сущий профан.

– Монгольская, говоришь? Ты раньше-то монгольских лошадей видел? Может, это самая настоящая казахская порода, чёрт меня побери?

– Никак нет, ваше благородие, монгольских коней не видел. Не на монгольских лошадях наши русские ездили? Прости, господи...

– Историю, кто на ком ездил и куда ездил, это вы, прапорщик, знаете, пожалуйста, лучше меня...

Генерал усмехнулся, довольный своим каламбуром, в свои густые усы. Уж кто-кто, а он-то уж как никто другой знал и монголов, и породы их лошадей. Полагал, что знал об этом даже больше других. Но вот откуда идут предки этих самых монгольских лошадок? Готовясь к походу на Тибет, Пржевальский десять лет, так сказать, не покладая рук, подробно изучал всё, что имелось в библиотеках Санкт-Петербурга касательно Средней и Центральной Азии. Особенно запомнились, просто впились в память, записки одержимого ценителя лошадей, китайского путешественника Чжань-Цзяня, который в поисках «рождённых из огня коней» прошёл северные склоны Тянь-Шаня, излазил окрестности реки Или, и описал земли юэчжей (древних уйсуней).

Серые жеребцы, очаровавшие Вильяма Рубрука, во время его путешествия в ставку Хубилай хана... Сохраняющие традиционную чистоту породы арабские скакуны... Потом скаковые английские жеребцы... Орловские рысаки... Затем ахалтекинские скакуны... за ними... за ними лошадь Пржевальского...

Генерал подумал, что если сейчас он бы вслух сказал это, то его всезнающий, сведущий в птицах помощник, пожалуй, помер бы от смеха: «Лошадь Пржевальского, говорите? Какая такая ещё лошадь Пржевальского?»

(По шкуре жеребца, приобретённой Н.М. Пржевальским на рынке и отправленной в Санкт-Петербург, комиссией Российского географического общества была определена новая порода лошадей, которая впоследствии получила его имя. Местные казахи, не думавшие о смысле расцветки этой шкуры, называли эту породу коней то кертак, то суртак. – примечание **О.Ж.**)

Но разве у того жеребца не была такая же мощная шея и короткие ноги? Если корпус был не более, то все стати этой лошади наблюдаются и у этого сивого жеребца проводника экспедиции. Самое интересное... Может быть, этот коренастый жеребец коренастого же казаха и есть то переходное звено от дикой лошади к домашней, которую он, Пржевальский, ищет по всей Азии третье десятилетие?

Дикая лошадь... Каждый раз, собираясь в очередной поход, в новую восточную экспедицию, в нетерпении, в волнении, не считаясь с хлопотами, он ждал встречи с этим чудом природы – дикой лошастью. Разве поймут люди, что, бросив, не жалея, высокие должности, убежав от возможностей и благ европейской цивилизации, он преодолевал каменные перевалы и дальние дороги с одной только мечтой – найти этот неуловимый дар природы, волшебную, дикую лошадь. Разве поймут его люди?..

Да, люди таковы, что будут восхищаться необычной расцветкой мертвой шкуры, пылящейся на полках музея, и не вспомнят о нём, о первопроходце, первооткрывателе Центральной Азии, Николае Пржевальском. Но, может быть, хотя одному из них захочется одним глазком взглянуть, потрогать руками исчезнувшего в далекой дымке забытых времен скакуна... Может быть... Он обнаружил новую породу лошадей, но кто сейчас об этом знает? И чем имеющие славную родословную, благородные Пржевальские хуже Орловых?

«Железный путешественник», – именовали его коллеги. В такие минуты с сожалением думал об ухудшающемся с возрастом здоровье. Возможно, пришло время бросить гоняться за неуловимым призраком, подать в отставку, провести остаток жизни в семье, в занятиях, имеющих какой-то конкретный, осязаемый результат.

Вот и велеречивые слова, витиевато выражающегося помощника, сегодня ему явно не по душе. Хотя он настоящий учёный, несмотря на молодость, хорошо воспитан, вежлив с каждым, с кем имеет дело, и этим людям нравиться; а с виду прапорщик холоден, вроде неприступен, а в душе – загадка. Если кто и способен найти общий язык с проводником казахом, то, думается, это его помощник.

– Нет, что не говори, это не простой конь!.. – раздраженно, чуть ли не в сердцах, бросил он помощнику.

– Это вы про лошадь проводника, ваше благородие?..

– Дался вам этот проводник! Я про этого жеребца. Понимаете?!

– Простите... Конечно... разумеется, понял, Николай Михайлович... Благодарю господи!

По заросшей травой старой тропе, не спеша, вдвоём они начали спускаться к стоянке. Помощник по армейскому уставу шел впереди.

Хорошие характеристики из департамента внешней политики – это, конечно, неплохо. Но перед самой экспедицией он и сам провёл маленькое дознание. И здесь он узнал много нового о своём помощнике: происхождение его было достойно полунатурного им образования. Такие как он – Роборовский – были благородными не то что в семи, а в семидесяти поколениях славных предков. Пращур его происходит из рода одного из первых пророков. В племени его были энергичные, доблестные люди, которые бились с последователями последнего пророка кочевых арабов, а затем рассеялись по всей земле... Люди, которые, несмотря на бесконечные гонения, сохранили не только свой язык, но и веру, и духовную стойкость...

Почему-то его, генерала, в последнее время одолевало чувство вины, появились какие-то сомнения, недоверчивость к людям, близким к нему. Сам не знает, отчего это. У таких как он исследователей, разведчиков, военных по происхождению, недоверие к людям в крови. И в этом трудном путешествии после тяжелой зимы, по этим обледелым дорогам недоверие может развиваться, как заразная болезнь. Зная это, старался сдерживать невольное раздражение по мелочам, находился почти всегда на расстоянии от большинства подчинённых. И всё же, иной раз срывался, не контролировал себя. Или опять расшатанные нервы и ухудшающееся здоровье дают о себе знать?

2

Генерал понимал почему обычно спокойный, даже если скалы тронутся с места, он глазом не поведёт, проводник-казах, сегодня суетился без меры. Осторожность это хорошо, но в дальнем и трудном путешествии единственный среди них, кто чувствует природу, как саму себя – это проводник, и его деловитость, интуиция сейчас были весьма полезны.

Подъехав поближе, Пржевальский увидел, что проводник, притащив барана, с жирным, как чан, курдюком, уже успел связать его верёвкой по трём ногам. Потом, не обращая никакого внимания на окружающих, не оглядываясь на русских офицеров, взгромоздился на барана, как на лошадь, прижал ногами его загривок, вытащил острый ножик, попробовал указательным пальцем его лезвие, убеждаясь в том, что инструмент годится. После этого, отложив ножик в сторону, и сложил ладони перед собою в молитве, прося у господина прощения за невольное убийство...

Побормотав что-то про себя, вытянул руку с боевым ножиком, и резко полоснул по горлу барана. Ни тени жалости к животному не промелькнуло в глазах проводника, не дрогнула его разящая рука. Не то, что смерть скотины, а даже смерть человека, ранее у генерала не вызывала сильных эмоций, а здесь почему-то заныло за грудиной, у самого сердца. «И где только находит наш Харитон

таких, чёрт его задери, живодёров. Сохрани бог встретиться с этим башибузуком где-нибудь в пустынной местности...».

– Что бормотал этот громила? – спросил Пржевальский у наблюдавшего всю эту сцену толмача.

– По-арабски... да, по-арабски говорит, ваше превос... нет-нет, ваше высокоблагородие.

– Переведите! Даже если по-китайски! Вы же стояли рядом, значит, слышали. Это приказ!

– «Это моё жертвоприношение, я и вся моя жизнь и даже моя смерть всё в руках Аллаха всемилостивейшего и милосердного»... что-то вроде этого, – поспешно перевёл толмач.

– «Моё жертвоприношение», говорит шельмец. Словно пригнанный им из собственного аула баран.

Склонившись над распластанной окровавленной тушей, ранее казавшийся медлительным, немного инертным, проводник сейчас быстрыми, привычными движениями разделял барана. Собрав свою увесистую клешню в кулак, он запустил её между тушей и шкурой и буквально за секунды сдёрнул шкуру с барана. Не успели невольные зрители и глазом моргнуть, как баран был разделан в лучшем виде: передние ноги отдельно, огузок отдельно, рёбра отдельно: всё, как и положено. Чувствовалась выучка человека, всю жизнь занимавшегося забоем скота.

Почувствовав запах готовящейся пищи, поближе к ним подтянулась группа скучающих казаков, до этого стоящих в карауле. Подойдя, они окружили татарина и стали спрашивать его:

– Что за пир? Это в честь чего праздник, а? Толмач, объясни.

– Это называется жертвоприношение путника. У мусульман есть такой обычай, перед дальней дорогой или перед тем, как начать восхождение на сложный перевал, приносить жертвоприношение.

– Хороший обычай, однако.

– А я то думаю, чего это в последнее время вокруг нас эти басурманы крутятся.

Соскучившиеся по разговору за целый день трудного пути, казаки с интересом наблюдали за сноровистыми движениями казаха-проводника. Желая, наверно, ещё больше подзадорить смеющихся казаков, толмач повернулся к проводнику.

– Они хотят узнать, за какое время ты можешь разделать барана?

– Что ж ты, паскуда, врёшь? Думаешь, я не понимаю по-русски? Хочешь, сейчас возьму и тебя рядом с этим бараном положу?

Толмач вздрогнул, услышав вовсе неожиданные слова, но понимая, что это всего лишь шутка, испуга своего не показал.

– А что, Мырзеке, ты разве пробовал раньше резать людей?..

– А как же! Но, вот таких, как ты, худых, ещё резать не приходилось...

Тут толмач испугался на самом деле, и даже отпрянул в сторону.

Казаки, всё понимавшие в их разговоре, увидев его испуг, покатались со смеху. Не обращая совершенно никакого внимания на потешающихся над татаринном казаков, проводник, даже не усмехнувшись, отсек огромным своим кинжалом приличный кусок курдюка, запихнул его в рот и быстро прожевав, проглотил.

Казаки одобрительно воскликнули: « Вот это по-нашему! Боевой парень! » . Дожевывая курдюк, проводник сказал переводчику:

– Как убить человека научишься у неверных, а резать скотину, эта невелика наука, ничего сложного... Вот смотри!.. Когда перерезаешь горло, кадык

должен оставаться у головы, если же он останется у шеи, то потом тебе будет трудно вытягивать глотку и пищевод. Вот смотри, вот так это делается!

И с этими словами диковатый проводник быстро подступил к татарину и попытался огромными своими пальцами ухватить того за горло... Татарин в ужасе, смешно попятился и упал на зад.

– А когда снимаешь шкуру, делаешь прямой надрез от самого горла до грудины и соединяешь его вот с этими надрезами... Надрезаешь сухожилия на передних ногах, чуть ниже вот этого сгиба и отделяешь... И задние ноги также... Потом делаешь круговой надрез вокруг зада... И тогда никаких проблем со снятием шкуры не будет... А если говорить о шкуре... да... да... насчёт шкуры... Тебе когда-нибудь собачьей шкурой голову оборачивали, а, подлиза? – сказал мурза, и сделал выразительный жест вокруг шеи.

– Э, для чего вам моя голова, батыр?.. Скотина скотиной, а лучше скажите, как быстро вы можете зарезать человека? – проговорил толмач. Голос его при этом сильно дрожал. Конфуз был полный.

Казаки, наблюдавшие эту сцену, весело хохотали.

– Человека... Человека говоришь?.. А вот так, хватаешь его за кадык, резко дёргаешь вниз, и всё. Что, испугался, мать твою... Моё дело – хлыст и дубина. Я – пастух, и, всего лишь, смотрю за скотиной... Ты что думаешь, я неверный какой, чтобы человека резать, болван? Барана могу зарезать, не знаю за сколько времени. А вот лошадь или верблюда, пока вскипит молоко, успею не только зарезать, но и разделать... – сказал казах.

– Сам, один!? – удивился татарин.

– А что тут такого, или ты хотел подержать ногу той лошади, которую я буду резать? А, подлиза?

– Интересно, сколько это времени – пока не вскипит молоко?..

– Можно сказать, пока не подогреется вода для омовения...

– А сколько времени нужно, чтобы подогреть воду для омовения?..

– Э, да на тебя посмотреть, ты и вправду поменял веру отцов и дедов на религию неверных. Если бы знал это раньше, дорогой мой попутчик, я бы повёз тебя в татарскую мечеть по дороге в Кокпекты, и там бы зарезал тебя, как барана.

Проводник сильно разозлился от дурацких вопросов толмача, и тут в руке у него сверкнул кинжал.

Казаки, пытаясь предотвратить беду, бросились между ними, разнимая.

Проводник, слегка смятый ими, вдруг спрятал нож и расхохотался во всё горло. Эхо гулко отозвалось в горах...

Лишь после этого, поняв, что проводник пошутил, засмеялись и казаки, поднимая своим богатырским смехом вечернее небо. Смех смехом, но немногие поверили, что за время, пока вскипит молоко или пока подогреется вода для омовения, можно не только зарезать, но и разделать лошадь или верблюда.

– Когда мы были на Лобноре, было ещё интереснее... – сказал толмач, возобновляя беседу. – Если хотите, могу рассказать.

Казаки, похохатывая, согласились выслушать его. До ужина было ещё далеко.

– Ну, так слушайте. Это было в прошлом году, а точнее в прошлой экспедиции на Лобнор. В то время казаки, живущие с той стороны кордона, громко обсуждали весть, что на Зайсан приехал Мырзаш батыр. Что ни день – гостинцы, что ни день – режут барана. До отвала наевшись мяса и напившись кумыса, между делом пропуская пиалу-другую арака – монгольской водки, не уставали снова и снова обсуждать происходящие события. По их словам сразу было видно, что половина – головорезы, а другая половина – конокрады. Не зря ведь

говорят: «Рыбак рыбака видит издалека». Вот на одной из таких вечеринок, какой-то урянхайский сорвиголова, услышавший о подвигах нашего «батыра», при встрече кинулся его обнимать, как будто встретил родного свата. И ну приставать к нему с вопросами: «Как лучше увести из табуна коня?», «Как и где лучше спрятать?» Это было похоже на то, как обмениваются опытом бывалые мастера разбойного дела... Так этот урянхайский вор, не поверил словам Мырзаша: «В своей жизни я угнал не меньше тысячи голов скота», – подлил масла в огонь: «Неужели хозяева этой тысячи ходили вокруг своих кибиток и хлопали себя по ляжкам от бессилия?» Видели бы вы, как разозлился наш батыр. Мы уж грешным делом подумали, что он в гневе порежет всех вокруг.

– А ты где был в это время?..

– Как где? Неужели ты думаешь, что я бы сидел и ждал, как агнец на заклание, когда меня отправят на тот свет? В штаб побежал, конечно, чтобы предупредить. И если бы не наш генерал, то не миновать бы тогда большой драки...

И как бы оправдываясь перед генералом, который посмотрел на него недобрым взглядом из-под кустистых своих бровей, заискивающе заглянул ему в лицо.

– А дальше? Что дальше было? Ну, говори, давай... Не томи, – начали прочитать казаки.

Татарин, немного помучив их, посмотрел в сторону исходившей паром туши сырого мяса, продолжил:

– Да пусть меня постигнет кара божья, если я вру... Его высокоблагородие тогда был судьей, его слово положило конец всей ссоре... Если не верите мне, можете спросить у него самого...

Увидев, что Пржевальский от таких слов немного, вроде, подобрел, повеселел, татарин дал волю своему языку.

– Вы, наверное, поняли, из-за чего началась та ссора. Это просто невозможно, увести из под носа хозяина живого коня, да ещё за такой короткий промежуток времени... На следующий день мы, всей толпой выехали на окраину села. Вы же знаете, что собой представляет Лобнор, голая степь, а вокруг ни одного дерева, ни кустика... Так вот, как мы и договаривались, Мырзаш, сел вот на этого жеребца, привязав к луке седла молодую кобылицу, поскакал в степь. Мы наблюдали, за ним пока он не превратился в крохотную точку на горизонте, и вскоре его не стало видно вообще. Когда прошло около получаса, мы, как и договаривались, с криком и шумом бросились в погоню. Оказалось, что он всё же не успел уехать от нас так далеко, и вскоре мы настигли его. Мы нашли его под кустом карагайника, где он лежал, подложив под голову седло. Стреноженный жеребец его мирно пощипывал траву, а в ведре, что висело над костром, источая аромат, варилось свежее мясо. Кобылки, что была привязана нами к его седлу, не было и в помине. Урянхайцы чуть ли не на брюхе ползали в поисках кобылы, но та как сквозь землю провалилась. Не то, что сама кобыла, и следа её никто не смогли найти. Ближе к вечеру, уставшие от бесполезных поисков, все кто искал пропажу, вернулись. К этому времени мы с Мырзашем накрыли богатый дастархан. Собравшись, все вместе поели мяса, напились дараки, и вернулись в аул...

– Дарака? А что это такое?

– Арака – калмыцкая, дарака – кыпчакская водка.

– Это что получается, и у татар есть своя?

– Татарская водка – всем известный наш самогон.

– Да ну тебя, у тебя только самогон на уме... Ты лучше расскажи, что стало с кобылой-то? Она что, испарилась, али чёрт её прибрал?

– Да я откуда знаю, не верите, спросите у его превосходительства.

– Сколько раз я тебе говорил, не «превосходительство», а «ваше благородие»!

И хотя сказано это было с раздражением, генерал, усмехнувшись, отвернулся от людей, и отошёл в сторону. Привыкшие к тому, что молчание его означало согласие, казаки только поцокали языками от удивления.

– Интересно... Так что, Мурза вернул кобылу урянхайцам, али нет?..

– Ага, жди. Вернёт он, как же. На нет и суда нет. Пропала. Попробуй поймай ветер в поле. Позже я всё пытался узнать у него, куда всё-таки он её дел. Не сказал. Побоялся, наверное, делиться со мной своим секретом.

– Так ты что, тоже промышлял этим ремеслом?

– А то... Да если бы вы знали... Когда я жил в Казани...

Увидев, что генерал направился к своему шатру, толмач оборвал рассказ на самом интересном месте, и вместе с прапорщиком пошёл вслед за ним. Верный оруженосец, денщик Харитон шёл позади генерала, словно его тень.

3

Судя по тому, что говорил проводник, им придется несколько дней задержаться на этом месте. Не сегодня, так завтра в горах может пойти дождь со снегом. И тогда по ущелью пройдет сель. Если всё будет именно так, то тогда опасно подниматься в горы. Мощный поток воды и грязи сметёт всё на своём пути.

Услышав про это, дотошный прапорщик вмешался в разговор. Он как всегда хотел знать истинную причину.

– А откуда он это знает, наш проводник. Ему что, вести сорока принесла на хвосте? Почему вы у него не спросили?

– Да спрашивал, конечно... Но ничего из сказанного им не понял... «Если кони бьют копытом землю, обеспокоены, не стоят на месте, а верблюды часто храпят, то быть метели...» или «У меня к непогоде всегда поясницу прихватывает, шею ломит...». Бред какой-то. Вы, наверное, заметили, что проводник в дороге, едва увидит лисью нору или медвежью берлогу, сразу же опускает в неё пруттик, и начинает щупать пальцами землю... По-моему, он предсказывает погоду по поведению животных, по листьям и прочим признакам, которые ведомы ему одному... В прошлый раз, помнится, он бормотал: «После такой суровой зимы, которая была нынче, будет засуха. И все, переселенцы, что прибыли в наши края, не выдержат, перемрут от голода». Услышав это, я настолько был удивлён, что даже слово вымолвить не смог... А сегодня он сказал: «Ночью будет сильный ветер»... Вы заметили, что сегодня вокруг нас не роится мелкая мошкара, как бывало обычно?..

Как только разговор коснулся мошек, прапорщик подумал про себя: «И вправду, мошкары как будто и не было в помине... Интересное явление для науки... Что ни на есть народная метеорология, сильно развитая у народностей Востока, в частности у тех, кто населял Тибет... Не мешало бы, пока они в пути, улучив момент, подробнее поговорить с проводником... Даже не мешало бы всё записать...».

Послышался, раскатистый, словно гром, хохот казаков, да трубный голос коренастого проводника. Он пел, подыгрывая себе на домбре: «... Где же мой красавец белоногий конь... стелющийся в полёте...».

– Что они там гогочут? О чём поёт этот шелмец?

– «...Где же моя красавица лунолика...» – толмач приложил руку к уху, вслушиваясь, и тоже хохотнул. – Да всё как обычно... коней быстрых ищут... потом красных девиц... Как всегда стоит им набить брюхо, как начинают петь...

– Какие кони? Какие девицы?

– Говорят же «стелющиеся в полёте». Не те, что скачут, как заведённые, не иноходцы, а «стелющимися» они называют обычных рысаков.

– Странно... Эти черти окаянные ведь раньше не признавали других лошадей, кроме иноходцев...

– Что имеем, не храним, потерявши плачем, – это ведь они так говорят, ваше благородие...

– Это как понимать?

– В смысле того что: «Хорошего много не бывает», ваше благородие...

Гортанный голос проводника набрал силу. Похоже, он пел-кричал уже во всё горло... Кажется степняк, возомнив себя настоящим певцом, решил показать все свое умение певца, начав новую песню: «Когда загнав коня, чтобы увидеть лишь тебя я прискакал в ночи... Не веря никому пришла ко мне сама м-и-л-а-я- м-о-я-я-я...».

– Это точно, девиц им подавай... Да ещё лучше не простых... А тех, что сами приходят... Звать-то не надо... По-вашему... точнее, говоря по нашему... женщины лёгкого поведения.

– Какие ещё, к чёрту, женщины? Ты кому тут заливаешь? Да он же про коня поёт, придурок!

– Так точно, ваше благородие... О коне, а потом и о женщине... Вы же знаете, что эти степняки никогда не слезают с коня, по мне, так они и по большому ходят с лошади...

Пржевальский едва сдержал смех, кончики его огромных усов дрогнули. Прожив чуть ли не половину своей жизни в походах по азиатским землям, среди таких вот татар и казахов, он считал себя знающим, как ему казалось, практически всё об их жизни, о быте и даже о том, что они думают. Действительно, о чём ещё можно мечтать, живя вот в таких бескрайних степях? Насытившись мясом молодого барашка, запив его шубатом и кумысом, о чём ещё может мечтать степняк, как не о хорошем скакуне и не о красавице жене?.. Уж кто-кто, а они знали цену лошадям... Если конь, то обязательно скакун благородных кровей, если сокол, то только самый зоркий и дерзкий... Потом... Что ни говори, и в женщинах они знали толк.

Лошади и женщины... Что, в самом деле, нужно мужчине, настоящему джигиту? Генерал начал мерить огромными шагами и без того маленький шатёр. Мысль, которая пришла к нему, была неожиданной и долгожданной. Это было прозрение... Лошади, которых он видел, были не игреневыми и не пятнистыми, все они были светлого окраса...

Именно так всё и было. Исходивший вдоль и поперек практически все пески и горы Средней Азии, он всего лишь два раза видел диких лошадей. И то всего лишь мельком... А ведь в науке признаются только точные факты. И что бы тогда сказали его соратники, узнай они истинную правду, и то, что шубу, сшитую из шкуры именно этих лошадей, он получил в подарок из рук начальника таможни?.. Естественно, «что написано пером, не вырубишь и топором». Тогда не стоит писать об этом...

В один момент ему захотелось вырвать этот лист из дневника и уничтожить его, однако когда досада на себя самого прошла, он не стал трогать злосчастную бумагу. Можно было стереть часть текста... Но и этого он не стал делать, а лишь перечеркнул крест на крест только что написанное. «Время ещё есть... в конце концов, он всё ещё в походе, а не за столом в кабинете. В этой экспедиции, в этом походе, в этот раз он должен поймать пусть не взрослую особь, хотя бы одного жеребёнка этой дикой лошади».

Сомнениям не было конца, и генерал то и дело возвращался к своему прошлому, к случаю с лошадьми. Он понимал, что, стерев или вырвав страницу можно навсегда вырвать из истории то, что было. Но вот из сердца удалить, никак не получится.

Всё, что предсказал о погоде казах-проводник, оказалось сущей правдой. Ближе к ночи погода стала портиться. Порывистый холодный северный ветер начал играть с шатром, словно тот был бумажным, едва не вырвав колья, к которым тот был привязан. И, судя по силе и скорости ветра, это была настоящая буря. И не просто буря, которая с легкостью перемещает пески в пустыне, а та буря, что с неимоверной силой вырывает вместе с корнями вековые сосны и лиственницы в горах...

Но сквозь завывание ветра и грохот кухонной утвари из шатра казаков слышались раскаты хохота. Наверное, очередной анекдот толмача вызвал их смех. Мерцало пламя фонаря, при котором генерал делал свои записи, не обращая внимания на шум ветра, на отвлекающий хохот и восклицания подчинённых. Слушая песни неугомонного ветра, он несколько минут листал свои заметки. «Здесь существует семь названий бури. Степная буря... Чёрная буря... Пёстрая буря... Почему именно семь?».

В своих путешествиях по степям и долам, он заметил, что казахи с трепетом относятся к магическим числам. Всё, что они видят, всё, что передаётся у них из поколения в поколение, имеет своё число. Самое интересное что, даже готовя пищу, они опять таки обращаются к определённым числам. Семь дней... Семь месяцев... Семь слоёв неба... Порою даже в обыкновенной реальной жизни они используют числа, значение которых ему никак не удавалось понять. Семь родов... Семь общин... Семь племён...

Однажды он обратился к прапорщику, который кропотливо срисовывал наскальные рисунки: «Прапорщик, а вы не знаете, почему казахи делятся то на семь, то на три?».

«Насколько мне известно, когда-то они называли себя семью огузами с тремя стрелами... В последнее же время называют себя Алты Алаш – шестью Алашами... И судя по этому, я подумал, что они более благоволят число шесть, нежели семь, Николай Михайлович».

«А где же тогда седьмой?».

«Если я правильно понял ход их мыслей, седьмым могут быть или татары или же калмыки. А возможно даже что и монголы... Да и зачем вам забивать голову подобным, всё, что я только что сказал вам, это всего лишь научная гипотеза, ваше благородие...»

Ещё в прошлый раз он обратил внимание, что его помощник внешне был похож на азиата. Были в нём некоторые похожие, едва уловимые, черты... Он чуть не спросил его: «А ведь и для вас число шесть имеет особое значение?» – однако вовремя сдержался и промолчал.

Он уставился на цифру «7», которая была крупно написана им на одном из листов его дневника. Когда и где он вывел её на странице, он не помнил. Положив свою тетрадь обратно в сундук, он лёг отдохнуть на кровать. После длительного дневного перехода, едва его голова коснулась подушки, генерал заснул крепким, богатырским сном, и впервые за последние дни он вдруг увидел сон.

Во сне он бродил в одиночестве по берегу горного озера. Вода в этом озере была чернее вороньего крыла, такого цвета были и горы, в окружении которых было это озеро. А он, босоногий, шёл по щиколотку в песке. Вдруг оказалось, что это не он бредет по песку, а подпирающие своими рогами свод небесный огромные быки. Они с треском и грохотом тянули за собой иссиня черные скалы. Семь волов. Почему семь? Именно с этим вопросом он и проснулся.

Первое, что он почувствовал, едва открыл глаза, так это тишина. Едва уняв бешено колотящееся сердце, он посмотрел на колышущийся свод шатра и

прислушался. За пределами шатра не было и звука. Он знал, что подобная тишина, затишье перед опасной бурей, и холодок пробежал по его телу.

Присев на кровати, пытаясь окончательно проснуться, Пржевальский помассировал лицо и осмотрелся. На войлочном коврикe, отражая лунные лучи, что падали сверху из отверстия в шатре, лежал его штуцер. Подтянув к себе свою пятизарядку, погладил её холодный затвор, и окончательно пришёл в себя. Оружие в руках всегда его успокаивало.

Когда-то в далеком у него была почти такая винтовка. Отец его и дед были коллекционерами оружия. И не просто оружие они коллекционировали, а ружья инкрустированные серебром, и чтобы цевье было из ценного красного дерева. Его пятизарядный штуцер был надёжным и незаменимым спутником и защитником во всех его последних путешествиях. Три года назад, перед экспедицией на Лобнор, на званом ужине в его честь немецкие друзья преподнесли ему в дар этот штуцер. С тех пор винтовка всегда была при нём. Он не боялся людей, не боялся самого императора. Он больше всего боялся темноты. Это была болезнь, которая преследовала его с раннего детства. Было бы хорошо, если бы этот недуг прошёл, так же как и проходит детство. Однако, как он понял позже, страх перед темнотой – это нечто иное, как страх перед чёрными тенями, которые заполняли углы его шатра. Едва он закрывал глаза – перед его глазами вставали стены. Именно эти белые стены начинали сжимать грудь и душить его словно тиски. И не важно из чего эти стены, из бетона или мрамора. Эх, если бы кошмар его испарялся вместе с покровом ночи, но нет. Город на Неве был полностью построен из камня и бетона. Его дом, место работы, тротуары, абсолютно всё, что окружало его, было из бетона и камня. Может, именно поэтому ему было душно и невыносимо тесно в каменном городе, и поэтому он выбрал вольные степи и неприступные горы?

Страх... Нелепый ночной страх... Странно даже, что человек, который не боится грохота камней в горах, диких зверей на волчьих тропах, испытывает страх перед темнотой и тишиной. Лишь только генерал собрался с мыслями, раздался едва слышимый звук, и он насторожился. В этот момент он задумался о своём здоровье, которое в последнее время стало ухудшаться. В прошлое путешествие на Тибет ему пришлось вернуться с полпути, а всё из-за изжоги. Болезнь желудка вынудила его вернуться в Санкт-Петербург. На обратном пути он не поехал привычной южной дорогой, на этот раз путь его лежал через северо-запад, по землям, на которых жили народы, постепенно переходившие в подданство России.

Он прошёлся вдоль Иртыша, что беззаботно протекал по территориям двух великих держав, и ничто не мешало реке, для неё не существовало ни держав, ни границ между ними. Остановившись для ночлега в укреплении, которое располагалось в устье каменных гор, он продолжил свой путь. Как вчера помнил он ночевку в казацкой станице Отрадной, когда, укутавшись с головой в одеяло, он плакал от досады. Он плакал оттого, что его мечте не суждено было сбыться в этот раз, и никто не знает, сможет ли он в будущем вернуться к ней, да и вообще, успеет ли? Однако, слава Всевышнему, спустя год он всё же вернулся в эти края. И хотя, как и прежде, всё зависело только от него одного, чувство страха висело над ним, как дамоклов меч, и от одной мысли, что он может совершить роковую ошибку, сердце его готово было выпрыгнуть из груди.

Пугало его то, что нынешняя экспедиция началась с неудачи. Март месяц прошёл в хлопотах и суете подготовки к экспедиции. Он поверил приметам казахов, которые были ох как суеверны. Он не учёл того, что едва перенёсший тяжелую зиму, народ был подкошен словно луговая трава под косой, выпавшим в апреле снегом. Куда бы он ни устремил свой взор, всюду были голод и смерть...

Все они были потрясены таким «подарком» природы: те же русские солдаты и казаки, что прятались в домах, лежа на теплой печи, и местные казахи, что едва волочили ноги от голода, единственной опорой которых был высушенный временем чёрный посох.

Ещё ему стали мешать разные чиновники. Не будешь же объяснять каждому, кто ведал императорской казной, что для империи срыв или же задержка его экспедиции были чреваты большими последствиями и бедами для народов этой древней земли. Необходимо было поставить точку в проблеме раздела территории между Россией и Китаем... И то, что они, люди из его экспедиции и он сам, не дождавшись середины апреля, двинулись в путь, было своего рода вызовом природе, обстоятельствам и политикам. Он один здесь, царский генерал, рискуя жизнью и здоровьем, делал то, что не смогли бы другие... Где он проходил со своим караваном за тридцать земель от столицы, там по его следам кабинетные стратеги чертили линии на карте, обозначая границы.

Накинув на плечи китель, генерал вышел из шатра. Подняв голову, устремил свой взор на небо. Небо было серым, звезды начинали гаснуть, и он с трудом отыскал глазами на сером небе сверкающий серпик. Месяц едва только народился, казалось, что он словно младенец лежал в колыбели, опершись одним боком на одну из гор. Увидев это, Пржевальский подумал: «К добру ли это или нет?.. Надо спросить у проводника...».

Обычно караваны держались подальше от гор, и он в очередной раз удостоверился в том, что его проводник действительно знает толк и в выборе места для ночёвки, и в приметах. В душе он был благодарен этому казаху, не забыв, однако, при этом, поблагодарить и самого Всевышнего.

За спиной раздалися шаги, и кто-то кашлянул. Помощник – догадался он.

– Я одного не могу понять, почему у этих казахов весь мир состоит из семи частей?

– А разве в Европе не так?

– Семь родников... Семь рек... Семь островов... Говорят, что даже у Иртыша есть семь имён... Это ещё что... оказывается, даже у бури есть семь названий...

– Но ведь и у русских точно так же...

– А у вас?

– У нас не только к семёрке, но и к шести тоже особое отношение... Да к тому же, практически все народы Востока считают, что в каждом знаке и числе есть что-то магическое. Я почему-то уверен, что на Тибете мы с вами найдем достаточно ответов ко многим тайнам, что не дают покоя многим учёным всего мира, Николай Михайлович...

– Так называемую «Чёрную бурю» мы уже видели, интересно, а что же тогда они называют «Пёстрой бурей»?..

– Вероятнее всего это то, что мы называем буреломом... По рассказам казахов, после неё деревья лежат вповалку. И хотя у них есть более ста наименований цвета, только слово «пёстрый», вернее, понятие его, как цвет, имеет отрицательное значение. В общем-то, у них....

Генерал не захотел дальше слушать Роборовского, устал от его умных слов. Роборовский почему-то всегда хочет показать свои знания, словно без его научного объяснения другие люди не поймут, что в этом мире к чему. У него появился новый интереснейший вопрос. «А что если народ, который разрисовал петроглифами скалы, таким образом, оставив потомкам бесценную информацию, знал и секрет магических чисел?..».

Прапорщик, видя, что генерал не желает его слушать, обиженно замолчал, и пошёл к себе досыпать.

Пржевальский остался один, разглядывая всё ещё тонущие в сумраке окрестности. Ночь – тайна, а тайна, как правило, заставляет активно работать серое вещество мозга, и это просто замечательно. Ещё перед сном он сделал запись в своём дневнике «В последнее время передо мной открылся доселе неизвестный мне мир, совершенно непохожий на старую Европу! Да! Именно так, природа Центральной Азии, это само совершенство, дикий и неизведанный край, где каждый уголок и всё живое с враждебностью относиться к цивилизации». Именно так, и не иначе.

Цивилизация... Цивилизованная жизнь... Единственное что его удручало, так это то, что, посвятив всю свою сознательную жизнь исследованию тайн природы, этого бренного мира, он так и не познал сущность бытия. Какая разница может быть между цивилизованными войнами и законами природного естественного отбора? Если посмотреть, то человек, который изобрёл порох и динамит, явно превосходит природу. Если сильный человек уничтожает слабого человека, а образованный – неучей, то где тогда разница между людьми и животными? И куда тогда деваться вот этим местным азиатам, которые живут... нет, не живут, а существуют, ибо их нынешнее положение схоже с судьбой зерна между двумя жерновами?

Ночью, пока все спали, и он в том числе, ураган прошёлся по горам, словно дикая орда... Разве есть горы без единого кустика?.. Задав самому себе этот вопрос, генерал обратил внимание на то, что гора Сауыр, подле которой они остановились на ночлег, была совершенно голой. Та пара кустарников, что ещё вчера росла на склоне горы, ночью была вырвана с корнями ветром. И, как сказал Роборовский, вчерашний сильный ветер – бурелом, как говорят местные казахи – Пёстрая буря. И что было бы с ними, если бы они остались в лесу, а не разбили лагерь именно здесь, в укрытии под горой, под её навесом? А проводник-то не так прост, как кажется, ох как не прост... Однако теперь он был безмерно рад и благодарен казаху-проводнику за оказанную им услугу, за его прозорливость и опыт.

Убедившись, что теперь вряд ли уснёт, генерал вернулся в шатёр, снова достал из планшета дневник и начал записывать в него те мысли, что посетили его, когда вышел из шатра. Писал он о природе Средней Азии, о гармонии, в которой жили с ней кочевники, об их сноровке и умении выживать в этих далеко не райских условиях. А затем, как обычно, он начал записывать всё, что он увидел в пути, к каким выводам пришёл, о том, что следовало бы все рассмотреть более детально, с научной точки зрения.

«... Два шатра расположили у подножья горы, между ними лежали собранные в кучу вещи, рядом с ящиками и прочим скарбом спали дежурившие по двое казахи. Невдалеке лежали верблюды, рядом с ними расположились овцы, немного дальше стояли запутанные кони. После длительного и тяжёлого перехода и люди и животные сильно устали, все спали мертвецким сном. И лишь изредка всхрапывали кони, с шумом вздыхали верблюды или что-то говорили про себя во сне...».

Он и вправду так написал: «Говорят верблюды...». Перечитывая то, что он записал своим корявым почерком, он подумал, что с его знаниями можно не только производить всякие расчёты, но и писать литературные произведения. И от этой мысли ему стало приятно. Всё, что он сегодня пережил, увидел, услышал и записал, вернуло его в состояние удовлетворения и покоя. Однако, военная выучка давала о себе знать, и он заставил себя сосредоточиться, словно и не было того момента внутреннего покоя и удовлетворения. Сложив дневник в планшет, он подумал о том, что не плохо было бы проверить караван, перед тем как они выйдут к переходам через Алтайские перевалы.

Глава четвёртая

На перевале

1

Пржевальский, в который раз, как бы оценивая возможности, разглядывал с высоты скалы свой караван, медленно идущий вереницей среди гор.

Вид каравана, в самом деле, был жалок. Впереди процессии шёл огромный, как баркас, сивый жеребец. На нём восседал квадратный казах-проводник, и генерал мог видеть всего лишь его толстый, как бревно, затылок. В такт езде подмышкой, ремень свисал с плеча, у того болталась короткая пика. Покачиваясь, в полудрёме он, скорее всего, как обычно напевал что-то себе под нос.

Если бы до этого дня кто-либо сказал ему что есть на свете настолько необычный и своеобразный человек, как этот, он бы ни за что не поверил. Три года генерал его знает, и каждый раз, каждый день Мырзаш предстаёт перед ним в новом качестве. То певец, то разделыватель барана, то рассказчик анекдотов, то знаток местной природы, следопыт, предсказатель погоды, умелый охотник. А долгими летними вечерами Мырзаш, подыгрывая себе на домбре, рассказывал длинные-предлинные эпические поэмы, в которых казахские батыры сражались со своими вечными врагами, калмыками. Когда бы он ни посмотрел на этого казаха, тот пребывал постоянно в таком вот напевно-беззаботном состоянии. Знай себе, напевает что-то, понятное только ему одному. При этом ни ему, ни его собратьям, хозяевам этой обширной и богатой лесом и зверем земли, было невдомёк, что на материке, на евразийском континенте именно в эти дни и недели идет большая делёжка территорий, определяются границы влияния великих государств – России, Китая и Великобритании. Ох уж эти англичане, куда они только не влезут.. Мало им даже Индии...

Во втором строю – на откормленных, юрких лошадях, покачивая в такт движения мохнатыми малахаями, ехали казаки. Обычно, как люди служивые, они беспрекословно подчинялись приказам офицеров Пржевальского. Кого ни возьми, все удалые вояки, испокон времён охраняющие рубежи великой империи. Хотя они и отбились от строгой подчинённости российскому государству, успели за десятилетия казачьей вольницы вдохнуть воздух свободы, тому же царю они были преданней прирученных борзых, всегда были оплотом трона, его гвардией. И то, что царизм уделял им особую роль в освоении новых земель, являлось своего рода гарантом незыблемости государства российского...

В середине обоза величаво, степенно покачивая горбами, шли спокойные верблюды. И если бы не покачивание горбов, со стороны казавшаяся неуклюжей поступь, можно было подумать, что они плывут и плывут. Ощущение было такое, словно каждый из них понимал, что вся и всё зависит от них, и поэтому в их поступи было что-то грациозное и величественное.

Хотя Пржевальский полжизни потратил на изучение животных, он всё никак не мог понять этих «кораблей пустыни» – верблюдов. Посмотришь на голову – самый что ни на есть динозавр, тело – длинноногое, больше похожее на диких лам из латинской Америки. Легко переносящие любую дорогу, не знающие жажды, они самое практичное средство передвижения. Хотя следует заметить, оттого, что они так сильно привязаны к человеку, как лошади, видимо позже их были приручены, у этих созданий был ряд значительных недостатков. Говорят, что, несмотря на свой огромный вид и просто чудовищную силу, без помощи человека им очень трудно размножаться. И даже немного обидно, что

приручил это животное не цивилизованный европеец, а простой дикарь, азиатский человек, можно сказать, туземец. Мало этим степнякам первенства в приручении коней, так они ещё и верблюдов приручили доить, пастись, ходить под сёдлами и тюками в дальних переходах.

Страстью Пржевальского всю жизнь были дикие животные. И теперь, кажется, он нашёл то, что искал. Интересно, а что сказал бы об открытии новой разновидности лошадей его помощник? Скорее всего, будет кричать древнее: «Эврика!», а потом надоест своими научными определениями и латынью. Но что интересно, есть же ещё и дикие верблюды, которые уж точно размножаются без людской помощи... Наткнувшись на такую смешную мысль, Пржевальский повеселел и чуть не расхохотался. «Вообще-то, это с научной точки зрения серьёзный вопрос, ибо для учёных отличия между диким и домашним верблюдом всегда были большой загадкой, которую пока ещё никто не решил...» – сказал бы орнитолог Роборовский... И генерал ещё раз улыбнулся про себя.

К каким бы выводам он ни пришёл, в данный момент для верблюдов, которые несли поклажу в караване, это не имело никакого значения. Их не могли интересовать ни учёные споры, ни научные степени, ни армейские чины, они продолжали путь со свойственной только им величавой поступью.

Наконец, взгляд генерала остановился на небольшой отаре овец, голов в тридцать, что тащилась позади всех. Роль, отведённая этим существам, была особенной. Казахи, кочующие по этой земле столетиями, знали в них толк. Баранье мясо самое питательное и полезное в нелёгком путешествии, если не считать того, что оно немного тяжеловато для желудка. Но пока что Пржевальский не встречал лучше еды, чем мясо молодого барашка, разумеется, хорошо отваренное. И практичным здесь было то, что их пища сама шла за ними на своих ногах, не издавая ни звука, безропотно плелась в конце каравана.

Увидев идущего вслед за отарой крещёного татарина-толмача, генерал усмехнулся. Татарин присматривал за отарой и одновременно являлся переводчиком экспедиции. Нужный человек... До той поры, пока они не придут в Кульджу и он, российский генерал, не возьмёт официального переводчика, услуги которого были оговорены заранее. Здесь существенным было то, что татары стали подданными России давно, раньше казахов.

«Нужный человек», словно почувствовав на себе взгляд генерала, приблизился к нему. Заискивающее заглядывая в глаза, он начал рассказывать о том, что успел заметить. Сам толмач называл своё сообщение «докладом», и понимал, что начальнику экспедиции интересны любые мелочи, не говоря о существенных фактах.

Но сегодня докладывать было нечего.

– Никаких происшествий, ваше превосходительство...

– Не превосходительство, а благородие.

– Именно так, ваше благородие.

– Правильно. Ты видишь вон того, который едет во главе колонны?

– Заметно, что он разбирается в погоде и хорошо знает дорогу. Но вот внешний вид его...

– К чему тебе его внешний вид? Ты должен знать, что у него внутри. О чём он думает? Что замышляет?

Люди подустали, нужен был привал, к тому же караван подошёл к ущелью. Здесь надо остановиться и разузнать, разведать, что впереди. В горах можно было ожидать чего угодно. Внезапный дождь или того хуже град могли начать движение камней и грязи, а сель, не приведи господь, мог снести всё на своём пути, в том числе, если зазеваешься, и их небольшой отряд?

Смотря в чёрный зев ущелья, Пржевальский подумал, что проводник перед очередным опасным переходом снова зарежет барана, и их спутники наедятся свежего мяса... А казах с татаринном обглодают очередную баранью голову, как это было недавно.

Но как оказалось, в этот раз он ошибся. Проводник, повернув коня, подъехал к верблюдам и начал отвязывать их друг от друга. Пржевальский это понял так: в случае, если один верблюд сорвется вниз, то он потащит за собой и остальных. А это очень опасно, и нежелательно.

Видя, что проводник вновь запрыгнул на своего жеребца, генерал тоже вложил ногу в стремя, чтобы не отстать от него. Он вздрогнул, когда к нему неожиданно, как всегда бесшумно подошёл денщик и схватил его за локоть. Приложив к губам палец, Харитон головой кивнул в сторону горы.

Гора. Обычная гора, каких вокруг было много. Вершину её окутали облака, а на склонах местами лежал снег. Ничего особенного. И лишь у самого обрыва, среди камней росла одинокая берёза. Пржевальский не заметил ничего подозрительного. Только жестами, стараясь не шуметь, денщик показал в сторону той самой берёзы.

Проследив взглядом, куда показывал денщик, генерал, наконец, заметил: на открытой площадке между двумя скалами, которые торчали, как упругие груди юной девушки, стояла группа конных. Пржевальский поднёс к глазам бинокль. Конные смотрели на них, казалось, они готовы броситься сверху на них, на караван. Всадников было около сотни, каждый был хорошо вооружён, в руках острые пики, за плечами луки или винтовки. Во главе сотни, это было заметно по тому, как он важно развалился в седле, был человек с маленькой бородкой. На голове у него обычный борик, за спиной торчало длиннющее фитильное ружьё. Было время, генерал не раз встречал похожих людей в первой своей экспедиции в Монголию, и во втором походе на Лобнор. Но сейчас Пржевальский не знал, кто они. Люди-враги, которые всю дорогу невидимой тенью преследовали караван, чтобы в подходящий момент напасть на них? Помнится, на Лобноре они дали отпор тысяче таких верховых, хотя у них было всего лишь восемнадцать винтовок. И тут сердце генерала дрогнуло. Потому что это был не Тибет, не Лобнор, а территория, принадлежащая Российской империи. Это означало, что эти верховые знали, кто они, и специально следили за ними. К тому же за спинами у некоторых из них генерал разглядел не фитильные ружья, а новые винтовки. Так кто они? Может быть, китайцы?

– Нет, это не китайцы, – шёпотом произнёс его помощник, словно читал его мысли.

– А это случайно не нголоки?

– Какие нголоки, ваше благородие?

Пржевальский вспоминал, как во время всё той же монгольской экспедиции судьба не раз сводила его с племенем нголоков. Воинственное племя. Те люди, что стояли перед ними, не были похожи на нголоков, которые ближе к зиме перебирались в горы, а летом кочевали в устьях рек и озёр.

– Зови проводника!

Генералу не понравилось, что обычно понимающий по выражению лица его мысли и приказы, Харитон стоял, потупив взор.

– Где наш проводник, сукин ты сын? – перешёл на крик генерал.

Обернувшись, увидел, что иной раз пищу принимающий сидя на коне, коренастый на этот раз стоял на земле, и стоял словно истукан. И вдруг начал кланяться, показывая верховым сначала голову, потом спину и, наконец, свой зад... Только теперь генерал понял, почему Харитон тоже не двигался. Генерал

решил, что это очередной обряд азиатов, который обязателен при встрече незнакомых групп людей. Оставалось, только молча наблюдать.

Наконец проводник перестал кланяться. Но на его лице не было ни тени страха.

– Ты поговорил с ними? – спросил Харитон проводника, к нему, наконец-то, вернулся дар речи. – Кто они? Случайно, не нголоки? Или всё-таки керей?

Проводник поднёс ладонь ко лбу, сощурил и без того узкие глаза, и махнул рукой, что означало: «Двигаемся дальше...» и запрыгнул в седло.

– Поехали, времени мало, нужно идти, господин начальник.

– А что с этими?

– Вы о ком?

– Ну, эти, бандиты...

– Какие бандиты? Это же наши! Наш караул, ясаки...

– Какие караулы? О каком карауле ты говоришь?

– Наш. Караул ясаки из рода найман. Спускаются на летнее пастбище.

Коренастый дав шенкеля коню, поехал вперед, давая понять, что пора продолжить путь.

Харитон удивленно, не зная, что делать, посмотрел на генерала.

– Что он сказал? Караульный отряд или вооружённый отряд?

И тут до генерала дошло. Было время, когда караул ясаков он встречал и раньше в восточной крепости – Бийске, и в северной крепости – Сергиополе. Видел, как джигиты из рода найман нанимались на службу в караульные отряды, и даже получали жалование. Только теперь он вспомнил название этого рода – «найманы»... Это они – русские назвали их караул ясаками. Вспомнил, как этих наёмников они уже встречали в Китае и в Монголии. Обычные наёмники, способны охранять их экспедицию. Или же по чьему-то приказу уже охраняют. Но почему о них сам Пржевальский ничего не знает? Охрана так охрана. Но вот вопрос: почему к концу девятнадцатого века, на границе империи свободно разъезжают сотни вооружённых людей? Кто разрешает подобное? Не казаки, не солдаты, а найманы...

2

Караван снова пошёл своим маршрутом, толмач исчез между деревьями, и генерал остался наедине с помощником. Заметивший недовольное выражение его лица, прапорщик подъехал ближе.

– Я слушаю вас, Николай Михайлович!

– Какие вы сделали выводы из этого случая? Кто же они?

– Вы о ком, Николай Михайлович?

Пржевальский двумя указательными пальцами показал в ту сторону, откуда они уже изрядно отъехали. Роборовский кашлянул.

– Как бы это сказать? Мне кажется, они уходят за кордон... Горный таёжный Алтай не может стать постоянным местом жительства для привыкших к степи казахов. Помнится, ранее я вам об этом говорил...

– Милейший, вы хотите сказать, что указ царя об их поселении на правом берегу, ошибка?

– Нет, что вы! Я совсем не то имел в виду. Прошу вас, не делайте поспешных выводов. Если говорить откровенно, то все мы понимаем, что именно они содержат всех переселенцев и солдат...

– Батенька, вы бы перестали говорить загадками. Говорите как есть... Или же вы мне не доверяете?

– Ваше благородие, ну зачем вы так!.. Вы же знаете, что после бога на небесах я верю только вам. Но вы же понимаете, «Бережёного человека, бог

бережёт», тем более в наше время, осторожность не помешает. Я думаю, что главная причина вовсе не в найманах, а в наших юго-восточных соседях, страна которая с другой стороны Алтая...

– Что же вы думаете, что они могут нарушить заключённый с нами договор? Свежо предание, когда они не раз терпели поражение от кочевников, а тут Россия... Россия уже пришла на помощь степнякам, взяв под свою защиту... Что-то не вяжется...

– Причина именно в этом, Николай Михайлович. По-моему, проблема не только в китайцах, но и в казахах, которые селятся по обе стороны границы. Эти найманы живут везде. Если говорить точнее.

– Если говорить точнее, вы, наверное, слышали о том что, когда большая часть киргиз-кайсаков приняло подданство России, одна их часть, что, отделившись, перекочевала на Алтай. А что будет, если к обитающим по обе стороны границ воинственным найманам и кереем присоединятся и другие роды? Ведь многие киргиз-кайсацкие роды и племена живут именно на этих землях вот уже сотни лет..

– Эту проблему необходимо донести до сведения Его величества. Николай Михайлович... Вы должны это сделать...

– Да разве ж было у меня время рассказать свои опасения на этот счёт Его величеству. Я говорил об этом великому князю Владимиру Александровичу. Великий князь – образованный человек, всё понимает и многое знает.

– Да, но он знает только то, что происходит по эту сторону границы. А что там, дальше?

– Я с вами согласен, прапорщик... Вы же помните нашу первую монгольскую экспедицию в Гоби и Алашань?.. Так вот, именно в Алашане живет очень много казахов... Внешним видом они ничем не отличаются от алтайских казахов, но и схожего с монголами у них мало... Себя они называют «алашанскими казахами», точнее, «алашанскими найманами».

– Прямо как независимые нголоки на Тибете и ясаки...

– Какие там нголоки и ясаки! У них-то ничего кроме гордыни и нет... И хотя этих казахов в Алашани немного, но всё же достаточно много для проблемы. А караул... Так они же одна из ветвей найманов.

– Я не как вы, не выезжаю каждый год за пределы страны, Николай Михайлович... Мои познания ограничены пределами нашей империи..

– А что в пределах?

– Как что?! Китайцы всячески задабривают своих соседей. Неужели вы не заметили, что на базарах Павлодара и Семипалатинска торгуют китайским шёлком, сахаром и плитками чая? Нельзя позволить им пустить корни на земле кочевников.

В словах прапорщика была правда. Он вспомнил, как прапорщик, едва они выехали из Семипалатинска, пытался сосчитать количество казахских родов и сбился со счета... Он и сам не раз встречал кочевые аулы казахов, которые жили не только на Алтае, но и в оазисах пустынь Гоби и Алашань, в устьях Орхона и Енисея... Он даже читал в каких-то записках, что казахские племена испокон веков кочевали по Дону, по Кубани, у подножья Карпатских гор. Часть казахских родов обитала даже в окрестностях Коканда и Бухары, не говоря уже о Ташкенте и Туркестане. Да и на Иссык-Куле их было немало. Он знал, что в последние годы по указу царя они стали переходить через Урал. Но после официального присоединения Казахской Орды к России кто предполагал, что именно здесь, на земле Алтая, разные кочевые племена будут так вольготно себя вести, перебираясь с места на место в поисках пастбищ для скота?

В разговорах с прапорщиком они заметно отстали от каравана. Пришлось нагонять, и, как оказалось, не зря.

Если посмотреть правде в глаза, то Центральная Азия это не Уссурийская тайга и даже не Тибет, это точно. Однако он не мог не знать о трагедии, постигшей генерала Черкасского, который забыл об осторожности по дороге в Хиву. Пусть это случайность, из которой были сделаны полезные уроки. Но вот что писал ему давний друг Николай Сиверцев о том, что случилось с ним недалеко от укрепления Туркестан, на перевале Каратау. Здесь он повстречался с казахами: «...Они повалили меня на землю и хотели отрезать мне голову, потом, добавив несколько крепких тумачков, разбили мне голову. Самое удивительное то, что я не чувствовал боли...»

Однажды такая же история произошла с Чоканом Валихановым, когда он, пробыв полгода в Кашгарии, возвращался домой, преследователи нагнали его на узком перевале в горах Тянь-Шаня.

Аналогичный случай был и с иностранцем Дютрейлем де Ренстеном. И его подстерегала опасность на перевале. Перевал... Перевалы... Хранящие молчание и тающие опасности в каждой расщелине многочисленных перевалы Алтая.

Когда Пржевальский усталый и больной вернулся из экспедиции с Лобнора, ему посчастливилось услышать много неправдоподобных историй о кочевых казахов. Судя по этим рассказам, после ухода с исторической арены калмыков в огромной, необъятной степи начали набирать силу казахские племена. Есть версия, что большую часть населения Коканда, Бухары и других восточных стран составляют именно они. В своё время кабинетные умники, способные лишь на бумаге карты чертить, и не умеющие снаряжать и участвовать в экспедициях в дальние страны, в один голос утверждали, что Коканд и Кашгарию населяют только казахские племена, ни больше, не меньше.

Во что бы то ни стало, по возвращении в Санкт-Петербург он должен поговорить не с Великим князем Владимиром Александровичем, а с самим императором... Он должен убедить царя, что между двух великих держав возрождается и собирается огромная сила.

По узким горным тропам, на которых едва умещался один конный, они шли целый день. С одной стороны тропы был размытый дождями глубокий обрыв. Если кто-то из них сорвётся вниз, то живым вряд ли останется.

Проводник и в этот раз не ошибся. Ближе к вечеру, когда на небе стали собираться тучи и по ущелью чёрной тенью начали приближаться сумерки, они вышли на самую высшую точку перевала. «Скоро дождь пойдёт, надо хорошенько укрыться», – сказал проводник, уводя своего коня под укрытие за скалу.

В очередной раз предсказание проводника сбылось. После длившегося несколько часов ливня поднялся сильный ветер. Вот что записал в своём дневнике Николай Михайлович Пржевальский о силе горного селевого потока, бушевавшего внизу: «По доносившемуся до нас шуму и грохоту мы поняли, что набирающий скорость каждую минуту поток приближается к нам. В мгновение ока дно глубокого ущелья заполнилось грязной водой, которая больше напоминала по цвету кофе. От треска и грохота камней и откальзывающихся от скалы осколков дрожала земля. Было слышно, как скальные осколки с грохотом ударяются друг о друга. Бурный поток играл с валунами как с пушинками, переносил их от одного берега к другому. Те деревья, что росли в ущелье, унесло потоком, и не просто унесло, а вырвало с корнем, как будто их и не было в помине.

Бурный поток уничтожил всё, что встретилось на его пути. Подымись вода ещё на пару футов, весь труд экспедиции, вся коллекция пропала бы бесследно. Если бы уровень воды начал стремительно подниматься, то тогда нам следовало подумать о спасении собственных жизней. Беда пришла оттуда, откуда мы её

не ждали, меня сковал паралич. Встретившись лицом к лицу с опасностью, я всё же не мог поверить и сомневался.

Но и в этот раз удача и везение были на нашей стороне. На том месте, где мы поставили наши палатки, был небольшой вал из камней, который были принесён сюда потоком воды. Этот вал принял на себя основной удар волн, и мы не пострадали».

3

На следующий день караван продолжил свой путь вдоль петляющей, словно женский волос, горной реки.

Горные утёсы были спокойны, вокруг была тишина, словно и не было вчерашнего кошмара. И река, что бурлила вчера, словно разъярённый зверь, сегодня была спокойна, как младенец в колыбели. Снег, что лежал на склоне, был изрезан потоками ручьёв, которые стекали в реку.

Генерал был рад тому, что они вырвались из снежного плена, и теперь ни твёрдый наст, ни лёд не будут до крови натирать широкие подошвы ног верблюдам и рубить крохотные копыта овец. Он с удивлением разглядывал окрестности, которые словно заново родились после вчерашней бури.

Оба берега реки были завалены деревьями и кустарниками. От нагретых солнечными лучами камней исходил пар. И этот пар, словно взявшись за руку с тёплым ветерком, начал гулять по ущелью, медленно поднимаясь ввысь. Немного погодя, нагулявшись вволю, пар превратился в молочные облака, которые окутали вершину горы. А что будет дальше? Кудрявые облака начнут своё путешествие в сторону Маркаколя и Зайсана. И если они смогут пройти через белоголовые вершины Илийского Алатау, то тогда, возможно, они могут добраться и до Иссык-Куля. Наблюдая за облаками, которые словно стадо тонкорунных овец собрались у самой вершины горы, он подумал, что природа в некоторых случаях никак не хочет подчиняться научным гипотезам и законам. И таких случаев в природе очень много, и эти облака один из тысячи наглядных примеров и доказательств этого.

Чёрные камни за всю снежную и холодную зиму впитали в себя влагу до предела, и теперь, как только пришла весна, отдавали её, распространяя вокруг. Иногда, не выдержав внутреннего давления влаги, камни трескали, а некоторые даже раскалывались на части. Не зря ведь говорят: «вода камень точит». Мелкие капли живительной влаги медленно, но уверенно, пробивали себе дорогу, размывали сушь, дробили камни, и небольшие ручейки текли вниз, соединяясь, они образовывали новые живительные роднички. А дальше сотни, тысячи родников, собираясь в одном месте, образовывали водоёмы, такие как Иссык-Куль или Зайсан. И всему этому было одно объяснение, ибо в природе ничто не появляется из ничего.

Как правило, подъём на перевал – дело не из лёгких, как и спуск с него. Особенно тяжело было спускаться могучим и тяжёлым верблюдам. Пройдя по узкому ущелью целый день, к вечеру они с трудом дошли до выхода из него. И теперь было видно, что облака теперь парили высоко в небесах. Плядя на них, Пржевальский с трудом верил, что совсем недавно они шли, увязая по пояс в этих самых белых кудрях.

Пройдя через полный опасностей чёрный и угрюмый проход в горах, они вышли на бескрайнюю и широкую равнину, по которой, словно волшебная сверкающая нить, извивалась холодная горная река. Казаки, измотанные долгим и трудным переходом, едва спешившись, тут же упали на влажный и песчаный берег. Стараясь не показывать спутникам, что он тоже очень устал, Пржевальский отъехал немного вперёд, и стал рассматривать изнурённый тяжёлой дорогой караван.

Мокрые лошади стояли, понуро свесив головы, изредка мотая головой. Обычно беспокойные овцы в этот раз не искали корма, как это было, перед тем, как они вошли в ущелье, а стояли, словно застывшие восковые фигуры, шерсть с них свисала клочьями, а в глазах отражалась прозрачная, как слеза младенца, речная вода. И лишь верблюды, глядя на всех свысока, молча и сосредоточенно что-то жевали. Вроде бы все на месте...

А, нет, проводник куда-то запропастился... Неужели, бросил их? Сбежал?

Через несколько минут показался и он. Он мчался во весь опор, то и дело хлестал коня плетью. Он был сильно перепуган.

– Ужас! Это просто ужас! – едва доскакав до них, закричал коренастый. – Все погибли... Умерли... Останавливаться здесь нельзя...

– Кто? Кто умер?

– Все! Все!

Оставив караван у подножья горы, генерал вместе с денщиком и прапорщиком спустились в низину. То, что они увидели, повергло всех в шок. Пройдя полмира, генерал никогда не видел картины ужаснее той, что предстала перед ним. Оба берега реки были устланы трупами животных. И здесь полновластными хозяевами были стервятники. Испугавшись топота приближающихся коней, стая ворон с шумом и гамом поднялась в небо. Устроившиеся на кровавом пиру, несколько грифов с ленцой повернули головы в сторону верховых, и только когда они подъехали весьма близко, хлопая крыльями, медленно переместились на небольшой пригорок.

По всему пространству были разбросаны могильные холмики. Было видно, что появились они здесь недавно. Некоторые из них были обложены камнями. Таковы были здесь людские могилы. От одной этой мысли генералу стало не по себе.

Почувствовав запах разлагающейся плоти, они тут же развернули коней и галопом поскакали к своему лагерю.

Приблизившись к своему шатру, Пржевальский заметил суетящегося подле своего жеребца проводника, оказалось, что тот менял подковы. Пржевальский спросил переводчика:

– Он хоть знает, куда он нас привёл, бандит?! – прорычал он, сверкая глазами на татарина.

– Откуда мне знать, ваше благородие...

– Я спрашиваю, куда он нас привел? Он что, смерти нашей хочет?

Татарин, заикаясь чуть ли не на каждом слове, пытался перевести слова Пржевальского коренастому. Наконец тот всё понял.

– Инфекция... Скажи ему, инфекция... – заорал генерал, потеряв терпение.

– Заразная... Кажется, он говорит о заразной болезни...

Когда до коренастого дошла причина гнева начальника, он громко засмеялся, издеваясь над переводчиком.

– Если ты не знаешь, как по-русски будет заразная болезнь, то тогда на кой чёрт тебе быть толмачом? А, паскуда продажная? Сразу бы так и говорил. Я думаю, чего ты блеешь, как немощный козёл. А ты, сволочь такая, про заразную болезнь блеешь. А начальнику своему скажи, что если он боится умереть от заразы, пусть тогда поворачивает назад. Впереди ещё не такое будет...

Как только Пржевальский услышал, что впереди их ждут ещё более ужасные картины, он, в гневе, схватив свой походный табурет, вышвырнул его из шатра. Вслед за табуретом вылетел прапорщик с вытаращенными от страха глазами.

Проводник сказал Пржевальскому:

– Вы что, думаете, что эти несчастные казахи поселились здесь, чтобы на свежем горном воздухе кумыс пить, да с девицами на качелях развлекаться? Они пришли, потому что им не нашлось места в это огромной степи... А тут такая беда, сель...

Пржевальский и без переводчика понял всё, о чём говорит проводник. Вспышка его гнева прошла, как и появилась. Он задал толмачу вопрос, заинтересовавший его:

– Вот скажи мне, откуда он знает слово «инфекция», которое пришло к нам от англичан? – сказал генерал.

Оба несколько минут молчали. А Пржевальский тут вспомнил казахов, бежавших за кардон. Ведь это он, его проводник, повёл их этой дорогой. Как будто другого пути не было. Даже может оказаться, что беглецам из Усть-Каменогорского уезда дорогу в Китай показывал именно он. Возможно... А может он выполняет приказы, которые поступают именно с той стороны границы? Если это не так, то тогда откуда ему, живущему среди навоза и бесчисленного скота, не знающему по-русски ни слова, знать английские слова? А, может, он и русский знает? Нет, ну это просто уму непостижимо...

Когда он услышал из уст русского консула в Зайсане, что после определения границы между Россией и Китаем часть казахов начала перекочёвывать на сторону соседнего государства, он не придавал этому особого значения. Да и помощник его жужжал, как назойливая муха: «После того, как керей покинули эти места, есть вероятность, что и остальные роды всколыхнутся вслед за ними». Что это за окраинные подданные России, которые куда хотят, туда и переходят?..

Собравшись с мыслями, генерал попытался оценить ситуацию. Зачем и без того многолюдному, словно муравейник, Китаю еще и эти казахи? У них и так проблем выше головы. Одни уйгуры чего стоят. Ну, а если к ним присоединятся ещё и найманы со своим многочисленным скотом, что тогда будет? Вероятно, именно этот скот и нужен Китаю...

В голове генерала закрутился kaleidoscope мыслей. Ему вспомнились данные разведывательного департамента относительно казахских родов, которые стали селиться на правом берегу Иртыша. Согласно этим документам, как только Младший и часть Среднего Жуза приняли подданство России, керей, племена, обитавшие в низовьях Орска, а затем и на берегу Сырдарьи, всем скопом перекочевали к подножью Калбинских гор. Как только вышел указ о поселении казахов на Иртыше, с правой стороны реки пятнадцать тысяч юрт, то есть восемьдесят тысяч казахов, ушло через Алтайские горы. И не просто перешли, а двинулись дальше в Монголию и Китай. Никто их там не ждал, никто не распределял по заведённому ранее негласному порядку летние и зимние становища и пастбища. Едва они там обосновались, быстро поделались на три части и разбрелись кто куда.

По сути, неоднозначно для России восемьдесят тысяч людей не представляют большой потери. Однако три года назад, во время экспедиции на Лобнор, он своими глазами видел, что среди многочисленных китайцев живут пять тысяч юрт кереев. Живут они, так же как и жили здесь, во внутренние порядки местных людей не вмешиваются. Но никому и не подчиняются.

– Ты случайно не знаешь, с какого рода наш Мырзаш? – спросил он у толмача.

– Кажется, он из найманов.

– Не керей случайно?

– Не керей, это точно, ваше благородие. Вы же знаете, что когда дело доходит до принадлежности родов, они становятся, как архары во время случки. Оттого и распри у них.

– Керей он или найман, мне нет никакого дела. Кем бы он ни был, я ему не доверяю. Казаков он может подговорить, всё время с ними общается. Посему сегодня ночью его охрану я поручаю тебе. Ты понял?

Как только толмач ушёл, генерал, размышляя, как обычно стал мерить шагами шатёр из угла в угол. По заведённому им самим правилу, он садился писать в дневниках только ночью, однако в этот раз он решил нарушить правило, и сел за работу на закате дня. Торопливо открыв планшет, он достал перо и бумагу и начал записывать.

«... Именно на той земле, по которой мы сегодня прошли, в устье реки Урунхай, прожили год бежавшие в 1878 году из Усть-Каменогорска в Китай казахи. Число беглых составляло около 9000 человек. Одна часть бежавших обосновалась на южной части Алтайских гор, вторая же часть перекочевала на реку Урунхай. Из-за многочисленности скота, на земле не осталось и клочка травы, пригодной для корма. Скотиной были съедены даже камыши и прибрежные кусты. Когда в округе не осталось ничего съестного для скота, казахи стали вырубать лес. Ободранную с деревьев кору отдавали овцам, а щепками кормили коров и лошадей.

Вскоре после такой кормёжки начался падёж скота. В окрестностях зимовок шагу некуда было ступить, всё было завалено трупами овец. Пали было настолько много, что даже волки обходили её стороной. Зловоние стало распространяться по окрестностям, в воздухе стоял смрад. Ко всему прочему пойма реки была завалена навозом, вперемежку с трупами животных. Что было верным знаком того, что скоро начнётся мор и среди людей».

Генерал писал весь вечер без остановки, перед его глазами стояла река с голыми берегами, свежие холмики, гниющие трупы животных и, как ни странно, проводник.

Ближе к полуночи его одолел сон, но разыгравшаяся болезнь желудка не дала поспать, заставив проворочаться до самого утра. Если раньше ему для сна хватало несколько часов, то в последнее время после пробуждения он всё чаще стал ощущать ломоту в теле, вялость и постоянную усталость. Было бы хорошо не захворать и не слечь, до того, как он сможет завершить свою экспедицию на Тибет.

Привыкший, к ранним степным рассветам, он ощутил, что тёмные тени начали отступать к углам шатра. Поднявшись с постели, Пржевальский приказал денщику разбудить всех остальных, и они начали собираться в путь. Вскоре из лагеря вдоль по устью реки выехали четверо верховых.

Когда путники, проехав реку Урунхай, подъехали к озеру Улунгур, на небе появилось красное зарево. Вскоре на небосводе показалось долгожданное солнышко. Пржевальский залюбовался зеркальной гладью озера, прозрачной водой, которая переливалась в нежных лучах утреннего солнца.

– Улунгур... Не думал, что это озеро такое большое и красивое, – произнёс он, любясь открывшейся перед ним картиной. – Пока не знаю, как это сделать, но мы должны определить его площадь и нанести озеро на карту. А потом нужно придумать новое, русское название этому чуду природы.

Произносил он эти мысли вслух, и заметил улыбку на лице Роборовского, который, как всегда, рассматривал свою карту. Прапорщик пристально смотрел в сторону восхода солнца.

– А что если назвать его озером Пржевальского? Что скажете, Николай Михайлович?

– В этот раз я бы назвал его вашим именем! Озеро Роборовского, ну как? По моему звучит лучше, нежели «пиявки Роборовского» или что там вы изучаете?

– Извините, ваше благородие? Сказывают, что ранее озеро Улунгур было куда больше, чем сейчас. Когда уровень воды был в нём выше, оно было связано

с Иртышом... Это сейчас оно не сообщается с рекой, Иртыш огибает озеро с севера, около трёх километров отсюда.

– Как это огибает?

– Как обычно. Огибает и всё... Я не удивлюсь, если лет через десять-пятнадцать на месте этого озера будет одна большая лужа. Как правило, у озёр, что расположены выше уровня моря, нет будущего. Вы же знаете, что из года в год Алтайские ледники тают, и, как я думаю, скоро вообще исчезнут. Тогда исчезнет и озеро, озеро, названное вашим именем.

– Я то думал, что кроме трав и птиц вы ничего не видите. Однако, всё замечаете, и кое-что действительно знаете.

Роборовский, поняв, что сболтнул лишнего, покраснел.

– Ведь вы сами всё это писали в своих Иссык-Кульских заметках, Николай Михайлович... Река Чу, что раньше вливалась в Иссык-Куль, а затем даже доходила до самого Аральского моря, сейчас протекает за два километра до Иссыка. И если так будет продолжаться дальше, то вскоре исчезнут с лица земли и Арал, и Балхаш, а, может, даже и Каспий.

Услышав, что «исчезнет и Каспий», в разговор вмешался толмач.

– А где же тогда будут жить татары? И другие люди?

– В Европе... В Сибири...

Эти слова генерал произнёс, чуть улыбнувшись.

– Как бы все не перекочевали на Алтай, если Европа и Сибирь останутся под водой.

Почувствовав, что он уж слишком стал разговорчивым, да и что доводы генерала с научной точки зрения выглядят более достойнее, Роборовский, пытаясь переменить тему разговора, принимавшую весьма сложный оборот, подозвал к себе проводника и татарина.

– Вы случайно, не знаете, в каком месте самое короткое расстояние от озера к Иртышу? Не могли бы вы показать?

– Да во-о-о-н там. Я могу отвести вас. Если по ходу вашего коня, то это займёт около половины дня.

– А описать сможете?

– Берега с крутыми обрывами... Настолько глубоки эти обрывы, что голова кружиться.

– Как вы думаете, сколько метров он может быть?

– Да кто его знает, разве ж его кто измерял? Может, и будет с аркан...

Определив в уме длину аркана, Роборовский записал в свой дневник следующее: «В северо-западном направлении от озера нами были обнаружены расщелины. Одна из расщелин находилась в двадцати двух метрах над поверхностью воды».

На обратном пути проводник и толмач, отстав от остальных, поехали рядом, неторопливо переговариваясь.

– Эти двое русских недавно говорили о чём-то непонятном. Вот ты, веришь в то, что когда-нибудь Зайсан и Маркаколь могут исчезнуть?

– Это и не мудрено, вот если такие же сволочи и паразиты, как ты, будут полоскать свои грязные ноги в их воде, то тогда конечно.

– Я не шучу. Говорю то, что слышал от этих двоих. Они говорили, что рано или поздно все озёра и реки Монголии и Китая обмелеют или высохнут вовсе. Как ни говори, учёные всё-таки. Это я к тому что, в будущем наши потомки будут кусать локти.

– Доля правды в их словах есть. Ещё в прошлом году я встретил двух китайцев, измерявших ту самую расщелину, про которую я говорил. Судя по всему, они хотели направить русло воды в озеро. А может, я ошибаюсь, или не так понял?

Едва разговор зашёл о китайцах, татарин насторожился. Как они и думали, выходило, что проводник их встречался с ними. И подумав о вечернем докладе Пржевальскому, он повеселел.

4

Апрельский день в горах был очень короток. Едва солнце осветило вершины ледников, и природа засверкала во всей своей красе, как через несколько часов, светило, опускаясь всё ниже и ниже, исчезло за этими же самыми горами. Тут же по всей долине, словно чёрная змея, из всех тёмных уголков, камней и расщелин расползлись сумерки. Из тёмного зева ущелья по земле медленно стелился туман, с вершин гор стала спускаться вечерняя прохлада.

Как только холод стал пробирать до костей, заставляя выбивать зубами чечётку, сидевший за шатром татарин тут же спрятался среди овец. Сбившиеся в кучу, овцы были надёжным щитом от холода. И если не считать свойственного только овечьей шерсти запаха, всё было просто замечательно, немного согревшись, татарин почувствовал, как его тянет в сон. Но едва он сомкнул веки, как тут же перед его глазами всплыли грозно собранные на переносице брови генерала, и сон сразу же улетучился. Вокруг непроглядная тьма и тишина. И только мочуций храп уставших за весь день казаков нарушал эту ночную идиллию.

Неподалёку раздался лошадиный храп. Это был жеребец проводника, который всегда и везде пасся в гордом одиночестве. Он стоял неподалёку от стоянки, и хотя до него было большое расстояние, его огромный силуэт был отчётливо виден даже в такой темени. Если жеребец на месте, то людям не стоило о чём-то волноваться. Потому как этот проводник даже по большому ленится ходить на своих двоих.

Ближе к полуночи не стало слышно и шаркающей поступи караульного. Лишь со стороны шатра генерала виден слабый огонёк. Опять пишет. И сколько можно писать? Решив, что если он будет смотреть на мерцающий неподалеку огонёк из шатра, то и спать ему не захочется, татарин не сводил глаз с единственного источника света.

Как только ему наскучило таращиться в одну точку, он отвёл глаза в сторону и принялся глазами силуэт жеребца. Жеребца не было, и сердце его едва не выпрыгнуло из груди. Куда мог подеваться огромный конь, который только что мирно пасся во-о-о-н на том месте? Он едва не потерял сознание от страха.

Собравшись с мыслями и растолкав овец, татарин на цыпочках подкрался к месту, где спал проводник. А того и след простыл. Его постель – кошма была пуста и холодна.

Спотыкаясь на каждом шагу и проклиная непроглядную темень, он подошёл к коновязи. Второпях вскочив на коня, он рысью двинулся к низине. Проехав немного, заметил силуэт коня, который направлялся вдоль поймы реки. Теперь он старался не потерять из виду огромного жеребца и продолжал иноходью трусить за ним.

Спустя время, за которое можно было бы вскипятить молоко, сивый жеребец начал переходить брод. До его слуха отчётливо доносился звук хлюпающей воды. Как только татарин достиг реки, не зная как поступить дальше, он остановился. Он знал, как осторожен и каким чутьём обладает казах. Татарин боялся, что проводник может услышать всплески воды. Когда вода в реке достигла колен его лошади, он остановился и прислушался. Темнота, хоть глаз выколи. Вокруг тишина. Казах верхом на своём жеребце как будто растворился в этой ночи.

Внезапно он почувствовал сильный удар в спину, и тело его стало неметь, после он понял, что упал с лошади. Как только холодная вода обожгла его, он тут же пришёл в себя.

Помнит, как, путаясь в полах отяжелевшего от воды просторного чапана, он, спотыкаясь, выбирался на берег. Едва он выполз из воды, как увидел перед собой огромного чёрного великана, который тащил на своей спине такую же огромную каменную глыбу. Глыба эта прыгнула со спины великана и пророкотала:

– Жить надоело?!

Татарин сжался в комок и задрожал от холода и страха. Он просто-напросто потерялся. Потерялся в лабиринтах своих мыслей. Испугавшись грохота падающих наземь дров, татарин, вздрогнув, поднял голову. Пропавший на миг куда-то проводник казах вновь вырос, словно из-под земли, и с грохотом уронил на землю новую охапку дров.

Сухостой разгорелся очень быстро. При свете костра переводчик заметил ухмыляющееся лицо казаха. Невдалеке пасся черный конь. Но откуда взялся этот чёрный конь? Почему чёрный? А где сивый?

Открыв глаза, татарин увидел, что глыбой оказался проводник, а великаном оказался чёрный конь. Но, у казаха-то был сивый жеребец. Этот откуда взялся?

– Скидывай одежку, придурок! Иначе копыта откинешь...

Татарину, глядевшему на коренастого снизу вверх, показалось, что тень стала продолжением его, отчего тот казался немного вытянутым. Громовой голос проводника и его «копыта откинешь», татарин понял, как «убью», и суетливо стянул с себя мокрый, прилипший к телу чапан, и бросил его поближе к костру.

– Ты что, решил меня напугать? Или тебе приказали напугать меня именно так, шкура продажная? – рыкнул коренастый, накрывая мелко дрожащего, как мышь, татарина своим обширным тёплым чапаном.

Татарин, согрившись под тёплой шерстью, почувствовал, как жизнь возвращается в его брненное тело.

– Прости! Извини меня! Это был приказ генерала, следить за тобой.

– И что же думает твой генерал?

– Он думает, что ты китайский разведчик.

Услышав это, коренастый лишь ухмыльнулся.

– Тоже мне, нашли шпиона. Неужели вы думаете, что я пойду служить к этим шуршутам, которым самим-то есть нечего? Вы за кого меня принимаете, а? Холоп! Вбить бы тебя в землю, как деревянный кол...

– Кол? Тебе что жеребца своего привязывать некуда?

После такой невесёлой словесной перепалки оба захохотали. Немного погодя казах и татарин, как два заправских друга, сидели у потрескивающего костра и мирно беседовали. Круживший около костра жеребец подошёл к костру и ткнулся мордой в плечо хозяина. Почувствовав прикосновение мягких губ жеребца, казах вытащил из кармана кусок хлеба и протянул коню. Жеребец миглом проглотил хлеб и пошёл восвояси.

– Первый раз вижу, чтобы кони ели хлеб, – промямлил татарин смутившись.

– Какой хлеб?

– Ну только что, ты же сам дал своему жеребцу кусок хлеба...

– Какой ещё хлеб, ты, шкура продажная? Это же казы. Ты хоть знаешь что это такое? Или ты думаешь, что мой славный жеребец будет питаться всякими травами, как русские, или как ты, крещёный татарин, будет кушать баранину?

– Первый раз вижу, чтобы травоядная скотина, питалась такими же травоядными. Вот если бы был волк, я бы понял. А тут...

– Дался тебе мой жеребец. Ты бы лучше подумал о тех, которые живут на Тибете, и едят своих соплеменников...

– Что правда, то правда. Уж нас с тобой они есть точно не будут, а вот своих, это да.

– «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать» – рассмеялся коренастый. Про себя ничего сказать не могу, а вот с тебя-то что взять? Кожа да кости... А вот начальника твоего, которого и лошадь-то еле везёт, уж они, точно, съедят, если им повезёт... И тебя заодно...

– А что тебе до меня, это уже мои заботы. Если уж так сложится, то всё, что мне причитается, достанется моей семье в Казани. А тебе-то какая польза с этой экспедиции? Никак в толк взять не могу.

– Кстати ты, в каком звании-то?

– Какое звание? Рядовой я. Разве это звание?

– Да ежа твоего за ногу... Самое главное, чтобы ты от отряда своего не отставал... Ха-ха-ха... Правда оказывается, что вам, татарам, служивым, и звания не дают...

– Дают. Почему нет? Только для этого креститься надо. Я, например, очень жалею своих крещёных собратьев.

– Тоже мне, радетель. Слушай, а твой генерал не боится, что сам сгинет где-нибудь на краю земли, и никто даже свечку за упокой души не поставит?.. На кой чёрт ему тогда всякие чины, звания и дорогие халаты, за один из которых можно выкупить не одну зеленоглазую красавицу?.. Вот захворает, а ему даже кружку воды подать некому. Ни кола, ни двора, ни родных. Всё лошади да лошади... Дались они ему? Как бы смерть свою он не принял от своих лошадей...

– А, правда, что Чингисхан смерть принял не от коня, а от кулана?..

– Да кто его знает. То, что от копыта, это верно...

И хотя татарин был крещёным, всё же он не забыл основы мусульманства. После произнесённых слов, наконец-то он понял сущность этого простоватого на вид, проводника-казаха. Потому как этот медведь попал в самую точку. Не знающий страха перед дорогой и трудностями, татарин боялся того, что когда-нибудь и его кости будут разбросаны по земле вдали от дома. И никто не сможет найти могилу, лишь стервятники будут рады его смерти. От одной этой мысли его бросило в дрожь.

– Ты нашего генерала не трогай... Уж кто-кто, а он не раз заглядывал смерти в глаза. Это ещё когда мы ходили в Тибет, по России прошёл слух что Пржевальский умер. Услышав такую весть, сам царь тогда сказал, что чего бы это ни стоило, но останки генерала должны быть привезены в Петербург и преданы земле с почестями. А вот когда мы вернулись в полном здравии, то, наверное, половина России встретила нас, как призраков, вернувшихся с того света.

– Как будто у тебя девять жизней! Паскуда. «Когда мы ходили на Тибет!» Тоже мне... Как будто в Лхасе кумыс пил.

– А кто тебе сказал, что в Лхасе есть кумыс?..

– Там, наверно, есть ишачий кумыс, сукин ты сын...

Будто их могут подслушать, с заговорщицким видом татарин пошарил глазами в темноте, и только потом спросил:

– Причём тут генерал? А ты? Сам не боишься, что можешь погибнуть в пути? Всякое может быть... Судьба... Случай... Места-то дикие...

– А чего мне бояться? Я же, как вы, не скитаюсь, где попало. «Семи смертям не бывать, одной не миновать». То, что суждено, то и примем покорно... Не зря ведь говорят, кто боится саранчи, не засеивает полей. Даже если не воспринимать всерьёз половину калмыков, что перемешались с найманами, то и здесь и по ту сторону живут и найманы и керей... Ну, а если тебе и их мало, то на двух берегах реки Каратал живут Садыр Матай, и на Сырдарье с Улытау живут найманы. Плюс ко всему, я тут слышал, что один Ташкентский босяк тоже хвалился и называл себя найманом. Вот так вот.

Вспомнив приказ генерала, толмач заискивающе взглянул на проводника.

– Вот что ты всё время «найман» да «найман». Неужели так трудно хоть изредка назвать себя казахом? Или у тебя во рту пересохнет от этого? Или язык почернеет?

– Ух, ты! Ты посмотри на него! Долго думал, шакал? Если хочешь знать, то и у Чингисхана предки из казахского рода. А эти коротышки-монголы в грудь себя бьют. Тоже мне, герои, мать их.

– Вот ты говорил, что Чингисхан принял смерть от кулана. Ты, наверное, знаешь, где его могила? Или тоже умеешь только себя в грудь бить и хвастаться?

– Знаю. Как не знать? На Алтае. Лежит себе среди непроходимых дебрей, под высоким деревом. У изголовья его топор.

– Топор? Какой ещё топор? Хоть здесь и леса, зачем усопшему топор?

– А ты какой топор имеешь в виду? Я говорю про найманов – из рода Балталы, значит, под знаком топора.

– А ты смог бы показать генералу путь к этому топору?

– Ну, ты шустрый, как овод. А ты знаешь, что кто увидит усыпальницу Чингисхана, тут же ноги протянет?

– А ты? Почему ты жив и здоров?

Не ожидавший такого вопроса, казах раскатисто рассмеялся. И, пытаясь увести разговор в сторону, вытирая слезы рукавом, произнёс:

– Мне всё равно, кто и когда умрёт, чем живёт, чем дышит... Ты же видел, что было вчера.

Кряхтя, с трудом поднявшись с места, проводник шагнул во тьму и исчез в темноте. Спустя некоторое время он вновь вынырнул из темноты, словно джин, неся в руках что-то.

– Как ты в такой тьме нашёл аргала?..

– Какой ещё аргал? Это же конский кизяк...

– Вокруг ни души, откуда ему здесь взяться?..

– Куланы. Дикае лошади.

– Дикае, говоришь?

Услышав о диких лошадях, толмач татарин подскочил на месте. Ойкнув, он прикусил язык. И так и остался сидеть, как истукан. Обогрившись у костра, оба некоторое время сидели молча и глядели, как горит сухой кизяк. Языки пламени нежно обволакивали каждый кусок, кизяк лишь потрескивал и отдавал свое тепло двум путникам. Посидев немного, казах стал шарить по своим карманам. Сколько их у него, этих карманов?.. Нашарив во внутреннем кармане несколько кусочков курта – сушеного молока, он отправил один в рот и начал причмокивать от удовольствия.

Звуки, издаваемые казахом, отвлекли от дум татарина. Он удивленно уставился на своего собеседника.

– Слушай, а у вас кроме курта, айрана, бесбармака, вообще есть ещё что-нибудь?

– Почему нет? Есть, конечно. Казы, кумыс, шубат... – перечисляя всё съестное, казах вздохнул... Наверное, в душе он сожалел, что всё это сейчас было далеко.

– Ничего не могу сказать насчёт казы. А вот шубат – это ведь тот же самый айран. Ты лучше скажи мне вот что. Однажды в Турфанской долине встретились как-то казах и уйгур. И поспорили они, у кого больше блюд. «У нас есть лагман...» – принялся хвалиться уйгур. «А у нас есть коже» – не отставал от него и казах. «Ещё шашлык...» – «А у нас молоко-коже...» «У нас самса...». Тогда казах, немного подумав, выкрикнул «У нас айран-коже...» и таким образом победил.

– И правильно, что он выиграл. Но если так посмотреть, так то, что они называют шашлыком – у нас селезёнка, запечённая на углях... Самса – это наш

бауырсак. Даже твой генерал везёт на своих верблюдах перетолчённое жареное зерно – наш талкан. Вот это – еда... Мы казахи пухли с голоду только два раза... Когда на нас напали джунгары, и сейчас... А ты знаешь, чем мы питались раньше? Да придёт с нами Аллах! Наши деды знали толк в еде! Зимой казы, бешбармак. Весной нежное мясо молодого барашка. В жаркие летние дни – жеребят. Ближе к осени ягнята набирают жир. А деды всё знали, всё подмечали. Когда и кого отправить в казан. Когда можно на выпас, какую траву лучше давать скотине, чтобы она вовремя нагуляла вес. Вот так вот...

Закончив свой гастрономический рассказ, коренастый лишь только хмыкнул и замолчал. Словно дожидавшийся конца разговора, к костру снова подошёл жеребец. В этот раз проводник дал ему отведать кусочек курта. Наблюдая, как конь с хрустом разжевав, проглотил угощение, татарин вспомнил о наказе генерала.

– Слушай. А какой породы твой жеребец? Умная скотина у тебя.

– Ты моего жеребца не тронь. Порода, говоришь какая? Да обычная, местная.

Заметив смущение татарина, казах продолжил уже спокойным, ровным голосом.

– Я уж думал, ты всё же ближе к нам, нежели к этим, – кивнул он в сторону лагеря. – Или ты совсем уже переметнулся? Порода? Да какая тут порода? Обычный казанат. Испокон веков наши предки разводили лошадей, вот таких, как этот чёрный жеребец.

Разговор вновь свернул в нужное русло, и они, весело похохатывая, переговариваясь, продолжали наблюдать за костром.

Видимо жеребцу понравилось угощение, потому как он кружил вокруг костра, то и дело поглядывая на своего хозяина. Татарин же не сводил глаз с чёрного, как воронье крыло, жеребца, и не мог понять, как сивый превратился в чёрного. Поймав блуждающий взгляд татарина, казах расхохотался.

– Где твои глаза, торгаш? Или ты только деньги считать да тараторить умеешь? Ты что, и вправду не замечаешь попоны?

Только теперь татарин заметил чёрную попону, который был накрыт жеребец. Всё ясно. Заметив за собой слежку, коренастый накрыл своего коня попоной, таким образом, замаскировав его.

– А если бы было светло? Что бы ты тогда сделал?

– Ну, ты даёшь! Как будто сам в молодости не ездил в гости к девушке. Наверное, ни одна молодуха не подарила тебе вышитый платок? Эх, ты! Уж я-то придумал бы что-нибудь!

Как только разговор зашёл о молодухах, коренастый дал волю своему языку. Казалось, его фантазии хватало только на лошадей да на молодух. После женщин разговор перешёл к барымте, и татарин вспомнил случай, произошедший на Лобноре.

– Кстати, Мырзекке, вы, наверное, помните тот случай на Лобноре? Вот скажите-ка мне, куда вы всё-таки дели ту кобылицу?

– Да, конечно же, помню... Как не помнить-то. Да всё проще простого. Как только подъехал к лощине, я тут же зарезал ту самую кобылу, присыпал её землей, а сверху развел костёр. Вот и всё. А что было потом, ты знаешь.

После того, как тайна казаха была раскрыта, толмач татарин решил поделиться своей тайной. Посмотрев по сторонам и подвинувшись поближе к казаху, он прошептал:

– Наш генерал хочет поймать дикого жеребёнка. Ты, наверное, заметил, как он глядит на твоего жеребца? Если ему повезёт, то ты даже не представляешь, сколько он будет стоять там, в России. Конечно, выпестовать такого

скакуна займёт время, но потом... Скачки. Ставки. А он, знай себе, будет лежать, и деньги к нему будут плыть рекой.

– Тоже мне скачки. Да мне всё равно, чего он там хочет. Сам же видел, что твоя скотина? Ножом по горлу и в казан. Вот ты слышал о многолетней пшенице? Я слышал, что дунгане сеют такую.

– Насчёт многолетней ничего не знаю, а вот, обычную пшеницу мы и сами сеем.

– Да нет. Про ту, что вы сеете, я знаю. Мне бы тот сорт, что у дунган. Мы, казахи, далеки от торговли, не то, что вы, торгоши чёртовы... Вот когда наступит джут, как в этом году... Что ты на меня, так смотришь? Если он был однажды, значит ещё будет. А вот если бы у нас был такой сорт, как у дунган, тогда я бы посмотрел, кто будет лежать на боку. Эх...

Вникавший в каждое слово, татарин заметил, как переменялся его собеседник. Шрам на лице проводника побагровел, глаза сузились, да и весь его вид стал странно напряжённым. А казах, посидев так несколько секунд со своими потаёнными думами, вдруг, раскинув руки в стороны, лёг на спину. Словно он уже нашёл семена многолетней пшеницы, и тем самым сделал огромное дело.

Толмач разворочил притухающий костёр. Знакомый запах кизьяка защекотал ноздри, вскружил голову. Почувствовав прилив тепла, вновь завёл разговор.

– Я слышал, что дунгане готовят блюдо, которое называется дзамбы. Так вот, это блюдо готовят из зёрен растения, которое похоже на нашу пшеницу. И это растение многолетнее. В пустыне Гоби растёт многолетнее растение сульхайир. Я не раз видел, как монголы осенью собирали семена и перемальвали их в муку. Перемешай эту муку со сливочным маслом, да заправь молоком, вот это вкуснотища!

– Ты, наверное, имеешь в виду кумарчик. Так вот талкан из его зёрен тоже наше блюдо. Кстати, мы забыли сказать дунганам, что у нас ещё талкан есть. Мне, например, непонятно, что думает генерал. Зачем он притащился сюда за тридевять земель? Чтобы искать верблюдов и тарпанов? Так их и так здесь много, чего их искать-то? Меня интересует совершенно другое. Вот набить бы мешки этим многолетним зерном и вернуться домой. Засеять поля возле Зайсана. Взять в жёны синеглазую Марфу... А она каждый год... Эх... Чем не жизнь... Вот тогда и можно полёживать в юрте.

Довольный собой, казах раскатисто рассмеялся. Испугавшись шума, стая прудутренных ворон с шумом взмыла в небо и долго кружила над голыми берегами реки.

Окончание в следующем номере.

Василий КОНОПЛЁВ

В семье Богов

Повесть

(Окончание. Начало в № 7 за 2013 г.)

Благословение

Вернувшиеся из Подземья братья внимательно выслушали Сперхия, который поведал им, что Крон уговорил своё окружение предпринять последнюю атаку. В его стане решено достичь окончательной победы любой ценой, не считаясь с возможными жертвами. Всех, кто стоит на стороне Зевса, засыпать горами и заковать в подземной бездне.

Втроём – Зевс, Аид и Посейдон – обсудили и утвердили план пленения титанов. Затем каждый отправился в своём направлении готовиться к великой схватке. Зевс помчался на берега Океана.

Деметра, увидев брата, бросилась к нему в объятия и как-то не по-сестрински пылко прижалась к нему:

– Мы так волнуемся, когда ты отлучаешься надолго, и переживаем за тебя, – выпалила она, не размыкая своих рук.

– Кто это мы? – попытался отшутиться Зевс.

– Я и Гера, – продолжала щебетать Деметра. – Мы только о тебе и говорим всё время, правда, сестрёнка?

Гера, с восхищением наблюдавшая за братом и сестрой, потупила взгляд.

– Ну, не знаю! – продолжал иронизировать Зевс. – Что-то не вижу я радости в глазах Геры. Даже не обнимет своего брата.

Смущенная, покрасневшая Гера подошла к сплетённой парочке и примкнула к ним, прижавшись к уступленному сестрой правому боку брата.

– Как я люблю, когда все мы вместе! Здравствуй, дорогой брат! – и вбежавшая третья сестра, Гестия, примкнула к сёстрам.

– Ну, сестрёнки, вы меня сейчас задушите.

И они закружились все вместе, вернее кружил всех Зевс, а счастливые сестрёнки, прижавшись к брату, визжали от восторга.

Эту карусель и застала мать Рея. Она просто светилась от счастья, видя своих детей обнявшимися и веселыми.

– Догадываюсь, что Аид гостит у дядюшки Тартара, а Посейдон, отдыхает в обществе дяди Понта. Ну, хоть ты не забываешь нас, громовержец. Приветствую тебя, сын мой!

– Ты права, матушка, каждый из них в своей стихии, – подтвердил догадку матери Зевс. – А я соскучился без общения с вами.

Юные Богини, выпущенные из объятий брата, продолжали кружиться втроём, а Зевс уединился для беседы с матерью.

– Прежде чем появиться у бабушки Геи, я хотел бы переговорить с тобой, – сразу начал Зевс о главном.

– Слушаю тебя, сын. Понимаю, что ты с братьями принял очень серьезное решение. Говори.

– Крон и другие Титаны дошли до крайности. Мирно с ними договориться уже нет никакой возможности. Они готовы уничтожить всё и всех на своём пути. Ты знаешь, как отец решил – так и сделает. Мы не должны допустить разрушения. Есть одна возможность остановить его: пленить и изолировать. У нас нет другого пути. Что ты скажешь на это?

– Я была готова к подобному решению. С того момента, как Крон стал прятать в своём чреве детей, я поняла: всё кончится для него плохо. Он сам к этому шёл. Я думаю, вы не будете мстительными ко всем Титанам и Титанидам. Я ведь тоже из их рода, и Фемида, и Мнемозина, и Тефида, и её муж Океан, который приютил нас здесь.

– У нас нет мстительных целей, и мы помним добросердечное отношение к нам твоих сестёр-титанид. А Тефида и Океан – родители Метиды, как я могу об этом забыть, – Зевс говорил взволнованно, и Рея верила в его искренность.

– Пусть всё свершится, как вы задумали, – мать прижала к груди сына. – Я верю в вас.

После разговора с матерью Зевс заглянул на тот океанический берег, где он некогда проводил время с Метидой. Приятное тепло растекалось в его груди, смешиваясь с чувством досады и бессилия. Зевс прилёг на песок у воды, взгляделся в бесконечную даль небесной лазури, прислушался к шелесту набегающих волн, невольно смежил веки и забылся. Неожиданно ощутив на лице тень, он открыл глаза – над ним стояла улыбающаяся Деметра.

– Я сразу догадалась, что ты здесь. Мне об этом месте рассказывала Метиды.

– Вот как! – удивился Зевс. – А что ещё она тебе рассказывала?

– Ну, много что ещё!

– К примеру?

– Да разное!

– А точнее.

– Ну, про всякое там.

Обмен вопросами и ничего не говорящими ответами явно намекал на знание каждым некоей тайны и нежелание её раскрывать.

– А вот я сейчас выпытаю у тебя, о чём вы шептались с Метидой, – Зевс ловким движением повалил Деметру и в мгновение прижал её грудью к песку. Их лица оказались столь близко, что горячим дыханием они обжигали друг друга. Деметра закрыла глаза, вся напряглась, запрокинула голову и подалась губами навстречу поцелую.

Зевс с удивлением и улыбкой изучал милые черты лица сестры. Остановив взгляд на алых трепетных губах, он ощутил неотвратимое желание прикоснуться к ним своими губами. Поцелуй был сладким и долгим. Деметра, задохнувшись, оторвалась первой.

– Почему ты не дышала во время поцелуя?

– Я не умею, – смутилась Деметра. – У меня всё внутри сжалось от волнения.

– Это я, наверное, так сильно сжал тебя в объятиях, прости!

– Я давно мечтала об этом! Это прекрасно! Я так это себе и представляла!

– Значит, ты ещё ни с кем не целовалась? – вздёрнув брови, спросил Зевс.

– Ну и что! Ты же меня научишь? Я хочу, чтобы именно ты научил меня это делать. А то старшие братья постоянно предлагают мне всякие непристойности, особенно назойливо пристаёт Посейдон. А мне хочется, чтобы всё было красиво, как у тебя с Метидой.

И тут Зевс понял, что ему в поцелуе с Деметрой было так же хорошо, как когда-то с женой. С Эридой, сестрой Немесиды, он встречался периодически, она рожала после этих встреч столь долгожданных для неё детей, несколько не претендуя на постоянное владение чувствами и телом Зевса, но те встречи не вызывали внутреннего трепета. Деметра же разбудила в нём настоящее желание. Страсть захлестнула их обоих, и они долго не могли оторваться друг от друга.

Титаномахия

Сперхий, по заданию Зевса, выбрал момент, когда, кроме сестёр-океанид, и Менетия, никого не было рядом, как бы невзначай, обмолвился:

– Хотел пригласить в нашу компанию Зевса, так он, скромняга, придумал отговорку, что у него срочная встреча с Аидом и Посейдоном на Олимпе. Как будто там интереснее, чем здесь в окружении прекрасных дев. Правда, сестрёнки?

Менетий вдруг вспомнил, что его ждёт матушка Климена, и быстро ретировался. Сперхий отправил сестёр купаться, а сам устремился быстрокрылой ласточкой в направлении, только ему одному известном.

На Олимпе братья-крониды ждали сигнала. Сперхий теперь уже жаворонком висел над Олимпом и наблюдал из поднебесной выси за происходящим.

Вот со стороны Офры поднялись в воздух глыбы скал и понеслись в сторону Олимпа. Их встретили перуны Кронидов, рассыпав в прах. Однако новые громады гор, выпущенные сразу пятью парами рук Титанов, неслись взамен разрушенных. Не каждую из них разбивали молнии олимпийцев, некоторые, что летели не прямо на Олимп, обрушивались с таким ужасающим грохотом и такой силой, что землетрясение от их падения докатывалось до моря и поднимало высоченную волну. Вот из этих-то волн и появились, до времени скрывающиеся под водой братья Гекатонхейры. И неизвестно, чем бы закончилась атака Титанов, если бы не сторукие гиганты. Они поднялись над горами и, перехватывая летящие глыбы, стали метать их в обратном направлении. Подбирая разбросанные на Олимпе и вырываая из скал свежие обломки, Котт, Гийес и Бриарей сотнями своих рук закидывали расположение Титанов. Теперь и огненные молнии Зевса стали свободно долетать до Офрийской горы, от их ударов воспламенялись окружающие гору леса. От жара пылали и плавились камни.

Противостояние длилось невероятно долго, но постепенно со стороны Титанов стало всё меньше и меньше вылетать обломков скал. И сами Титаны, выше пояса заваленные каменными глыбами, уже чаще просто отбивались от всё новых и новых потоков каменного дождя, чем пытались поразить противника.

Когда опалённых и обездвиженных Титанов настала пора взять в оковы, Бриарей обратился к Зевсу:

– Позволь это сделать нам. Мы отправим их погостить в ту темницу, куда когда-то они запрятали нас. А сами встанем у ворот, чтобы никто из них никогда не смог выбраться обратно. Спасибо вам, Крониды, что не забыли о нас и были милостивы к нам. С Аидом, я так понимаю, мы ещё будем встречаться в пределах Тартара. Посейдону особая признательность за возможность побывать в глубинах вод, нам по душе пришлись прекрасноокие морские Нимфы. А если тебе, Громовержец, понадобится кем-нибудь пополнить компанию Титанов, присылай его к нам, мы и ему подыщем «уютное» местечко.

У первобогов

Побывать у дедов после всего происшедшего было просто необходимо. Некогда всемогущий и самодостаточный, Уран радовался теперь победе внука, как своей.

– Я знал, я знал, – повторял он восторженно и со слезами на глазах обнимал Зевса. – Я верил в тебя, внук! Месть торжествует! Пусть осознают неблагодарные титаны... Спасибо, дорогой!

– Ну, ладно, хватит тебе трясти внука, – Гея пыталась высвободить Зевса из объятий Урана. – Вон лучше предложи ему нектара.

– И то правда! – пряча мокрые глаза, Уран поплёлся за напитком.

– Всё знаю, милый! – в свою очередь и бабушка заключила в объятия Зевса.

– Не скажу, что рада, но довольна.

И на удивлённый взгляд внука тут же пояснила:

– А что хорошего, когда отцы и дети воюют меж собой? Первоначально думалось мне, что титаны спокойно вам уступят место, но оказалось всё куда сложнее. Плохой пример для смены власти. Но... Что свершилось, так тому и быть!

– А вот и я! – вновь появился дед теперь в сопровождении нимф, разливающих нектар.

Пригубив из кубка, Гея вновь обратилась к Зевсу:

– Теперь, мой дорогой, твоя задача – найти взаимопонимание со всеми, кто на тебя надеется. И хватит жить в гостях у Океана. Мы с Ураном уже распорядились – и на Олимпе, тобой любимом, порядок уже наведён достойный. Ты можешь там спокойно отдыхать, совет держать со всеми близкими тебе Богами. И у властелина мира тоже должен быть свой дом, семья, уют.

– Спасибо. Я благодарен вам безмерно. Туда пусть и направится Афина, отныне на Олимпе дом её. А где ж она?

Деда переглянулись.

– Твоя прелестная Афина уже на Олимпе.

– Ну, что ж, прощайте, любимые мои, Уран и Гея!

– Не забывай о нас, – опять пустил слезу Уран.

– И помни, что мы верим в Зевса-Бога, как в себя! – благословила внука первоматерь Гея.

Кронида

Во владениях Океана было оживлённо. Рея с дочерьми принимала поздравления от Океанид. Все с нетерпением ждали появления победителей затянувшейся войны. О жестокой Титаномахии повсеместно вещал скорый на слово Сперхий. Он, наблюдавший за схваткой с заоблачных высот, не жалел красок, живописуя произошедшее. «Теперь наступят новые времена», – подводил итог Сперхий. Все это осознавали и без него, в то же время тревожась за дальнейшую судьбу сонма Богов. Как-то поведёт себя новый верховный? В том, что это будет именно Зевс, никто не сомневался. У старших братьев уже определились склонности: у Посейдона – к морской стихии, у Аида – к подземной. У них не было ни ревности, ни зависти к младшему брату.

Судьба Крона и поддержавших его Иапета, Коя, Крия, Гипериона была предрешена. А что будет с тётушками Титанидами, с их сыновьями и дочерьми? Этот вопрос волновал всех, пожалуй, в большей степени.

Зевс уже не в первый раз становился объектом внимания и поздравления. После родственных объятий и восторженных восклицаний брата Кронионы, восседая на самом высоком месте, рассказывали своим близким о произошедшем столкновении с Титанами. Собственно и Зевс, и Аид, и Посейдон, не вдаваясь в детали, объяснили, что Крон с братьями покорился и все они отправлены в бездны Тартара под охрану Гекатонхейров.

– Я особо хочу поблагодарить Тефиду и Великого Океана за их поддержку во всё время долгого противостояния, – обратился Зевс к тётушке. – Мы были спокойны за судьбу матушки Реи и наших любимых сестёр. Это нас вдохновляло и убеждало в своей правоте. Я понимаю, что все мы, Боги, одна семья. И многим из вас было трудно определить, с какой стороны встать. Мы признательны и тем, кто поддержал нас, и тем, кто сомневался в нас, но не был помехой в трудном противостоянии. Я обязательно побываю в гостях у всех сам, и мы совместно определим дальнейшее наше бытие.

По рядам присутствующих прошелестел шепоток одобрения.

Зевс и его братья удалились в сопровождении родных сестёр. Деметра вся просто светилась от счастья и любви к своему брату. Гера, как, впрочем, и Посейдон, смотрели в сторону, стараясь не замечать объятий и поцелуев Зевса и Деметры.

Высвободившись на время из плена её рук, Зевс обратился ко всем Кронидам:

– Дорогие мои братья и сёстры, я приглашаю вас на Олимп, где вы всегда будете как дома, где мы вместе за кубком нектара будем обсуждать нашу новую жизнь. Наступает наше время, и быть ему всегда. Я вас очень люблю и надеюсь на взаимность моих чувств.

– Ура! – воскликнула самая непосредственная из сестёр Гера. – Хвала Кронидам!

– Хвала Богам Олимпа! – поддержала её задор Гестия.

– Слава Молниеносцу и Громовержцу Зевсу! – усилила восторг сестёр Деметра, бросившись на шею любимого брата, нового властелина Богов.

Наказание

Между олимпийцами как-то всё само собой уладилось по-семейному. Аиду не терпелось побыстрее спуститься к Тартару, там молодому Богу хотелось поскорее приняться за работу, у него были свои мысли и предложения по упорядочению дел в Подземье. Посейдон получил в подарок от Океана потрясающую квадригу со златогривыми жеребцами – гидриппусами. И, конечно же, он горел желанием опробовать эту чудо-колесницу на морском просторе.

Единственное, о чём договорились братья, что все Крониды будут вместе собираться на Олимпе и обсуждать дальнейшую жизнь, а вообще-то, старшие полностью доверились младшему и не собирались вмешиваться в его земные и поднебесные дела.

Казалось, всё кончено. Все в океанских пределах праздновали победу Кронидов. А Зевс, наслаждаясь в объятиях Деметры, мечтал о Метиде. Старшая сестра не могла не заметить неискреннего к себе отношения брата.

– Ты меня не любишь?

Прямой вопрос вернул Бога на землю, вернее, в постель.

– Почему ты так решила?

– Хитрая манера – отвечать вопросом на вопрос!

– Тебе хочется поссориться?

– Этим ты можешь заняться со своей мрачной Эридой.

– Ну что ж! Спасибо за совет! Непременно им воспользуюсь.

И неожиданно для Деметры всемогущий Зевс исчез. Но оказался он во владениях Бабушки Геи. В тишине её обиталища были отчётливо слышны узнаваемые звуки любовных игр. «Кто это такой отчаянный наведлся в гости к бабушкиным нимфам? Не Сперхий ли?» – мысли сами отрабатывали варианты.

– Кхм-кхм-кхм! – как бы закашлялся Зевс.

Звуки любви стихли. На смену им пришёл суетливый шумок приведения в порядок одежд и приглушённый шепоток. Это всё несколько веселило уже разогретого любопытством Зевса. «Кто же появится сейчас ему навстречу?» И... О, непостижимо! Как?! Это была сама бабушка?

– Зевс? Так неожиданно! – цветущая и словно воздушная, Гея летела навстречу. – Ты же вроде бы остался с Деметрой? Бедная девочка! Ты её покинул в такой момент,

– В какой такой момент? – для Зевса эта внезапная бабушкина атака была вторым удивлением. – И причём тут бедная?

– Как? Ты так увлекся битвами, что и не заметил – Деметра беременна.

– Хорошая новость. И свежая неожиданность. Как-то я, действительно, оказался не готов к такому обороту. Что-то не складывается у нас с Деметрой. И ребёнок этот не ко времени.

– Ну, что ты, милый, говоришь! Ты вот прямо не знал, что от любви рождаются дети и у богов тоже, а боги всегда ко времени. Ну, а если с Деметрой не складывается... Что ж! Сложится с другой.

– С другой!.. М-да...

– Так ты с чем прибыл?

– Посоветоваться. Мне предстоит нелёгкий разговор в семействе низвергнутого Иапета.

– Ну, с этой трудностью ты вполне справишься сам. Я вот поделюсь с тобой своей проблемой, раз уж ты столь внезапно заглянул в гости. Дедушка, как ты знаешь, сильно ослаб, в общем, уставшему Урану стало в тягость держать границы неба и земли особенно там, в дали, за океаном. Подумай над этим. Я, кстати, уже поговорила об этой проблеме и с Посейдоном.

Брови Зевса скрылись под кудрявой чёлкой. «Точно! Значит, не показалось, что за бабушкиной спиной при её появлении сверкнул отблеск посеидонова трезубца. Так-так-так! Ай да братец! Ай да бабушка! Кто же появится на свет от их любви?»

– А подглядывать и подслушивать не хорошо. Будет тебе за это наказание, – бабушка словно читала мысли внука. – И не забудь проведать Немесиду, – посоветовала на прощание ошарашенному Зевсу ясноокая Гея.

Немесиде как будто ждала Зевса. Она начала с главного:

– Это было понятно сразу. Деметра в своё время очень завидовала тому, как ты нежно относился к Метиде. С ней такого не происходило никогда. Так что между вами это не любовь. И семьи не будет. Она родит тебе дочь, и у этой новой прекрасной Богини будет судьба, отличная от судеб всех Богинь.

– Я удивляюсь, сестричка, как ты живёшь с этим грузом знаний о чужих судьбах, о жизни богов и людей? Они не ведают, а ты всё предвидишь. О каждом? Ты, наверное, и про себя всё знаешь?

– Ты задал сразу несколько вопросов. На них отвечать по порядку?

– Начни с последнего.

– О себе я знаю лишь то, как не надо поступать.

– Поэтому ты до сих пор не нашла того, кто стал бы для тебя единственным?

– Почему ты так думаешь? Нашла.

– Вот как! И кто же он?

– Со временем узнаешь.

– Ох, как ты любишь затуманивать, сказала бы ясно.

– Я и так тебе много сказала.

После паузы задумавшийся Зевс неожиданно перевёл разговор в другую сторону:

– А кто родится у Геи?

Теперь паузу взяла Немесиде. Она как будто заглядывала далеко вперёд, поэтому ответила не сразу:

– Я бы не стала отвечать на твой вопрос, если бы судьба того, о ком ты хочешь знать, не была связана с твоей судьбой.

Брови Зевса уже второй раз за сегодня поползли на лоб. Немесиде продолжила:

– На свет появится мальчик, судьба его будет печальна.

– Да я его пальцем не трону. Обещаю.

– Я знаю. Всё будет по-другому. Но ты ведь не за этим ко мне прибыл?

Зевс не сразу и вспомнил, зачем стремился к провидице.

– Ах, да! Я тут наметил встречу с семьями поверженных титанов. Враги они мне или нет?

– Ты это поймёшь сам. Дам лишь один совет: будь внимателен и к титанидам. Счастливым будет твоё правление или нет, зависит и от Богинь. Этого недооценил твой отец. Ну, всё. Общение наше затянулось, а тебя уже заждались Эрида.

Немесида, конечно, знала, что Зевсу хотелось встретиться с её сестрой, и потому, как обычно в конце беседы, она исчезла.

– Ты совсем позабыл обо мне, – обворожительная Эрида начала с капризного упрёка. – Будет тебе за это наказание.

Накидка, которая и без того ничего не скрывала, упала к ногам Эриды. Возбуждение, которое не пригодилось у Деметры, наконец, нашло своё полное применение. Здесь сейчас сразу.

Метида, как и обещала, была рада. А у Эриды вскорости появился на свет мальчик Пон («Наказание»).

Друг и недруг

Единственный из Богов-мужчин, кто оставался в постоянном общении с Зевсом, был неутомимый Сперхий. Вечно обитающий среди Океанид, он нередко навещался и к другим Богиням. Вот и теперь два друга неожиданно встретились во владениях Иапета. Здесь, в горах, речной Бог Сперхий чувствовал себя как дома. Видно было, что он не впервые развлекался с Атлантидами – внучками опального Титана. Увидев всемогущего Зевса, юные Богини незамедлительно улетучились, чтобы сообщить своей бабушке Климене о прибытии знатного гостя.

– И как ты управляешься сразу с тремя девицами, – выразил своё восхищение Зевс после приветствия.

– Ну, во-первых, они давно не девицы, а достаточно опытные любовницы, – начал наставлять брата Сперхий, – а во-вторых, в этом есть своя прелесть. Каждая, стремясь не отстать в любовной игре от сестры-подружки, вытворяет такое, что дух захватывает. Попробуй, и тебе понравится. А уж как этого жаждут здешние обитательницы.

– Ты как будто подслушивал мой разговор с Немесидой. Она тоже советовала обратить внимание на Титанид.

– Правильно советовала. А ты опять был у неё? Слушай, эта неприступная тётка однажды не только отвергла меня, но ещё и отчитала, как мальчишку, за необузданность манер и непристойности, которые я, якобы, предлагаю каждой встречной Богине. Мол, она не видит никакой перспективы развития наших отношений и потому не считает нужным их начинать. Как будто я хоть с одной мечтал эти отношения развивать? А ты ведь частенько заглядываешь к прорицательнице! Ну и как она? – с хитрым прищуром Сперхий ожидал откровенностей от друга.

– Ты просто самовлюблённый и озабоченный эротоман, – рассмеялся Зевс.

– А я и не отрицаю.

– Неужели нельзя просто пообщаться с милой и приятной женщиной? Немесида, кстати, по бабушке нам сестра.

– Ну и что, что сестра! Среди Богинь все нам сёстры, тётки да племянницы. Ну и что из того? Да ты приглядишься, они сами хотят от нас большего, нежели просто общение. Сам! Все! И что, я должен им отказывать? Нет уж, извини! – и вдохновлённого Сперхия понесло. – Пару ласковых слов, легкое прикосновение, и все прелести твои. Да если б не я, давно бы божественные нимфочки превратились в старых и ворчливых Богинь. Ты погляди, как милашки порхают после

любви. А почему древняя Гея выглядит так потрясающе? Как думаешь? А? Не напрягайся! Именно поэтому!

И братья громко расхохотались. Правда, каждый о своём. Сперхий от упования собственным монологом, а Зевс от наблюдения за недавней историей в доме Геи. Действительно она была хороша после общения с таинственным посетителем.

– Вот уж кто не достоин твоего внимания, так это сыновья Иапета, хорошо, что и их здесь нет. Испортят и настроение, и такую прелестную компанию, – Сперхий раскрыл объятия навстречу порхающим нимфам.

Океанида Климена появилась в окружении многочисленных внучек. Её горячее радушие нельзя было назвать неискренним. Будущее женской половины семейного гнезда волновала её намного больше, нежели судьба нелюбимого мужа, заточённого в Тартаре. Давно, очень давно могучий Океан – старший из Титанов отдал в жёны своему брату Иапету любимую дочь Климену, и вот в новом семействе появилось четверо сыновей. Это были самые мощные мужи из всех детей других Титанов. Атланту, старшему из братьев, не было равных по силе. Могуч он был не только в плечах. Вместе с двоюродной сестрой, океанидой Плейоной, они наплодили огромное семейство, правда, рождались у них в основном девочки – на два десятка дочерей появилось на свет всего два сына. Когда начался конфликт в семействе Кронидов, Титаны склонили Атланта на свою сторону. Закончилось всё печально: Атлант низвергнут в Тартар заодно с отцом и дядьями. Следующий из сыновей Иапета – Прометей – был провидцем. Предполагая, чем может закончиться титаномахия, он занял позицию нейтралитета и настоял, чтобы так же поступили и младшие братья. Тугодум Эпимитей во всём полагался на Прометея, а вот несдержанный и раздражительный Менетий не желал соглашаться с участью старших титанов.

На правах сестры Зевса и хозяйки дома Климена, держа под руку Громовержца, представляла ему юных Титанид. Все они были дочерьми Атланта, другие-то её сыновья ещё были холосты. А вот жена Атланта, Плейона, была родной сестрой Климены. Это обстоятельство рождало в родственных чувствах к своим внучкам и одновременно племянницам удивительную нежность и привязанность. Своих дочерей у Климены не было, поэтому неистраченную материнскую любовь она трепетно и неоглядно отдавала атлантовым девочкам.

– Вот они, мои Атлантиды, одна краше другой, Электра, Тайгета, Майя... – знакомила Климена гостя с его юными родственницами.

Зевс любовался юными Богинями. Взгляда нельзя было оторвать от окружающей красоты.

– И как можно эту прелесть оставить без отцовского попечения? – перевела разговор на щепетильную тему Климена.

– Моей вины здесь нет, – смутившись, Зевс стал оправдываться. – Я не был знаком с Атлантом. Он по своей воле оказался среди титанов, когда их накрыли Гигатонхейры.

– Да в том-то и дело, дорогой мой брат, что он там оказался не по своей воле. Иапет держал его при себе, а Атлант, не смея ослушаться отца, и не ведал, что происходит. Я уверена: ничего против тебя он не имел, а совершить благое дело просто не успел.

– А ты как думаешь? – неожиданно обратился Громовержец к Сперхию.

Оторвавшись от объятий нимф, речной Бог не стал изображать вида, что он не слышал разговора. Своё мнение он высказал сразу:

– Жаворонком паря под облаками, я действительно обратил тогда внимание, что Атлант – единственный, кто лишь уклонялся от скальных обломков, а сам в ответ ни разу не бросил на Олимп ни одного камня. Я тогда подумал: ну и хорошо, на одного метателя меньше.

– Вот! И я об этом же! – обрадованно воскликнула Климена и прижалась к локтю Зевса. – Со своей-то могучей силой Атлант смог бы, и даже очень, пригодиться тебе здесь, а не в Тартаре.

И тут вдруг Зевсу вспомнилась просьба бабушки:

– А по силам ли будет Атланту держать на своих плечах небосвод за океанским горизонтом?

– Конечно, – радостно воскликнула Климена. – Не правда ли, девочки? Кому как не вашему отцу, могучему Атланту, именно это и под стать?!

– Я собирался к Тартару в гости, там сейчас Аид принимает дела, – Зевсу хотелось сделать что-нибудь приятное для этого семейства. – Думаю, мы решим это дело для обоюдного удовольствия и взаимного согласия.

Титаниды эту фразу встретили с восторгом. Удивительно, что ни жена, ни дочери не высказали желания помочь Иапету. Возгласы одобрения среди многочисленных Атлантид смешались со словами признательности и восхищения. И первая из сестёр, кто успел подхватить под руку молодого красавца, была светлейшая Майя:

– О, Зевс! Я так ждала, я знала, я мечтала, что, когда ты к нам придёшь, я первая приму тебя в объятия.

– О, милый, милый Кронид! А можно я буду тебя звать – дядя Зевс? Ты же брат нашему отцу Атланту? – щебетала миленькая Тайгета.

– Нет-нет! Что вы, что вы, сестрицы! Он же брат нашей бабушке, значит, мы должны к нему обращаться – дедушка Зевс, – поддерживала всеобщее веселье завораживающе тёмнокоудрая Калипсо.

Широкий хоровод девиц охватил Зевса. В мелькании полупрозрачных одежий плещ, гиад и нимф у молодого олимпийца закружилась голова.

И в этой атмосфере всеобщего восторга и хвалебных песен в честь Зевса вдруг появились три младших сына Иапета и Климены.

– Хвала всемогущему Зевсу! – без особого восторга произнёс Прометей.

Климена призывным жестом увела за собой оживлённую стайку Богинь.

– Празднуешь унижение Титанов? – с вызовом спросил Зевса Менетий, когда стихли восторженные женские голоса.

– Нет, – спокойноотреагировал Зевс, – хочу взаимопонимания и желаю оценить, что же всё-таки произошло!

– Ну, в том, что произошло ты-то совсем и не причём! Титаны попросили у Тартара отыскать себе местечко в его жуткой дыре, а он не смог отказать своим любимым племянникам, – Менетий пытался иронией унизить брата.

– Друзья! Зачем омрачать праздник? – весёлый возглас Сперхия повис в напряжённой тишине.

Менетий даже не оборотил в его сторону голову:

– А тебе, речному гадёнышу, стоило бы помолчать, когда Боги рассуждают. Тебе, гнусному перебежчику, ещё будет возмездие!

– Поживём – увидим! – пожав плечами, Сперхий ретировался в тень.

Зевс принял вызов на свой счёт:

– Ты хочешь осудить меня? Или понять? А может, желаешь выразить свою, мне до сих пор неведомую точку зрения?

– Ага, вот прямо сейчас ты услышишь моё мнение и о тебе, и о...

– Стоп! Хватит, братья, пикироваться, – попытался прервать опасно развивающийся диалог рассудительный Прометей. – Что изменить нельзя, с тем нужно жить... сегодня, завтра, послезавтра, вечно.

– Нет, с этим я никогда не соглашусь! – всё больше зажигался раздражённый Менетий, его указательный палец правой руки, как стрела, был направлен в сторону Зевса. – Ты, козий выкормыш, очень сильно заблуждаешься, если думаешь, что всё уже закончилось, всё только начинается.

– Я готов тебя выслушать, но остерёг бы от злых интонаций и грубых выражений, – настроение Зевса явно портилось.

– Пугать меня не надо, дальше мест, где отец с дядьями заточён, не попаду, это потаскушке Метиде не повезло. Ты её, говорят, то ли проглотил, то ли...

– Не гневи Бога, подбирай выражения, а то ведь вынудишь, исполню твоё пожелание, – Зевс напрягся и почувствовал привычное тепло за спиной, это стрелы-молнии стали искриться и накаляться.

Прометей вновь попытался найти пути примирения:

– Братья! Мы ведь всё-таки братья?

Эти слова, как поленья, распалили огонь уже пылающего гнева неукротимого Менетия:

– Конечно, радостно на сердце от осознания, что ты, мой добрый Прометей, мне брат, и что всегда со всеми согласный Эпиметей – мне брат, и что ни в чём неповинный Атлант – мне брат. Но одна только мысль о том, что и этот, невесть откуда появившийся Кронидыш, тоже мне брат, – одна эта мысль приводит меня в бешенство! Да и какой он нам брат, Прометей? Ведь он брат нашей матери, значит, для нас он дядька. А как племянникам следует поступить с дядей? Так же, как и он сам! В Тартар его!

Менетий был уже в бешенстве. Он бросился на Зевса, но молнии опередили его. Они пригвоздили зарвавшегося титана к полу и как будто спеленали. Прометей и Эпиметей не решались приблизиться к повергнутому брату. Молнии всё ярче раскалялись, Ещё мгновение – и камни разверзлись. Сияющий клубок с Менетием растворился. Камни срослись, на полу не осталось и пятна.

Зевс, готовый к развитию конфликта, взгляды в лица братьев. Ужас Эпиметей и отчаяние Прометей отменялись усмешкой Сперхия, он один был доволен итогом происшествия.

– Ну, вот и ещё один, – процедил сквозь зубы речной божок.

– Я не желал такого развития событий, – Зевс рассуждал, ни к кому конкретно не обращаясь. – Но, видимо, мы никогда не найдём взаимопонимания с Менетием. Он разделит судьбу Титанов.

Молниеносец на глазах присутствующих неожиданно растворился в воздухе.

Освобождение

В тоже мгновение Зевс оказался во владениях Тартара. Циклопы встретили племянника вопросом:

– Куда его? – и кивнули на искрящийся кокон, в котором беспомощно трепыхался Менетий.

– В компанию Титанов, – это пожелание Зевса не вызвало среди циклопов удивления.

Как всегда рассудительный Бронт почесал волосатую щёку:

– Понадобится время, чтобы приготовить ему оковы.

– А вот этого не потребуется, – предложил Зевс, – ему в пору будут кандалы Атланта, которого следует освободить от железа.

– Ты в этом уверен? – раздался за спиной Зевса голос неожиданно возникшего Аида.

– Рад видеть тебя, брат! Осваиваешься в Подземье? – приветствовал младший Кронид брата.

– Да уж! Дел хватает! И всё-таки, в чём причина столь неожиданного освобождения Атланта?

Зевс, взяв под локоть Аида, предложил отойти в сторону. Они присели недалеко от горячей кузницы. Старший брат несколько изменился за то время,

пока они не виделись. Светлые одежды он сменил на тёмные. В глазах и в сдвинутых над переносицей бровях читалась тяжёлая, если не сказать печальная, дума.

– Много забот? – начал с вопроса Зевс.

– Да, хватает. Хорошо, что Тартар во всём меня поддерживает. От одноглазых кузнецов много помощи. Однако бывает, что души умерших покидают Тартар без ведома. Ты чаще бываешь у Геи, попроси от моего имени совета у неё, как быть нам.

– Обязательно, – обрадовался Зевс. – Как раз и я с просьбой от бабушки. Помощник нужен ей на краю земли, чтобы небосвод поддерживать. Ей с Ураном уже это дело не под силу. Я вот и подумал, что это место именно для Атланта, сильного, спокойного, честного, добросовестного...

– Врага нашего, добавь, – перебил брата Аид.

– Не торопись с выводом. Я ведь тоже так думал. Оказывается, Атлант среди старших Титанов не по своей инициативе оказался. Не смел отцу Иапету возражать, вот безвинно и попал в компанию наших противников.

Зевс внимательно вглядывался в сомневающегося Аида, ждал ответа. Затем сам предложил:

– Да и что изменится, если не по силам будет ему поручение. Небо вдавит его в землю – он опять у тебя здесь и окажется. А выдержит – вечно держать ему небосвод. Зато бабушкину просьбу исполним.

– Хорошо! – согласился подземный Бог. – Только давай договоримся так: я сам, без тебя, займусь его освобождением. Тут моя власть!

– Договорились! – не возражал Молниеносец.

Ждать пришлось не долго. Когда Аид и сопровождающие его Бронт и Стироп поднялись из жуткой бездны, Зевс впервые увидел будущего держателя небесной вселенной – Атланта. Титанид и в правду был могучим, но в силе его не ощущалось ничего зловещего.

– Я Зевс.

– Догадался, – со вздохом ответил скованный богатырь. – Теперь ты – верховный Бог? Мне представляться, думаю, нет смысла.

– У меня к тебе предложение...

– Хотя я и не сделал тебе ничего плохого, – перебил Зевса Атлант, – но и против Титанов не буду выступать, имей в виду.

– Понятно. А не желаешь ли ты сменить тёмное подземелье и кандалы на дело по твоим плечам?

– Да уж, тьму на свет кто бы не желал сменить!? И что за дело?

– На краю света не дать небосводу упасть, подперев его плечами.

– Что, Урану самому уже не под силу?

– Сдаёт дедушка наш.

– Добро! Согласен! – с нескрываемой радостью подвёл итог Атлант.

Могучий кузнец Арг уже стоял у наковальни и ждал сигнала, после того как Зевс кивнул ему, Циклоп принялся аккуратно срубить заклёпки на оковах Атланта. Железо со звоном упало. Его поднял Стироп:

– Ну, если что, подгоним. Так что не беспокойтесь, доставим новичка взамен освобождённого в полном соответствии.

Только теперь Атлант обратил внимание на искрящийся клубок в углу кузницы, но за пеленой разрядов и молний брата Мелетия он не узнал, и лишь молча посочувствовал бедолаге. А вопрос Зевсу всё-таки задал:

– А что будет с Титанами?

– Эту проблему мы не станем обсуждать, – достаточно жёстко ответил Зевс.

На Олимпе

Весть о том, что олимпийский вершитель затеял познакомиться со всеми Богами и начал свой объезд с иапетовой семьи, быстро облетела весь пантеон. Особо восторженно обсуждалось неожиданное освобождение из Тартара Атланта. А то, что он оказался на краю земли и навечно подставил свои плечи под небесный свод, – это воспринималось как почётная ссылка. О другом событии, о том, что Менетий оказался в преисподней не в результате битвы, а по воле Громовержца, старались умолчать или находили поступку Верховного логическое объяснение. В общем, во всех семьях Богов и среди одиноких Богинь началась подготовка к приёму победителя в Титаномахии – Зевса.

Поднявшись на Олимп, младший Кронид неизбежно оказался в окружении родных Богинь. Любимая дочь Афина, прелестные сёстры Деметра, Гера и Гестия знакомили титаниду Рею с новыми чертогами. Увидев Зевса, все одновременно ринулись ему навстречу. Объятия, поцелуи, восторги были частью той радости, которая объединяет любящих родственников.

– Милая, ты просто прелесть в этих боевых латах поверх хитона, – обнимая Афины, Зевс не мог сдержаться от приятного восхищения юной Богиней.

«Как она похожа на Метиду, просто один портрет!» – с замиранием сердца Зевс восторженно обнимал свою дочь.

Мужская одежда, укороченная выше колен, была ей к лицу и выглядела она так изящно, что вызывала естественное чувство умиления.

– Пока здесь не было мужчин, Афина развлекала нас боевыми упражнениями с мечом и щитом, – похвалила внучку Рея, отрывая дочь от отца, – ну, хватит-хватит, уступи старшим.

Место Афины в объятиях заняла Деметра, она млела, прижавшись головой к груди брата. Зевс, обняв её, шепнул на ухо:

– В интересном положении ты выглядишь очень привлекательно, – и уже во весь голос попросил, – ну-ка покажись во всей красе.

Счастливая Деметра отпрянула от возлюбленного и закружилась перед ним. Просторный её хитон был подвязан лентой не на талии, как у сестёр, а под грудью, это скрывало её беременность, но подчёркивало соблазнительный объём груди. Рея приостановила порхающую Деметру и прижала к себе:

– Ну-ну, хватить трястись, не в твоём положении это делать.

Картина была идиллической. Три пары стояли в одинаковых позах, обнявшись: Рея с Деметрой, Гестия с Афиной и Зевс с Герой, которая, прижав голову к плечу брата, не выпускала из объятий его крепкую руку. Родственники любовались друг другом. Зевс не отрывал взгляда от Афины, Деметра не могла не уловить этого влюблённого взора, как и не могла не заметить откровенно счастливой Геры, та блаженствовала от близости с Зевсом и, закрыв глаза, улыбалась каким-то своим мыслям.

– Девочки, а вам не кажется, что хозяин не откажется от кубка прохладного нектара? – нарушила умиротворение Рея.

– Точно, не откажусь! – поддержал предложение матери Зевс.

Дружной стайкой юные Богини удалились, чтобы приготовить угощение.

– Вижу озабоченность на твоём челе? – начала разговор Рея, когда осталась наедине с сыном.

– Да уж! Не даёт мне покоя вся эта история с Титаномахией, – вдох Зевса был тяжёлым, а выдох прерывистым.

– Не рви себе сердце сомнениями. Ты всё сделал правильно. Тебе нужно обрести много помощников, чтобы распределить между ними и обязанности, и ответственность за всё, что происходит в этом мире.

- Согласен. И с чего начать?
- Советую тебе в ближайшее время провести мою сестру Фемиду, беседа с ней многое прояснит для тебя.
- Спасибо, воспользуюсь твоим советом, мама.
- Как я счастлива, что все мы вновь вместе, вот ещё бы Посейдон с Аидом провели нас, и сердцу материнскому было бы полное успокоение.
- Они очень заняты сейчас.
- Я понимаю, однако женское тепло не помеха и занятым Богам. Тебе-то вон сколько внимания. Гера так просто тает рядом с тобой.
- Да ладно тебе, мама.
- А что? Ты вот думаешь, они сейчас там только застольем заняты? Они встречу с тобой обсуждают.
- Именно этим и была наполнена беседа двух сестёр – Деметры и Геры.
- Видела я, сестрёнка, как ты прижималась к моему Зевсу.
- Почему к твоему? Он и мне брат, и я его люблю не меньше твоего, – без доли смущения парировала Гера.
- Да ладно не напрягайся. Ты видела, как он любовался Афиной? Будто перед ним сама Метида стояла. Он и со мной, когда бывает близок, думает только о любимой своей Океаниде. Её, уж, сколько нет, а он забыть не может. Так что не нужен он мне, забирай его себе. Рожу вот доченьку, и будем с ней счастливы.
- Гера от нахлынувших чувств бросилась обнимать сестру. И чего в этом было больше – радости за Деметру, нашедшую своё счастье в беременности, или торжества победившей соперницы – кто знает?!

Утоление жажды

Фемида всегда выделялась среди Титанов своей рассудительностью, спокойным характером и умением находить в любой ситуации верное решение. Почему родные братья перед последней своей битвой не пришли к ней посоветоваться? Однажды, очень давно, перед тем, как оскопить своего отца Урана, они обратились к ней за советом, и Фемида не одобрила их планы. Тогда из Титанов к её мнению прислушался только Океан. Но самоуверенный Крон взял на себя инициативу, убедил других братьев в необходимости действовать и возглавил новый пантеон. Целая эпоха минула с тех пор. Никогда более Крон не общался с Фемидой, была она забыта и не востребована со своим удивительным талантом справедливого суда. И вот новый Владыка Вселенной проявил уважение и внимание к одинокой Титаниде.

– Ну, здравствуй, здравствуй, Олимпиец. Не ожидала увидеть у себя столь высокого гостя. Понимаю сестрицу Рею, она гордится тобой, прямо души не чаёт в своём сыне. Красавец! Что и говорить.

Зевс не успевал и реплику вставить в словесный поток тётушки. Хотя называть тётей эту прекраснoliкую Богиню язык не поворачивался.

– А ты и не пытайся! – предвидя сомнения Зевса, предложила Фемида. – Обращение ко мне по имени будет более приятным. Давай-ка пригубим нектара и тем самым закрепим знакомство.

Напиток вернул Зевсу способность говорить:

- Прости моё смущение, язык словно присох. Это я так красотой твоей оглушён?!
- А ты ещё и льстец! Но мне это приятно. Давно никто не говорил мне комплиментов.
- Я вот удивляюсь, что возраст никак не влияет на твои прелести.
- Ну, ты, племянничек, и наглец. Напоминать Богине о возрасте...
- Виноват, каюсь, Фемида. Что мне сделать, чтобы искупить свою вину?
- Сам бы мог догадаться. Обнять и поцеловать.

Объятия и поцелуй получились пылкими и долгими.

– Всё-всё! – не очень активно отстраняясь от Зевса, Фемида жестом пригласила присесть к столу. – Ты же не за этим заглянул ко мне?

– Теперь я и вовсе забыл о начальных намерениях, – взволнованный Вершитель не отрывал от прекрасной Фемиды взора.

– Ну, так вернись к своим мыслям, которые привели тебя сюда, и давай поговорим о твоих проблемах.

– Да. Конечно. Прости мой пыл и несдержанность!

– Хватит извиняться, отведай амброзии, – предложила Фемида.

– Уютно у тебя здесь и как-то очень безмятежно, – Зевс, уже вполне освоившись рядом с милой Богиней, был искренен и признателен. – Давно не было мне так хорошо и спокойно.

– Рада за тебя, – Фемида была тронута вниманием Зевса. – Что ж, заглядывая почаще в мои чертоги. Если будет тревожно и грустно, здесь всегда найдёшь умиротворение и доброе участие.

– Обязательно воспользуюсь твоим гостеприимством.

– Ну, так что привело тебя к забытой всеми Богине? – вернулась к теме разговора Титанида. – Слушаю тебя внимательно.

После паузы, пока собеседники запивали нектаром амброзию, Зевс стал размышлять вслух:

– Гея с Ураном поведали мне об участии моих братьев и сестёр и помогли освободить их из Кронова чрева. Сделал я это, не раздумывая, и счастлив, что всё свершилось благополучно. Но дальнейшие события: противостояние с Титанами, их заточение в преисподнюю, – терзают меня сомнениями, не дают мне покоя. Прав ли я?

Зевс был признателен, что Фемида слушала, не перебивая. Он отхлебнул из кубка нектара и продолжил:

– И что же мне делать дальше? Бабушка постоянно внушает, что я должен взять власть в свои руки, устроить новый миропорядок, создать гармонию и благо. А я нахожусь в полной неуверенности. Говорю это только тебе одной, потому что вижу в твоих глазах понимание.

Фемида, поудобнее расположившись на своём ложе, жестом предложила Зевсу присоединиться к ней. Дважды повторять не было необходимости. Зевс прилёг так, что его голова оказалась на груди у Богини. Объятый теплом и трепетом, Властитель понял: вот чего ему не хватало – внимания и нежности.

Любовно прижимая мужскую голову к своей груди, Фемида блаженно закрыла глаза. Вот чего ждала она так долго, вот чего не хватало ей во всё время одиночества! И что бы ни произошло в дальнейшем, она была готова отдать себя всю без остатка ради счастья этого самого дорогого ей из Богов.

– Милый-милый Зевс! Я помогу развеять твои сомнения. Я вижу, как ты одинок.

На этих словах Зевс крепче прижал её к себе одной рукой.

– Не спеши, дорогой! Всё и так в твоих руках. Давай поговорим о мучающих тебя проблемах. Я уверена в правильности твоих действий по отношению к повергнутым Титанам. Такова их участь. И хорошо, что об этом знают все Боги. О неотвратимости судьбы должны помнить все. И всем должно воздаваться по справедливости. Таков должен быть закон жизни. Тебе предстоит многое свершить, и в этих свершениях нужны помощники, много помощников, и они найдутся среди Богов нового поколения. А главного из них ты придумал сам – это Мир.

Замерев на груди возлюбленной, Зевс внимал каждому слову. Его существо наполнялось убеждённой и уверенностью, а ещё желанием отблагодарить эту прелестнейшую из Богинь, эту чудесную исцелительницу его сомнений. Он ощущал, как в нём крепла сила.

– А теперь пусть свершится то, чего мы так желаем оба! – жаждающие уста Фемиды, произнёсшие эти столь долгожданные слова, Зевс утолил долгим и страстным поцелуем.

Известие о браке Зевса и Фемиды волной прокатилось по небесным и водным, земным и подземным просторам. С радостью разного оттенка восприняли эту новость вездесущие Боги. С просветлённой улыбкой сообщила об этом Гея Урану, они были довольны, что закончилось одиночество их дочери Фемиды, и наконец-то у неё появились свои дети. С такими же чувствами поздравляли сестру-титаниду Рея и Тефия, Феба и Фейя, и бездетная Мнемосина. А водный владыка Посейдон не смог даже пеной морской укрыть свой восторг. Он первым прислал поздравления Фемиде, но радовало его вовсе не то, что тётушка обрела любовь, а то, что сестра Деметра, которую он до безумия обожал, отныне была свободна. Деметра же, которая благополучно разрешилась от бремени дочерью Персефоной, без особого переживания узнала о новой супруге своего первого любимого Зевса.

И лишь одна Гера находилась на грани безумия от досады. В очередной раз не она оказалась на брачном ложе с милым братом Зевсом. Однако уверенность, что новый союз, как и предыдущие, не будет долгим, питали её надеждой. В эти дни своих переживаний Гера ощутила сладость чувства, которым пропитывалось всё её существо. Вместе с неугасаемой любовью к брату в ней крепла мстительность ко всем, кто стоял на пути её любви. И Гера старалась: ни Фемида, ни её дочери никогда не были допущены на Олимп, их место навсегда осталось у подножия. Но милых тройняшек: Эвнанию («Благозаконие»), Дике («Справедливость») и Эйрену («Мир») – это нисколько не волновало. Они, так трогательно похожие и на Фемиду и на Зевса, прекрасно проводили время в предгорных лугах с кухиной Персефоной, блиставшей красотой своих родителей – Зевса и Деметры. Верные помощницы отца, они вопреки стараниям Геры со временем стали равными в сонме Богов и просто незаменимыми в мирской жизни людей.

А брак с Фемидой, действительно, не был прочным. Привыкнув к своему дому, Фемида не пожелала переезжать на Олимп, да и не сложились у неё отношения с сёстрами Зевса – Деметрой, Гестией и Герой. Благодаря этому браку, Фемида вновь стала востребованной как Богиня справедливого суда, может быть, поэтому разошлась она с мужем мирно и отношения между ними остались дружески тёплыми.

Тайный договор

– О, ты просто восхитительна! Давно не созерцали мы твоей красоты. Пожалуйста, не лишай нас такого удовольствия – любоваться тобой! И новый наряд этот просто сводит с ума! – столь длинную тираду Сперхий рассыпал перед сверкающей прелестями Герой.

Редкий гость в последнее время у Океанид, она действительно очень изменилась и не только внешне. В её голосе появилась сила, в интонациях – уверенность. Потому и ответ её прозвучал неожиданно:

– Имей в виду, твои плутовские чары на меня не действуют. Прибереги их для жаждущих любви нимф.

– Вот те на-а! А для кого же тогда ты столь эротично преобразилась? Всё, что ни делает женщина, приукрашая себя, всё это ради одного – пленить мужчин.

– Ты слишком самоуверен. Я, право, не предполагала, что встречусь у сестриц-океанид с речным Божком, – пыталась уже уколоть словами своего назойливого собеседника Гера.

– Ну, всё понятно! Своей укороченной выше колен туникой и полуоткрытой грудью ты хотела пленить сестёр, – не сдавался, ёрничая, Сперхий.

И он восторженно запел:

– Перед подругами блистая прелестью своей,
Ты им внушить желаешь мысль простую,
Что из Богинь одна лишь может быть
Прекраснейшей – ей имя Гера.

Богиня молчала, испытующе глядя на певца, а тот с упоением и ещё громче продолжил:

– Пусть знают сёстры, кто из всех достойна
Быть верной спутницей на веки Олимпийцу!

– Ну, хватит, хватит. Что ты раскричался? – теперь уже пыталась унять догадливого Сперхия разоблачённая Гера.

– Ага, значит, ты согласна, что красота у женщин – это непобедимое оружие, направленное на мужчин?

– Ах, если бы так!

– Уверяю тебя, меня такое оружие сражает наповал.

– А Зевса?

– Давай-ка мы, сестрица, заключим договор, что совместными усилиями заставим нашего Громовержца взглянуть на тебя глазами мужчины, а не только брата.

– Каким образом? – Гера, смягчив своё отношение со Сперхием, была готова на всё ради этой идеи.

– А мы с тобой на его глазах будем миловаться-целоваться, и он взревнует.

– Эге, куда дело повернул, хитрец! Не будем мы с тобой «целоваться-миловаться». Никогда! – жёстко отпарировала Гера.

– Ладно. Но обещаешь мне своё покровительство, если я тебе сосватаю Зевса?

– Всё, что захочешь, – искренне согласилась Гера, но, взглянув на лукавый прищур Сперхия, добавила, – кроме меня.

– Согласен.

И они, довольные друг другом, обнялись.

– Эй-эй! Сперхий! Тебе мало своих сестёр-океанид, ты ещё и на моих красавиц Олимпийских кидаешься?

От неожиданности обнимающиеся вздрогнули. Оправдываясь, Сперхий бросился навстречу другу:

– Зевс, как давно мы не виделись! А Геру я по-братски поздравил с Олимпийским новосельем. Мне ли, речному Божку, рассчитывать на большее?

– Ну, ладно-ладно, без обид! – и мужчины, оставив в одиночестве Богиню, удалились.

«И ничутью он не заревновал, и даже не обратил внимания на тунику, которой так восхищался на Афине, – возмутилась про себя обиженная Гера. А сколько стоило усилий выклянчить у воинствующей девы ненужный ей столь соблазнительный наряд!

Другой тайный договор

Уединившись, Зевс и Сперхий расположились с чашами нектара в беседке на высоком берегу.

– У меня к тебе дружеская просьба, – начал Зевс. – В пещерах горы Пелеон, это южнее Олимпа, проживает мой сводный брат кентавр Хирон.

На этой фразе Сперхий чуть не поперхнулся. Реакция его была не очень понятна Зевсу, как и следующая реплика:

– Однако! Значит, и Крон не отличался верностью семейным узам?

– Я не собираюсь обсуждать с тобой любовные приключения отца, – не стал развивать эту тему Зевс.

– Извини, как-то само собой вырвалось, – оправдался Сперхий. – Так что с Хироном?

– Насколько мне известно, с ним всё в порядке, – Зевс сделал паузу и продолжил более заинтригованно. – С ним нужно бы встретиться и очень многое разузнать.

– Богам? У коня? – удивление Сперхия было неподдельным.

– Не забывай, он сын Титана и так же, как и мы, бессмертен!

– Ещё раз удивил. Я думал: все кентавры смертны. Так о чём я должен поговорить с Кронидом? – заинтересованность, смешанная с азартом, уже пылала в глазах речного божества.

– Да, это к слову, Хирон не любит причислять себя к Кронидам и просит величать его Филиридом. Филира, как и ты, дочь Океана. Так что тебе кентавр Хирон приходится ещё и племянником.

– Совсем убил! Я, конечно, из четырех тысяч братьев и сестёр знаком не со всеми (в этом просто нет нужды), но чтобы таким близким было моё родство ещё и с земными тварями?! – Сперхия просто разрывало от неожиданных открытий.

– Да ладно тебе так расстраиваться! Ты же сам, я помню, мне внушал: «Ну и что из того, что многие Богини приходятся нам сёстрами, тётками и племянницами. Они же сами хотят от нас большего, чем просто общения». Или ты этого не говорил? – довольный своей памятью, Зевс ожидал ответа брата.

– Ты прав! Что-то я не по теме расплылся. Давай о деле. Так что я должен узнать у этого бессмертного полуконя-получеловека? Хотя... Дозволишь ли и мне, прежде чем приступить к исполнению твоей просьбы, обратиться к тебе со своей? – и хитрый прищур сморщил уголки глаз лукавого Божка.

– Ну вот, наконец-то, я вижу прежнего брата – хитроумного, обаятельного и неотразимого. Давай, говори.

Обрадованный Сперхий захлебнулся от представившейся возможности:

– Да... собственно... это и не просьба. Так... Мужское совещание на тему любви и дружбы.

– Уже интересно! Сперхий хочет посоветоваться со мной! Это кто же тебе так вскружил голову, что она перестала дружить с тобой? – у Зевса не было большого опыта в юморе, поэтому шутка не получилась смешной.

– Про голову ты отчасти прав. Даже не знаю, как я смог впутаться в эту историю. В общем, был я в гостях у нашего морского деда, Понта. Ворчливый старик жутко не доволен новым положением дел. Сколько я ни старался переубедить его, ничего у меня не получалось. Дошло до того, что он стал и в твой адрес отпускать намёки, мол, какой он Верховный, если даже в своём семействе не может собственных сестёр объездить. Я ему пытался объяснить, что Деметра от тебя дочь имеет, а он мне про Геру и Гестию талдычит. Вот тут я не сдержался.

Видно было, что рассказы брата заинтересовали Зевса, и, заметив это, Сперхий вдохновенно продолжал:

– Захотелось мне старого ворчуна проучить, и заключил я с Понтом пари. Знаю, что в любовных играх ты уже превзошёл своего тренера, то есть меня, поэтому, прости, не посоветовавшись с тобой, предложил седовласому деду вот такое условие. Если мы, Боги, станем свидетелями твоих страстных любезностей с Герой и увидим взаимность с её стороны, то он навсегда покинет наши пределы и поселится в забытом море, где-нибудь за краем света.

– Так, а если вы этих страстей не увидите? – нетерпеливо перебил Зевс.

– Тогда мне придётся перебраться в какое-нибудь заброшенное гнилое болото, – со вздохом закончил Сперхий.

– Да, незавидная участь, – развеселился Громовержец. – Это ты сам себе придумал такое условие?

– Это Понт в отместку за «край света». Он ещё похлеще выразился, назвав болото не гнилым, а вонючим.

Тут Зевс и вовсе покатился от смеха.

– Да, брат, вляпался ты в историю. Хотя мне тебя искренне жалко. Потерять такого друга! Вот пропитаешься болотным газом, тебя ж ни одна нимфа к себе не подпустит. Слушай, да меня ж потом твои океаниды поедом съедят! – не переставал потешаться над Сперхием Молниеносец.

И вдруг, задумавшись на некоторое время, Зевс посерьезнел:

– А знаешь, друг мой. Давай проучим этого никчёмного дедка. Я вот вспомнил, что и Посейдон как-то жаловался на недовольство Понта. Мол, мутит он воду и сам по себе не успокоится, так пусть проиграет пари и баламутит свои моря подальше от нас. Посейдону с Океаном приятный подарок сделаем.

– Ну, так и я про что! – обрадованно поддержал, уже было расстроившийся, Божок.

– Ладно, я согласен на любовное приключение, – стал развивать тему Зевс, – а вдруг Гера заартачится?

– Беру на себя её подготовку и гарантирую абсолютное согласие. Ты ж меня знаешь! – стал бахвалиться Сперхий, вдохновлённый поддержкой.

– Итак, с твоей просьбой мы разобрались, теперь слушай моё поручение, – и Зевс подробно объяснил, что требуется разузнать у Хирона.

О жизни смертных

Сперхий не заставил себя долго ждать. Отчёт о встрече с кентавром был изложен по пунктам, в соответствии с заданием Зевса. Хирон передал Олимпийцу свою признательность за внимание к себе, и вот что он поведал через Сперхия новому Вершителю Богов.

Если Верховного интересовало, как люди отнеслись к смене Богов на небе, то они, оказывается, особой разницы пока и не заметили. Как жили прежде без веры, так и продолжают прозябать в безверии. Радуются лишь окончанию Титаномахии, им просто надоели неожиданные камнепады с небес. И кто победил – их не интересует. В особом почёте у смертных по-прежнему лишь один Бог – Прометей. Почему? Он, якобы, подарил им огонь, и научил ловить и забивать быков, а затем готовить на костре мясо, за что люди сжигают на алтарях печень жертвенных животных. Это они так благодарят своего благодетеля Прометея.

– Благодетеля, говоришь? – заговорил внимательно слушающий Зевс.

– Так сказал кентавр, – оправдался смутившийся Сперхий. – Хирон ещё поведал, что Прометей очень часто бывает среди смертных и что людишки установили памятник своему любимому Титану и поклоняются этому идолу.

– Хватит о Прометее, – прервал в раздвоении Зевс. – Ещё о чём узнал?

– Хирон утверждает, что людей расселилось по земле во множестве, но живут они в невежестве и без богобоязненности. Не хватает им знаний о новых Олимпийцах, нужно научить их возводить храмы, привить любовь к наукам и искусству, поведать о земледелии и скотоводстве. Привыкли, мол, они лишь к собирательству и праздности, и от безделья нет в народе ни страха, ни уважения к Богам, – последнее сообщение Сперхий произнёс с повышенным пафосом.

– Это всё? – после паузы, как бы осмыслив услышанное, спросил гонца Зевс.

– В общем, да. Могу лишь добавить от себя: живут смертные как-то обособленно друг от друга, большей частью в пещерах. Боятся только чудовищ всяких и спасаются от них опять же с помощью всё уничтожающего огня.

– Хорошее наблюдение, спасибо! Ты свободен! Можешь теперь обрадовать своих нимф-сестриц возвращением. Заждались, наверное, соскучились!

Череда встреч и событий

Как и обещал, Зевс попеременно посещал дома Титанид. Фейя, супруга Гипериона, приняла гостя холодно. Хотя она и не вмешивалась в конфликт Титанов с Кронидами, но вот уж никак не ожидала трагического поворота в судьбе своих братьев, а Гиперион был ей и мужем и родным братом.

Детей у Фейи и Гипериона было всего трое, сын и две дочери. Жили они уже давно самостоятельно. Старший, Гелиос, вначале был женат на двоюродной сестре, океаниде Персеиде. Счастливым был этот брак или не очень – не важно, но затем были у него в жёнах, ещё две сестры-океаниды. От трёх благоверных появилось на свет пятнадцать детей, да все как на подбор сияющие и сверкающие. Беда лишь в том, что ни одним из них не интересовался Гиперион как дед. Возможно, поэтому никто в семье и не грустил из-за его исчезновения.

На удивление матери, обе дочери Гипериона, заряница Эос и лунолика Селена, остались равнодушны к трагедии отца. У Эос была своя большая семья, её мужем был кузен Астрей – сын Титана Крия. Детей у них было несчётно: разнообразные ветра и утренние звёзды.

Селена была незамужней, но самостоятельной девицей. Как-то само-собой случилось, что она давно перебралась к своей тётушке Мнемозине, одинокой Титаниде.

В общем, разговора с Фейей не получилось. Вернее, в результате встречи Зевс понял, что не все настроены искать с ним общий язык, пусть даже ничего против Олимпийца и не имеют.

Самая младшая из Титанид, Феба, напротив, была с Зевсом весьма и весьма любезна и всё порывалась познакомить его со своей дочерью, великолепной Лето, никак не находя ту дома. Разговорчивая Феба с восторгом описывала достоинства своих двух дочерей. Со старшей из них, Астерией, Зевс уже был знаком. Её представила ещё Метида. Правда, большее впечатление на молодого Бога произвела тогда юная дочь Астерии – Ника. С ней очень сдружилась Афина. И Зевс был очень признателен Богине победы, что она не перешла на сторону Титанов. Вот и теперь её бабушка Феба напомнила об этом олимпийскому Вершителю.

Новая встреча предстояла ему в доме Мнемозины. Как и Фемиде, Мнемозина была незамужней Богиней, правда, в отличие от сестры, она не была затворницей. Большую часть времени она проводила в окружении племянниц – Леты и Селены. Эти девицы особо соблазнительными были ночью, и не потому, что в темноте все Богини становятся жрицами любви, а потому, что лунолика Селена была в полумраке намного выразительнее, чем днём. И прелестница Лето раскрепощалась именно во тьме и выплёскивала всю свою сокровенность и неутолимую страсть в пылающей пляске любви. Нисколько не уступала им в ночных откровениях и неподражаемая Мнемозина. Быть может, потому-то сразу и поняли друг друга эти три божественные подружки и молодой, полный сил, задора и любви, неукротимый Зевс.

Их оргиям, казалось, не будет конца. В передышках между соитием, они в полудрёме мечтали о том, какими чудесными будут у них дети. Счастливые сами, они будут озарять своей благодатью Богов и людей. Зевс в пылу откровенности нашептал Лето, как он желал всегда, чтобы у него появились двойняшки – мальчик и девочка.

А неутомимой Селене он признавался в сожалении, что вместо желанных хороводов и непрекращающихся праздников, о которых он мечтал в период затворничества на Кипре, ему теперь приходится заниматься мироустройством, небесными и поднебесными проблемами.

Более всех внимала счастливому Зевсу Мнемозина. В её объятиях отдыхал не могучий Властелин, а наивный мечтатель, желающий, чтобы все: и Боги, и люди – обладали неисчерпаемыми знаниями. Пусть бы у всех у них было неиссякаемое желание к творчеству. И чтобы главным мериллом божественного и человеческого была для всех красота.

Каким-то необъяснимым влечением снова затянуло Зевса в семью Климены. Дом опустел. Сама хозяйка вместе с внучками Гесперидами и Плеядами отправилась сопровождать Атланта на Край Света. Навстречу Молниеносителю вышла только одна неподражаемая Майя:

– Ой, как неожиданно и приятно твоё появление у нас, – обворожительная племянница светилась от счастья.

– Что-то с трудом верится, что ты не ждала меня, – попытался смутить юную Богиню Зевс. – Вот, я смотрю, и вижу: совершенно случайно приготовлены два кубка с нектаром.

Нисколько не смутившись, светлоликая Майя призналась:

– Ждала, конечно, ждала. Я была уверена, что ты непременно заглянешь к нам снова. И не ошиблась. Как хорошо, что никто не помешает нам насладиться общением. И ты ведь не случайно здесь оказался.

– Да уж. Запомнились мне твои слова при первой встрече, – и гость попытался их пересказать дословно: – «О, Зевс! Я так ждала, я знала, я мечтала, что, когда ты к нам придёшь, я первая приму тебя в объятия».

– Ага, именно так! – и лучезарная Майя бросилась в объятия своего дяди.

Пылкая и страстная Богиня больше не выпустила из своих рук желанного гостя.

Как долго и однообразно длилась жизнь до встречи с Зевсом! И какой насыщенной событиями и ожиданиями встреч стала она теперь! Милый-милый Зевс, как приятно предупредителен и ласков был он с нею, как нежен и одновременно горяч становился в близости, как наивен и искренен был он в своих доверительных беседах во время пауз между соитиями!

«Будет, будет тебе верный помощник на века! Будет самый доверенный из Богов! Будет у тебя лучший и достойнейший из сыновей! И рожу его я!» – мечтательно млела в объятиях любимого Майя.

Свадьба

По давно сложившейся традиции Боги с удовольствием отдыхали на лазурных морских берегах и в уютных голубых лагунах, под шуршание волн на песчаных пляжах и в тени ветвистых оливок во владениях Океана и Тетиды. Гостеприимность этой четы стала неотъемлемой частью и всего их многочисленного семейства. Уж такие они затейницы, эти неугомонные Океаниды, уж такие мастерицы придумывать разнообразные праздники. Вот и нынче приглашённых было много. Кто водил широкие хороводы, кто уединялся в укромных местечках. В одном из таких уголков, в тенистой беседке на высоком берегу, была назначена встреча Зевса и Геры.

Выглядело это несколько глупо. Накануне, перед тем как отправиться в гости к Океану, брат с сестрой мило общались на Олимпе, обсуждая текущие домашние дела. А теперь по плану Сперхия они должны были изобразить страстно влюблённых. Кстати, между собой эту тему они ни разу не обсуждали. Возможно, поэтому вначале их уединённое общение было даже холоднее, чем обычно. Зевс, не проявляя инициативы, встал спиной к сестре и, опершись поднятой рукой о колонну, казалось, вглядывался в морскую даль. Когда-то здесь, в этой беседке, они с Метидой, страстно желая друг друга, предавались любви.

– Ты думаешь о ней? – из-за спины спросила Гера.

– Нет, – без тени смущения солгал Зевс, – я думаю о нас.

– Правда? – и Гера в искреннем порыве нырнула под руку брата и обняла его, прижавшись головой к груди.

Зевс в ответ, опустив руку ей на спину, усилил объятие сестры.

– Ты просто не представляешь, как долго я ждала этого мгновения!

«Не переигрывает ли она?» – подумал Зевс, а Гера уже развернулась к нему лицом и, не размыкая объятий, потянулась к нему губами. «Ну, что ж, чем быстрее закончится этот розыгрыш, тем лучше», – и Зевс впился в пылающий рот сестры. Огонь желания через долгий поцелуй постепенно переливался и в тело Зевса. В какой-то миг он, забыв о заговоре, поднял её на руки и, повернувшись спиной к морю, замер... Вокруг беседки столпились нимфы, океаниды, речные богини и другие родственники. На первом плане светилась довольная рожа Сперхия, так умело организовавшего всех. Рядом с ним стоял мрачный седовласый Понт. Восторги собравшихся, аплодисменты и крики поздравлений слились в единый гомон. Рея уже стояла рядом:

– Дети мои, как я счастлива! Благославляю вас!

А Тефида приглашала уже гостей:

– Прошу, прошу всех к застолью. Будем радоваться вместе счастьем молодожёнов!

Поначалу Зевс воспринимал это всё тоже частью сговора, но когда пошли бесконечные поздравления, когда всё оказалось реальностью, ему захотелось остановить этот незапланированный им свадебный разгул, но, видя рядом с собой светящийся счастьем лик Геры, ощущая всеобщую радость Богов, он прислушался к внутреннему голосу. И ему показалось, что Метида не против всего этого.

«Ну, так тому и быть! – решил Громовержец. – Когда-то же надобно и жениться, и семьёй обзавестись». Он взглянул на счастливую невесту и удивился: «А сестричка-то красавица! Как я раньше этого не замечал?!» И, освобождённый от тягостных дум, Зевс с нежностью обнял суженую, а пирующие восторженно подняли вверх заздравные кубки.

Радовались все, и даже всегда бледноватый Аид разгорячился и порозовел от всеобщего ликования. В особо приподнятом настроении пребывал и Посейдон: известие о свадьбе Зевса и Геры стало для него, конечно, неожиданным, но он был в большей степени опьянён от будоражащей вести, что седокудрый Понт навсегда покидает ближайшие моря и отправляется за пределы Океана. Об этом ему успел уже сообщить вездесущий Сперхий. С ним-то вместе и ходил меж Богами Посейдон и вслед за здравицей в честь молодожёнов поздравлял всех с проводами за тридевять земель бедного Понта.

Эпохальные решения

Повод отделиться от всеобщего увеселения и собраться всей семьёй на Олимпе был понятен – свадьба брата и сестры. Но родственники были удивлены, что вместо праздничных песнопений Зевс предложил выслушать его совсем не торжественные речи в спокойной и деловой обстановке. Кронида в родных чертогах расселись по кругу, напротив друг друга, и начал Зевс так:

– Пусть гости наслаждаются и отдыхают там, во владениях Океана, а нам предстоит подумать о вещах не столь уж и весёлых здесь, дома.

– Да сегодня празднуют и торжествуют не только небеса, но, я думаю, и на земле все смертные, – выплеснула эмоции Гестия, ещё сохранившая возбуждение от хороводов.

Гера посмотрела на неё с признательностью.

– Вот об этом я и хотел бы с вами поговорить, – строго остановил прыть сестры Зевс. – Откуда такая уверенность, что на земле царит радость и веселье? И почему вы думаете, что все нас любят? Спросите хотя бы об этом пеннокудрого Понта.

Все присутствующие насторожились. Гестия обиженно поджала губки. У Геры вскинутые бровки изобразили две удивлённых дуги. Деметра встревоженно переводила взгляд с Аида на Посейдона, а братья сидели, потупив очи долу. Для всех присутствующих как-то само собой казалось, что люди, как и Боги, возликуют и возрадуются знаменательному известию о женитьбе Великодержавного Зевса и Прекрасноокой Геры. Но младший Кронид продолжал нагнетать мрачную атмосферу:

– Кто-нибудь из вас общается с земными жителями? Есть ли кто в окружении Богов из доверенных нам лиц, кому поручено извещать людей о событиях на Небесах? И вообще, вы уверены, что у человечества есть какие-нибудь сведения о нас с вами? Эпоха Титанов закончилась, а Олимпийская не началась! – слова Зевса как звонкие пощёчины отрезвляли остывавших от праздника Богов.

Предательский румянец моментально сошёл со щёк Аида. Присмирели сестрёнки и тоже побледнели. Пристыжённый Посейдон виновато почесывал вспененную бороду. Ну, ладно эти вечно порхающие сёстры, не задумывающиеся ни о чём, кроме любви. Ну, ладно спрятавшийся под землю Аид, но он-то прекрасно видел, что никакой чести ему – молодому Богу морей – люди не оказывают. Стеснялся сказать об этом Зевсу. Потому так и обрадовался бессрочной командировке старшего конкурента по морскому владычеству. Старому Понту моряки-то поклонялись. Конкурента теперь нет, а что дальше?

После тяжёлой паузы. Посейдон первый обратился к Зевсу:

– Тысячекратно ты прав, брат. Подобные сомнения и меня давно мучили. Но раз ты первый завёл об этом речь, говори, что предлагаешь?

– Наслаждаясь обретенной свободой, увлекаясь превратностями борьбы и, наконец, окрылённые долгожданной победой, мы стали забывать о главном своём предназначении. Мы – новое поколение Богов. Мы призваны утвердить миропорядок, так мучительно возрождающийся из Хаоса. На нас лежит ответственность – будет ли царить в мире Любовь и Красота или всё погрознет во Мраке и Нечестивости.

Зевс сделал паузу. Он сам удивился тому, как красиво получалось у него выражать свои мысли. Он действительно настоящий лидер. Братья и сёстры слушали его с волнением. Это понравилось Зевсу. Искусство овладевать умами он впитывал с каждой произнесённой фразой:

– Что наплодили прешествующие поколения Богов? Монстров! Ужасающие Гарпии, Гаргоны и Горгульи; чудовищные драконы Ладон, Пифон и Тифон; устрашающие Химеры, Грифоны и Сфинксы и ещё множество всяческих уродов типа Ехидны или змееногих Гигантов. Человек трепещет перед ними и не верит Богам, что они способны спасти людей от этих тварей, от них народ защищается сам с помощью огня. И знаете, кого они благодарят за этот огонь? Прометей! Из Богов он единственный, кому они поклоняются. Ставят идолов в честь Титана и приносят в его честь жертвы.

– Обнаглели! – не выдержал Посейдон. – А не насрать ли на людишек гигантские морские волны? И топить их, пока не взмолятся о спасении. И вот тогда оставшихся в живых мы научим и бояться, и почитать нас, истинных Богов.

– Предложение интересное и верное, – поддержал его Зевс, – действуй. Не перестарайся только.

– Что ж, думаю, когда они успокоятся после потопа, – поддержала братьев Деметра, – приучу их к земледелию, пусть научатся трудом и потом добывать себе пищу.

– А я думаю, надо заставить их бояться за судьбу своих близких, тогда уж они точно будут молить нас о помощи и станут приносить жертвы в нашу честь, а не в честь Прометея, – предложила Гера.

– А как предлагаешь успокоить этого Титана? Так же, как и брата его Менетия, в Тартар под охрану Сторуких? – впервые заговорил Аид.

– Нет, – возразил Зевс. – Прометей ни разу открыто не выступил против нас. Более того, он однажды дал мне слово, что не предаст меня. Вот и посмотрим, как поведёт себя Титан после потопа. А там и примем решение, как с ним поступить.

Предложение это всех устроило. А Зевс неожиданно заговорил, казалось бы, на другую тему:

– Нас всего шестеро. И я не вижу среди других родственников, кому бы мог доверять так же, как вам. Но не хочется повторять ошибок наших предков, не желавших жить в мире и согласии со своими потомками. А я верю, что наши дети, – Зевс выразительно взглянул на Геру и мельком на Деметру, – наши дети могут быть не менее талантливыми и, может, даже более красивыми, чем мы. И с ними изначально необходимо считаться и быть на равных. Только вместе с младшим поколением Олимпийцев мы сможем преодолеть накопившиеся проблемы. Я в это верю и потому, с вашего согласия, хочу расширить и впредь не считать закрытым наш кворум.

Столь неожиданный поворот в разговоре после единодушного решения судьбы людей вновь вызвал всеобщую поддержку.

– Ну, вот и хорошо, – заключил Зевс. – Предлагаю прямо сейчас призвать в наши ряды Афины и Персефону. Что им томиться в соседних хорах? Войдите, юные Богини!

Сёстры не заставили себя ждать и тотчас явили свою красоту. Аид, как замороженный, не сводил глаз с Персефоны, которая подседа к матери, гордой Деметре. Афина расположилась между Герой и Гестией. А Зевс продолжил, обращаясь к примкнувшим к ним Богиням:

– Думаю, вы всё слышали и имеете свою точку зрения на предстоящие изменения.

Афина без тени смущения стала предлагать свои идеи:

– Века люди жили в мире и согласии. Я думаю, после потопа их следует научить воевать. Захватывать соседние племена, расширять свои владения, строить города, а в них утверждать преданных нам вождей, строптивых же наказывать и отправлять к Аиду.

– Спасибо, племянница! – перевёл взгляд с Персефоны на Афины. – Согласен с тобой. Страх нужно посеять в душах людей. Пусть уничтожают друг друга. Пусть молят нас о помощи. А к приёму усопших у меня уже всё готово. Возврата назад отныне не будет. У ворот в царство мёртвых поставлю свирепого Цербера.

Зевсу понравилось единомыслие в семье:

– Со своей стороны подумаю, как доносить до людей о наших решениях. И вот ещё что! Думаю, не менее привяжет их к нам не только страх, но и любовь к Богам.

Все согласились с этим. Особо выразила свою поддержку восхищённым взглядом Гера.

И Зевс обратился к своим близким с пожеланием:

– Ну, что ж, мои родные, будем вмести строить новый мир, удачи всем и за дело! Посейдон, начинаешь ты!

Турсун ЖУРТБАЕВ,

доктор филологических наук, профессор

Великое Скифское царство

ТАРГЫТАЙ

*(жил около 1500 лет до н.э.)**Так рассказывают Скифы о происхождении своего народа.**Они думают, впрочем, что со времён**первого царя Таргытая до вторжения**в их землю Дария прошло как раз только 1000 лет.*

Геродот, «История», книга четвёртая, 7.

Итак, мы оставляем за каждым право самому решать, принимать ли за правду чистой воды предлагаемое ниже повествование о Таргытае, далеком предке, будто бы жившем во времена, давно позабытые и обросшие вымыслами и легендами. Или же вы посчитаете наш рассказ одним из многочисленных отголосков, которыми полнятся, в конечном счете, похожие на дивные сказки, казахские родословные. Остаётся лишь констатировать, что в результате упорных изысканий мы пришли к такому выводу: далекий предок тюрков Таргытай, происхождением своим обязанный самому Тенгри, является исторической личностью, родоначальником огромного племени, чье имя, пока живо человечество, не исчезнет из скрижалей истории, из памяти потомков. Благодаря великому Геродоту, мы имеем возможность почитать его как основоположника крупнейшего сообщества кочевников, берущих свое начало от праотца Адама и пра-матери Евы. Родник отстаивается у истока. Поэтому нет ничего предосудительного в том, что, сочетая правду с вымыслом, достоверность с легендой, мы решились привести в единую систему все толкования и разночтения, факты и сообщения о вожде великого кочевого племени, признанным историей первым правителем воинственных степняков. Может быть, строя гипотезы, догадки и предположения, удастся сделать веские и убедительные заключения, неоспоримые выводы. Во всяком случае, лучше уж взбаламутить стоячую воду, раздуть гаснущее пепелище, чтобы из искры возгорелось пламя, способное рассеять сгустившийся туман, нежели молчаливое забвение, непрощительное беспамятство.

I

Скифы, саки, гунны... За этими этнонимами стоит один народ, известный миру как кочевники, каждое племя которых имеет свою историю происхождения, становления, развития. И хотя под этими названиями подразумеваются три самостоятельных, независимых друг от друга сообщества, следует отметить, что корни возникновения их одни и те же, общие для всех вместе взятых племен. То есть, несмотря на множество толкований, гипотез, предположений, пуповина у этих народов одна!.. И сила, давшая им жизнь, это – Тенгри, Бог Неба. Небесный Тенгри – Кок Танир. На востоке – гунны, на юге – саки, на западе – скифы (ишгузы). Все они подчинялись Небесному Богу – Тенгри, почитая его как прапрапредка, поклоняясь ему и справляя поминальные тризны – асы, главным в которых был обряд жертвоприношения Богу. Находившиеся в трех разных точках земного шара китайцы, персы и греки, писавшие древнюю историю и в силу пространственной отдалённости не знакомые друг с другом, даже не подозревавшие о существовании подобных своим летописей, единодушны в этом

вопросе. Единственное значительное различие, как справедливо отметил В.В. Струве, каждый летописец по-своему, в соответствии с особенностями своего языка, называет имена вождей кочевого народа и имя бога Тенгри. Геродот сам показывает, что он не верит в то, что скифы произошли от Зевса.

Но если сравнить обычаи и традиции кочевых народов, хотя со временем изменились имена богов различных племен, суть и смысл каждого божественного существа остались прежними. Солнце, Луна, Ветер, Воздух, Золотое дыхание, Земля – все эти мелкие локальные божества порождены Тенгри, Богом Неба. Молния, Огонь, Священный Меч – Акинак для всех трех сословий и для всех обществ божественный дар, преподнесенный людям. Позднее в сочиненной народом уже под влиянием мусульманских нововведений древней поэме об Огуз кагане сохранились эти еще более древние мотивы. Поэтому, как свидетельствует Геродот, живший за 1500 лет до рождения Иисуса Христа, Таргытай – Тенгри, Таргытай – прапрапредок, Таргытай – царь, «подобный Тенгри, Тенгри порожденный» («Надпись о Культегине»). Вникая во все это, можно ли утверждать, что Таргытай – человек из легенды, вымышленное лицо? В таком случае, и на происхождение Чингисхана можно посмотреть критическим взглядом и подвергнуть сомнению его присутствие в истории. Мы можем сомневаться в том, что мать Алан-Гуа родила божественного ребенка от солнечного луча, но ведь само житие и бытие Чингисхана истинная правда. В таком случае, невозможно отрицать мотивы происхождения Таргытая? И хотя он не являлся одним из потомков пророка Ноя, но был историческим лицом, самым близким к этим библейским временам. Следовательно, в том, что написал о скифах Геродот, и во всех этих трех легендах о происхождении скифов, могут быть фактические исторические корни.

Однако вернемся к вышеизложенному. Кто такой прапрапредок Таргытай? Откуда он произошел и от кого? Куда распространились его потомки, кто они? Мудрый Геродот об этом говорит так: «По рассказам скифов, народ их – моложе всех. А произошел он таким образом. Первым жителем этой еще необитаемой тогда страны был человек по имени Таргитая. Родителями этого Таргитая, как говорят скифы, были Зевс (Надо понимать, бог Неба Тенгри – Т. Ж.) и дочь реки Борисфена (мы этому, конечно, не верим, несмотря на это утверждение). Такого рода был Таргытай, а у него было трое сыновей: Липоксаис, Арпоксаис и самый младший – Колаксаис. В их царствование на Скифскую землю с неба упали золотые предметы: плуг, ярмо, секира и чаша. Первым увидел эти вещи старший брат. Едва он подошел, чтобы поднять их, как золото запылало. Тогда он отступил, и приблизился второй брат, и опять золото было объято пламенем. Так жар пылающего золота отогнал обоих братьев, но когда подошел третий, младший брат, пламя погасло, и он отнес золото к себе в дом. Поэтому старшие братья согласились отдать царство младшему.

Так вот, от Липоксаиса, как говорят, произошло скифское племя, называемое авхатами, от среднего брата – племя катиаров и траспиев, а от младшего из братьев царя – племя паралатов. Все племена вместе называются сколотами, т.е. царскими. Эллины же зовут их скифами» (Геродот, «История», книга четвертая, 5, 6).

А теперь попробуем разобраться, правдиво ли это сообщение «отца истории» или же мифическое предание старины глубокой? В этом смысле все исследователи мировой и древней истории, если не единодушно, то в большинстве своем, склонны отнести это свидетельство к разряду древней старины. А процесс происхождения скифов рассматривают, беря за точку отсчета не факт существования посланника Тенгри Таргытая и его большого и многочисленного народа, а наличие более поздних и мелких скифских племен. Так кто же они – скифы-сколоты, где обитали, с кем воевали? Одни предположения отрицают другие, высказывания вторых перечеркивают первые, где-то мнения сходятся, подтверждаются, а иной раз категорически не совпадают. Только не было ещё

попытки сопоставить это предание с другими сказаниями, бытующими в среде кочевых народов. Никто еще не обратил должного внимания на то, как схожи между собой легенды разных народов, чьи предки некогда составляли мир кочевников. В науке не бывает застывших догм. Значит, и мы вольны рассуждать без ограничений, сравнивать и делать выводы, предполагать и приходиться к умозаключениям. Поэтому допускаем, что Таргытай – личность историческая, но со временем, подобно другим царям и правителям, обратившаяся в легенду, корни которой уходят в далекие тысячелетия. Возможно, мы ошибаемся. Но как сказал великий Абай, «...у блуждающего, ищущего дорогу, впереди – направление, по которому он следует, а сзади – тропа, протоптанный путь». По неверной тропе уже никто не пойдет. Поэтому попытаемся поблуждать, даже преднамеренно заблудиться. И если вдруг наши поиски окажутся удачными, а выводы растревожат пытливую мысль и поведут нас дальше, у нас появится возможность предоставить ученым мужам возможность строить научные гипотезы, располагая новыми свежими аргументами и фактами, доводами и доказательствами.

Не мудрствуя лукаво, подойдем к проблеме с самых ее истоков. И Геродот, и сами скифы, поведавшие Геродоту историю своего происхождения и родословную своих царей, точно указывают, что Таргытай был действительным историческим лицом, а не героем вымышленных преданий, и все связанное с ним – историческая правда. Без каких-либо сомнений они утверждают, что «их народ – самый молодой». Первым правителем, владельцем необозримых просторов, где еще не ступала нога человека, был Таргытай. Общеизвестный вождь, предводитель кочевников, освоивший пустовавшие, ранее никем не заселенные земли. Имя далекого родоначальника не стерлось в памяти потомков, и даже в наши дни имя «Таргытай» широко распространено как среди казахов, так и среди киргизов, башкир, узбеков, ногайцев. Сотни населенных пунктов и природных локусов в корне своих топонимов содержат это имя-понятие. И нет надобности перечислять их все, стоит только вспомнить хана Таргын или название великого эпоса «Ер Таргын». Эпитетами «таргын» или «тургень» обозначают бурный поток, неудержимое течение горных рек и водопадов. Ни в одном другом языке нет слова «таргын» или какого-либо подобного слова, имеющего другой смысл или иначе поясняющего его, как только в тюркских. Происхождение первого престоловладельца скифов и прапрапредка Таргытая, первым проложившего дорогу в безбрежные степи, сумевшего выступить в дальний, чреватый опасностями поход, чтобы покорить безмолвные просторы, чтобы поселить свое племя на новой земле, тем самым, дать жизнь великой орде кочевников, и это совершенно соответствует динамике освоения мира, природному миру кочевой культуры.

Возможно, это положение лишь попытка отыскать случайные схожести, подобно тому, как Мырзабек Дуйсенов, ныне покойный, пытался Анды объяснить казахским словом «анды», то есть горы, кишасшие зверем: ан – зверь (каз.). Но имеем ли мы право не верить следующему сообщению Геродота: «Скифы так рассказывают о происхождении своего народа. Они думают, что со времен первого царя Таргытая до вторжения в их землю Дария прошло как раз только 1000 лет».

Хорошо, пусть будет не тысяча, а тысяча пятьсот лет или просто пятьсот лет. Даже тогда сообщение Геродота заслуживает внимания и изучения как проблема истины. Потому что кочевники (слова «скиф – искит – скит (скиталец)» тоже означают «кочевник») заселили побережье Черного моря более 2000 лет до н.э., о чем свидетельствуют археологические находки и с чем единодушно согласны все ведущие учёные-историки мира. Несомненно, и то, что Великий Кош – великое кочевье – многоплеменное, многочисленное кто-то вел, был его главой, предводительствовал над войском и народом. Вполне закономерно, что имя Таргытая постоянно возрождалось, что благодарные потомки с благоговением почитали его, передавая его имя от поколения к поколению. Множество

царей приходило в этот мир и покидало его. Тем не менее, Эллада навеки обесмертила имя Александра Македонского, гунны – Едилы (Аттилу), монголы – Чингисхана, русские – Ивана Грозного и Петра I. Тюрки никогда не забывали и ни с кем иным не путали Бумын-кагана. Неудивительно, что и кочевники и Геродот без колебания называют имя Таргытая, говоря о «первом правителе» кочевого племени, опираясь при этом на достоверные исторические факты. Напомним, что великий Геродот заверяет, что в труде своем приводит не легенды и предания, а пишет о том, чему сам был свидетелем, очевидцем. Сейчас самое время не распылять то, что было записано «отцом истории», по разным источникам, чтобы каждый автор толковал эти сведения по-своему, хотя, естественно, необходимо прислушиваться к комментариям ученых, чтобы знать их мнение, но априори воспринимать сказанное Геродотом как вымысел, как легенду, невозможно.

«Геродота не надо дополнять, его надо понять» – это очень верные слова Б. Низиди.

К этому крылатому выражению мы можем добавить, что Геродоту надо верить. До него не было ученых, работавших на эти исторические темы, а поздние дополнения Страбона, лже Гиппократы и лже Аристотеля остаются лишь дополнениями к его ранней истории, и ничем иным, нового в их сообщениях нет.

Таким образом, соглашаясь с тем, что скифы пришли на побережье Черного моря за тысячу лет до похода в скифские степи Дария I, опираясь на свидетельства ученых, которые занимались исследованиями истории скифов, рассматриваю эту версию как объективную и непоколебимую правду. Разумеется, привести всю библиографию работ нескольких сот ученых, здесь не представляется возможным, да и делать этого не надо. Каждый из них упорно занимался скифской проблемой. В любом случае, читателю остается довериться мне, поверить моему честному слову. Если бы нашлись мнения, противостоящие нашей концепции, мы и их осветили бы, ради истины их следует уважать.

Итак, сообщение Геродота и сведения из истории скифов, рассказанные ему старейшинами, а также время, в которое они пришли в Северное Причерноморье, мы можем считать исторической правдой. Ворота хронотопа пути царя кочевников Таргытая и его большого народа связаны с востоком. Напомнив читателям о том, что киммерийцы являлись степным кочевым обществом, родственным скифам, полагаем, что Таргытай захватил побережье Черного моря именно после киммерийцев. И поскольку между культурами киммерийцев и культурой скифов существенной разницы не обнаруживается, то для ученых было весьма затруднительно точно локализовать месторасположение их кочевий на основании одних только древних могильников. Если основываться на свидетельствах, то кочевье Таргытая приходится именно на то время, о котором говорит Геродот. Царь Дарий I совершил свой поход на скифов в 516 – 512 годах до нашей эры. Если к этим датам прибавить 1000 лет, тогда Таргытай и возглавляемые им скифы появились у Черного моря за 1500 лет до рождения пророка Иисуса Христа. Если найдется человек, который сможет доказательно опровергнуть этот факт, мы не возражаем, при условии, что его доказательства будут такими же вескими, как приведенные нами факты.

Обратимся к тому, каким образом точное историческое имя исторической личности становится легендарным, превращается в миф. По Геродоту, родителями этого Таргытая, как считали сами скифы, были Зевс и дочь реки Борисфена. Он не без основания сомневается в том, что скифы произошли от Зевса, что они родились от речной (водяной) принцессы. Древний историк, естественно, хорошо знал мифы и легенды Эллады и прекрасно понимал, что Зевс, о котором говорят скифы, и Зевс, которого обожествляли сами греки, это совершенно разные персонажи, хотя содержание, смысл и суть сходны. Зевс греческий то же

самое, что и Бог Неба Тенгри скифский, а Бог Неба Тенгри, по понятиям греков, то же самое, что верховное божество Зевс. Разница лишь в именах. По обыкновению греческих историков того времени, они приспособливали названия чужих народов, земель, имена людей к своему языку, зачастую переводя их на свой язык по смыслу, или же оставляя только им понятный смысл. Об этом подробно и обстоятельно свидетельствуют исследования В.В. Струве. Таким образом, Зевс не кто иной, как Тенгри – Бог Неба, но кто же, в таком случае, дочь Борисфена, речная принцесса? Откуда она явилась?

Если бы собрали в одну книгу сказки и легенды тюркских народов о речных (водяных, морских) пери – принцессах, то они составили бы весьма объемную книгу. Далекое представление о речных принцессах отражены в легендах об Огуз-кагане, о Сивогривом Волке – Кокбори, более близкие имеются в «Книге моего деда Коркута», и они хорошо известны читающей публике. Сделаем небольшой экскурс к этим легендам: в каждой из них присутствует «Су Ана» – «Мать Вода». Даже Амурдарья и Сырдарья отражены в них как реки, на берегах которых купались сорок девушек. Имеется много фантастических и волшебных сказок о речных и морских пери – принцессах, хозяйках волшебных озер. И хотя все эти сказания – мифопоэтические легенды и сказки, они отражают древнее сознание народа, период, когда люди поклонялись Матери-природе. Это похоже на воспоминания ребенка о том, как он сосал материнскую грудь. Использование мотива «речные и озерные божества» в качестве матери-прародительницы – это давняя тенгрианская традиция. Ене-сай (Енисей), Катун-су, Иле-ана (Лена) и многие другие гидронимы носят женские имена.

Одна из таких рек – Ертис (Иртыш)). Само происхождение названия этой реки напрямую связано с проделками женщины. Это даже не сказка, но и трудно сказать, что это искусственная версия, нарочно сочиненная история, поскольку впервые ее записавший автор книги «Зайн аль-Ахбар», персидский ученый Гардизи жил в далеком XI веке. И если мы возьмем ее за ориентир, то обнаружим, что легенда, по которой Таргытай происходит от дочери реки Борисфен, от речной принцессы – пери, является одним из узлов этого вопроса. Нам неизвестно, читал ли Гардизи Геродота, но легенды о происхождении кочевого народа – происхождении по женской линии имеют общие корни, связанные во многом между собой. Конечно, за те столетия, которые прошли с Таргытаевых пятнадцати веков, они могли измениться, что вполне естественно. Изменились обычаи и традиции, даже религия изменилась. Потомки сыновей Бога Неба Тенгри, поклонявшиеся Сивогривому Волку, позже приняли ислам. А вот содержание и смысл легенды сохранились. Я посчитал нужным привести эту цитату полностью, несмотря на ее объем. Она необходима как ссылка и как повествование о становлении древнетюркского государства кимаков в VII – X вв. Гардизи пишет: «Происхождение кимаков таково. Начальник татар умер и оставил двоих сыновей; старший сын завладел царством, младший стал завидовать брату; имя младшего было Шад. Он совершил покушение на жизнь старшего брата, но неудачно; боясь за себя, он, взяв с собой рабыню-любовницу, убежал от брата и прибыл в такое место, где была большая река, много деревьев и обилие дичи; там он поставил шатер и расположился. Каждый день этот человек и рабыня вдвоем выходили на охоту, питались мясом дичи и делали себе одежду из меха соболей, белок и горностаев. После к ним пришли семь человек из родственников-татар: Ими, Имек, Татар, Баяндер, Кыпчак, Ланиказ и Аджлад. Эти люди пасли табуны своих господ; в тех местах, где (прежде) были табуны, не осталось пастбищ, и в поисках трав, они пришли в ту сторону, где находился Шад. Увидев их, рабыня вышла и сказала: «Ер тис» – («Ер тус»), то есть, остановись, отсюда река получила название Ертис (Иртыш). Узнав ту рабыню, все остановились и разбили шатры. Шад, вернувшись, принес с собой большую добычу с охоты и угостил их; они

остались там до зимы... Когда снег растаял, и земля разукрасилась, они послали одного человека в татарский лагерь, чтобы он принес известия о том племени. Тот, пришедши туда, увидел, что вся местность опустошена и лишена населения: пришел враг, ограбил и перебил весь народ. Остатки племени спустились к этому человеку с гор; он рассказал своим друзьям о положении Шада; все они отправились к Иртышу. Прибыв туда, они приветствовали Шада, как своего начальника, и стали оказывать ему почет. Другие люди, услышав эту весть, тоже стали приходить (сюда); собралось 700 человек. Долгое время они оставались на службе у Шада; потом, когда размножились, они рассеялись по горам и образовали семь племен, по имени названных семи человек. Все эти кимаки отличаются злым нравом, скупостью и негостеприимством. Шад однажды стоял на берегу Иртыша со своим народом; послышался голос: «Шад? Видел ли ты меня в воде?» Шад ничего не увидел, кроме волос, плававших на поверхности воды; он привязал лошадь, вошел в воду и схватил волосы; оказалась, что это была жена его Хатун. Он спросил ее: «Как ты упала?» Она ответила: «Крокодил (неханг, дракон) схватил меня с берега реки». Кимаки оказывают уважение этой реке, почитают ее, поклоняются ей и говорят: «Река – бог кимаков...» (С.М. Ахинжанов, «Кыпчаки в истории средневекового Казахстана», Алматы, 1989, с. 95 – 96).

Из сообщения персидского историка мы узнаем не только о возникновении государства кимаков на берегах Ертиса – Иртыша, но и о верованиях народа древних тюрков. Это свидетельство того, что наши предки обожествляли не только Реку-Воду, но и Огонь, поклонялись им. Достаточно вспомнить древний миф о ребенке, плывущем в колыбели по воде, которого спасают сердобольные люди, или же легенду о сорока девушках, плывущих по волнам на шелковом ковре и поющих по утрам свою прелестную песню. Кто он – этот ребенок, Коркут-дада в младенчестве, юный ли Огуз-каган или же наш персонаж Таргытай? Хорошо известно происхождение первоучителя веры еврейского народа Моисея, имя которого «mose» означает «ребенок». Среди тюрков земным представителем Бога Неба Тенгри является Сивогривый Волк – Кокбори, но эта традиция происхождения от земного зверя-хищника появилась во времена каганов Моде, Елжау, Огуза, примерно за три века до н.э., в период непрерывных войн. У римлян есть подобная легенда о волчице, вскормившей Ромула и Рема, она появилась несколько ранее, после Троянской войны. Но нет ни одного народа, который не поклонялся бы природе, не обожествлял бы ее. Следовательно, вполне закономерно, если отцом первого царя скифов Таргытая является Бог Неба Тенгри, а матерью Дочь Великой Реки, сама Мать-вода. Все мы были сотворены божественным Создателем из Огня и Воды. В таком случае, великий мудрец Геродот вполне естественно отождествлял Великую Реку с Борисфеном (Днепром).

Подведем итоги скифской легенды, касающейся образа Таргытая:

1) в его имени отразились природные реалии древних людей, которые прибывали на стадии слияния с первозданным миром и персонафицировали различные атрибуты окружающего мира в именах живых существ;

2) высокородность героев и его наследников подчеркнуты мотивом ниспосланных свыше четырех золотых предметов, а постоянство забот древнего человека выражено символикой числа «четыре». Различные виды мирного и ратного труда олицетворяют плуг земледельца и секира воина. Ярмо функционально в качестве упряжи для скота, однако, олицетворяя символику ига, чужого господства, гнёта, оно, возможно, предстает знаком погибельных времен Скифии. То же самое можно сказать о символизме чаши. Это четвертый предмет – не только церемониальный сосуд, но и символ приятия (отдачи), а также тяжелой судьбы (сравним: историю Иисуса Христа, предвидевшего распятие и просившего отвести горькую чашу).

Таким образом, мы отделили историю царя Таргытая от легендарных вымыслов, но на этом проблема происхождения скифов и разговор о них не заканчиваются. Геродот касается лишь той тысячи лет, которая прошла с того времени, когда Таргытай создал свое царство. Историк продолжает, сталкивая разные мнения: «Так скифы рассказывают о себе и о соседних с ними северных странах. Эллины же, что живут на Понте, передают иначе».

Далее Геродот переходит к следующей легенде, в которой проскальзывает желание греков принизить чужой соседствующий народ. По этой легенде, пасший далеко на Востоке быков трехглавого великана Гериона Геракл на восходе солнца оказывается вдруг на Западе. Усталый он прибывает на землю скифов, ложится спать, и пока он спит, внезапно исчезают его кони. Герой ищет своих коней, и в одной пещере ему встречается женщина – наполовину человек, наполовину змея, которая влюбляется в него. От нее рождаются три сына. Наконец Геракл решает возвратиться домой и наставляет женщину-змею: «Когда мои сыновья вырастут, посмотри, кто из них сможет вот так натянуть мой лук и опоясаться этим поясом, как я тебе указываю, того оставь жить здесь». Вместе с луком он оставляет пояс с чашей. Агафирс и Гелон не смогли натянуть лук отца, а младший Скиф выполняет условия Геракла и становится царем. Все скифы происходят от него. «И в память о той золотой чаше еще и до сего дня скифы носят чаши на поясе», – заканчивает свой рассказ Геродот.

Золотой пояс – это казахский пояс «кисе», на нем еще есть ножны с кинжалом, и он входит в один из «пяти обязательных воинских предметов» воина-кочевника; наши предки пользовались ими в недавнем прошлом. Мы можем даже не обобщать эти предметы с образом и завещанием греческого богатыря Геракла. Достаточно обратить внимание на традиции ношения этих предметов (Пояса с чашами и ножами имеются в исторических музеях Казахстана. В частности, такой пояс и огромная чаша-кесе были в пользовании у батыров Кабанбая, Богембая еще в XVIII веке. Выставлена в экспозиции Республиканского Исторического Музея в Алматы. – **О. Жанайдаров**).

Возвращаясь к изложенной выше легенде Геродота, заметим, что самая известная из казахских сказок, в которой присутствует фантастическая периферия: до пояса женщина и ниже пояса – змея – это «Ер Тостик». Сказка эта весьма древняя по происхождению, но среди кыпчакских родов, возглавляемых Кунаном-бием, кочевавших от реки Аргунь и гор Хингана до Крыма, создавших государство кимаков, был народ, который назывался «кай-оран-сарышан-уранхай» и поклонялся водяной змее как матери-прародительнице. Об этимологии названия народа писали многие ученые мира, а известный историк С.М.Ахынжанов в своем капитальном труде «Кыпчаки в истории средневекового Казахстана», тщательно исследовав проблему, доказал, что слова «кимак» и «кай-мак» одного корня. И в этом сходятся мнения китайских, персидских, арабских и турецких летописцев III – X столетий. Следует подчеркнуть, что такой же точки зрения придерживаются ученые И. Маркварт, П. Пелльо, В. Бартольд, В. Минорский, А. Кононов, Н. Бичурин. Можно привести два свидетельства, на которых основаны труды С.М. Ахынжанова.

Первое – фрагмент легенды, которую приводит в своей книге Гардизи: «Река – бог кимаков, хозяином которой является дракон. Мифологический дракон – водяное животное, он «бог воды, бог дождя» – символ божества нижнего мира и плодородия, к этому символу относится и женщина – Хатун, оказавшаяся вместе с драконом в водах Иртыша. «Вода реки черная», – отметил эту особенность реки персидский информатор Гардизи» («Кыпчаки...», с. 111 – 112).

Это, разумеется, наша река Чёрный Иртыш, до сегодняшнего дня протекающая через Алтай, и вода в ней, действительно, кажется тёмной, чёрной, сходной с цветом земли и дождевых облаков.

А теперь обратимся к китайской «Истории царства Вэй», написанной на пять столетий раньше книги персидского летописца.

«Кумоси – Кумохи (в смысле кимаки – Т. Ж.) были охотники драк и сражений, набегов и грабежей. Тамга племени си (кай) изображает змею, так как само слово «кай» означает змею (ипостась ее – дракон). Река Амур, протекающая по территории, населенной кумоси, киданями и другими народами, называется по-китайски Хэйлун-гянь – река Черного дракона. Другое ее название Хэйхе – «Черная река» (Там же. с. 112).

Что ж, пусть будет прародительницей кимаков змея/дракон/рыба. Какое отношение это имеет к скифам? Нам кажется, что два этих народа связывает единая золотая нить-пуповина. Таргытай родился от речной принцессы, а скифы от женщины-змеи. Конечно, и Геродот, и Гардизи, и «Вэйшу» пересказывают легенды. Любопытно, что каждую из них разделяют столетия и столетия. Двенадцать веков между сообщением Геродота и информацией из «Вэйшу». На таком огромном пространстве в разных частях земного шара, на протяжении такого большого времени сохранились генеалогические легенды о разных племенах кочевого народа, по-видимому, корни у них одни. На протяжении двенадцати веков происходили изменения в языках, антропологическом облике и в религии, но дух предков не изменился. Да и не могло измениться «начало», то есть «коллективное бессознательное», как называл К.-Г. Юнг.

Слова «кай», «дракон», «неханг», «си», «девушка-змея» – все они переводы с китайского, персидского (фарси), арабского на русский язык. А вот такие слова и понятия, как «оран», «уран», «айдар», «балык», «кайдар», «гайдар», «саркан», «уранхай», имеются в разных тюркских языках, входя до сих пор в основной словарный запас.

Именами людей и живых существ в Евразии названо множество земель, населенных пунктов, топонимов. Конечно, эти слова и понятия изменяются фонетически и звучат на востоке по-китайски, на западе – по-гречески, в Средней Азии – по-тюркски, в Центральной Азии – по-монгольски, в Передней Азии – по-арабски, на юге – на фарси, на Кавказе – по-армянски, в Восточной Европе – по-русски, в венгерских летописях на мадьярском, но суть и смысл, содержание в них то же. И не случайно, что три ведущих и известных историка, описывая одно известное историческое событие, независимо друг от друга и в разное время расшифровывают слово «уран – оран» как «дракон», от него происходит название страны и народа, обозначающее, что этот народ является главенствующим, то есть потомком «белой кости». В связи с этим наименованием, примем за основу точку зрения С.М. Ахынжанова, который, подытожив высказывания разных ученых, говорит, что слово «жылан» – «змея» имеет в своем происхождении тот факт, что живет это земноводное в теплой норе, «жылы» по-казахски – теплый, а «ан» – это зверь, отсюда и «жылан» – «зверь, живущий в теплой норе, любящий тепло». Подобно этому слово «оран» обозначим как «возвращающийся зверь», со временем оно стало корреспондировать со словом «уран», что означает призыв, лозунг, команда на возвращение домой.

Слово «уранхай», обозначающее название племени монголов, состоит из двух корней «уран» и «хай, кай», в котором были объединены два понятия «уран» – призыв и «хай, кай» – царствующий, белая кость. Корнем слова «Хайдар» является «хайда», «ар» – это древний суффикс превосходства, чести и доблести. Под воздействием энергетики тюркских корней «Хайдар» трансформировался в «Айдар». Кайдар, Гайдар и сейчас имеет хождение в тюркских и даже славянских языках, а в некоторых древних русских летописях это обозначение «гадуки», то есть той же змеи. Среди народов, густо населяющих побережье Черного моря, имеется народ с несомненными тюркскими корнями – «гайдуки», гордый и независимый. В древних легендах и историях европейских народов «гайдуки» известны своей доблестью и храбростью, и чтят их как рыцарей. Школьники знают,

что город Отрар героически защищал Кадыр-хан, имя этого кыпчака имеет прямое отношение к «хайдару», «кайдару». Его старшего брата звали Кыран (Сокол), а отцом их был Алып (Великан) Кара Уран. Племя «уран» относится к кыпчакской знати. Они были самыми преданными хорезмшаху воинами, его гвардией и защищали шаха Мухаммеда до последнего дыхания. Все дело в том, что мать шаха Мухаммеда Теркен-хатун была дочерью хана Кыран Кадыра, то есть старшей сестрой Алып Терек Кайыр-хана. Почти в это же время на берегах реки Сулы (в настоящее время она называется Суле), недалеко от Киева-Кияна, по соседству с киевскими князьями кочевали ханы Куншак, Сарышан (Шаруканя в древнерусских летописях), Есен, Ардак и Сугир, которые были потомками этих самых «гаддок», т.е. племени «уран». И если мы вспомним, что эти кыпчаки в VIII – IX веках во главе с бием Кунаном перекочевали с дальневосточных рек Аргын и Амур, то нетрудно заметить, что со времен великого кочевья во главе с Таргытаем прошло ровно XX столетий, и что это кочевье повторялось не один раз... А между этим двумя великими событиями лежат такие явления, как кочевка Аттилы-Едила, и за семьсот лет до него – перекочевка скифов.

Исторические писатели, также как и сказители древних легенд, воссоздавая эти походы, ссылаются на то, что эти кочевники происходят от Бога Неба Тенгри и принцессы Реки (Воды). Как было уже сказано, Таргытай происходит от речной принцессы, Едил (Аттила) – от девушки-змеи, от Сивогривого Волка (Кокбори) из племени Кунан-уран. А первоначальное расположение кочевья – по ту сторону Алтайских гор. Слово морские волны, которые перелились через берег, наполнили собой Великую степь и от Алтая добрались до Алып и только там остановились. Это случайное явление или закономерность? По нашему мнению, это естественное природное явление, зародившееся на восходе солнца, и как естественное явление имеет свою историю, нелегкую судьбу, трудности перехода, это был поход через континент носителей самой бурной жизни. И во всех этих сказаниях и легендах об «уранах», «кайях», «жыланах», «гайдуках» рассказывается о «нападении драконов». Один из разделов «Истории» Геродота посвящен неврам и в нем сказано: «У невров обычаи скифские. За одно поколение до похода Дария им пришлось покинуть свою страну из-за змей. Ибо не только их собственная земля произвела множество змей, но еще больше напало их из пустыни внутри страны. Поэтому-то невры были вынуждены покинуть свою землю и поселиться среди будинов». (Геродот, IV, 105.)

Точно в такой же легенде, которую приводит А. Нестров в работе «Исторические рассказы казаков Казалинского уезда Приаральской волости», сказано следующее: «Во времена, когда Жанкентом правил Санжар, на город напала орда змей и многих уничтожила».

Много подобных сказаний приводится и в «Шахнаме».

Откуда взялось такое огромное количество змей?

И Геродот, и Нестров, хотя между этими двумя историками огромная дистанция в две с половиной тысячи лет, описывают нашествие кыпчаков и кимаков-каев, у которых на знаменах были изображены два ножа, как змеиные жала, считает казахский историк С.М.Ахынжанов. Все дело в том, что Геродот «сообщает древнюю скифскую легенду о переселении скифов. Змея в народной мифологии – воплощение злого начала – символизирует враждебных пришельцев, которые изгнали невров из их мест обитания» (Геродот, История, примечания к четвертой книге). А вот у невров, которых с их родной земли прогнали змеи, священным тотемом-прародителем был Кокбори – сивогривый волк.

И разве само слово «невр» не имеет отношения к древнетюркскому «кокбори», которое просто переименовано по причине фонетического различия языков? Все это интересное и весьма неожиданное явление. Если В.В.Струве делает анализ разницы при написании и звучании таких букв и звуков как «с», «ш», «к», то

М.И.Дьяконов выражает сомнение по поводу того, что в древности сочетания букв «ст», «ишт», «тх», «бх» звучали и произносились именно так.

А легенда о Кокбори такова: хунны долго сражались друг с другом, и когда их единство значительно ослабло, одно из племен было поголовно истреблено. Уцелел только один мальчик, у которого враги отрезали руки и ноги, а самого бросили в болото. Этого мальчика выкормила и вырастила священная сивогриная волчица Кокбори. Потомки этого мальчика жили в Алтайских горах, в ущелье Ерегенекон, расплодился, окрепли, стали значительным племенем. Один из прямых потомков Кокбори был назван именем Ашина, который стал ханом нового народа. Эту легенду китайские историографы зафиксировали в III-IV веках до н.э. По мнению Геродота, скифы и невры были родственными народами, у них одни обычаи и традиции, общие предки.

Из этого можно сделать следующие выводы: кочевье, которое возглавлял Таргытай – первая, передовая группа кочевников, пришедших на побережье Черного моря, а вот скифы, которые во времена, описанные Геродотом, вытеснили киммерийцев с их насиженных земель – это вторая часть кочевников, и их возглавлял царь Ишпакай. А невры – это оставшаяся на родине, позднее размножившаяся, разросшаяся еще одна хуннская тюркская орда, из среды которой вышел царь Мади. Еще до появления Кокбори они жили на Великой Желтой Реке – Сары Озен, которая была им матерью-прародительницей, сейчас эта река называется Хуанхэ. В давние времена китайские императоры вынуждены были построить, защищаясь от нападений хуннов, Великую Китайскую стену, но когда сами хунны разделились на пятьдесят отделений – бекств, то у них поменялся мифический тотем, следовательно, теперь священным стало другое существо. Теперь можно было и змею назвать ее собственным именем змеи. Об этом историк С.М. Акинжанов пишет следующее: «Тюрки не называли именем собственным святыню, которой поклонялись, а давали ей другое, ложное имя».

По этой причине возвращающийся «оран», служащий когда-то призывом – «ураном» змей, теперь стал называться, как он есть, своим именем «змей». Эта традиция не называть своим именем свекра, свекровь, других родственников мужа, а придумывать для них другие, иносказательные имена, до сих пор существует в быту у казахских невесток. И теперь, с нашей точки зрения, в этом вопросе все понятно.

Таким образом, будем считать, что мы смогли, более основательно осветить историю скифов-кочевников во времена героя Таргытая, проследили, что она имеет глубочайшие корни.

Мы выяснили, что Таргытай не человек из легенды, не выдуманный персонаж, а историческая личность, а скифы не персы-иранцы и не славяне, а прототюрки. Эти выводы, возможно, еще требуют доказательств, но высказанные здесь нами положения должны навести здравомыслящих людей на дальнейшие научные исследования в этом направлении.

Итак, Таргытай – историческая личность. Этим мы выполнили одно из трех обязательных условий, по которым можно доказать, что человек есть личность. Мы не знаем достоверно, кто были его отец и мать, но зато по мере наших возможностей выяснили, каким духам и богам поклонялись его соплеменники, описали время, при котором было образовано его царство. Можно было бы рассказать о нем более подробно, но тогда мы бы вышли за пределы компетенции исторического писателя, претендуя на чисто научное изучение вопроса, то есть вторглись бы в другую область познания. Такая задача перед нами не стоит. А вот если нам удалось разбудить чью-то мысль, интерес к историческому познанию, тогда будем считать, что мы достигли своей цели, выполнили свою задачу.

Продолжение в следующем номере.

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.
Телефон/факс: (7172) 39-38-06.
Телефон корпункта в Алматы 8-701-337-45-55.
Сайт: www.niva-kz.narod.ru
E-mail: gundarev@hotmail.ru

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

**Рукописи в редакцию направляются на дисках
или CD-дисках и распечатанные на белой бумаге.**

Исполнительный директор **Ж. С. Ашимжан.**

Набор и вёрстка **Ю. В. Богдановой.**

Корректор **Г. Т. Жаниева.**

Технический и web-редактор **В. А. Богданов.**

Журнал основан **В. Р. Гундаревым**
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.
Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27.01.2003 г.

Сдано в набор 02.08.2013 г.

Подписано к печати 28.08.2013 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.
Заказ № 4398.

Номер набран и свёрстан
в ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».
